

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

РОССИЯ

В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

№ 23 (46)

Санкт-Петербург
2022

Россия в глобальном мире

Редакционная коллегия журнала

Лбова Л.В. – д.ист.н., профессор (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; Санкт-Петербург, Россия) – **главный редактор**;

Погодин С.Н. – д.ист.н., профессор (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; Санкт-Петербург, Россия) – **ответственный редактор**;

Вуйтович Б. – д.пед.н., профессор (Краковский педагогический университет им. Комиссии Народного Образования, г. Краков, Польша);

Гафаров М. – д.ю.н., профессор (Бакинский Государственный Университет, г. Баку, Азербайджан);

Гюнеш Д. – к.полит.н. (Норвежский университет естественных наук и технологии, г. Тронхейм, Норвегия);

Кефели И.Ф. – д.филол.н., профессор (Северо-западный институт управления (филиал Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы при президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия);

Кожирова С.Б. – д.полит.н., профессор (Евразийский Национальный Университет имени Л.Н. Гумилева, г. Нурсултан, Казахстан);

Лисеев И.К. – д.филол.н., главный научный сотрудник (Институт философии Российской Академии Наук, г. Москва, Россия);

Лю Шицзин – Генеральный секретарь Западного исследовательского центра развития (Сычуаньская академия социальных наук; г. Сычуань, Китай);

Михайленко В.И. – д.ист.н., профессор (Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Россия);

Муза Д.Е. – д.филол.н., профессор (Донецкий национальный университет, г. Донецк, Донецкая Народная Республика);

Оспанова А.Н. – PhD (Евразийский Национальный Университет им. Л.Н. Гумилева; г. Нурсултан, Казахстан);

Отт М. – PhD, профессор (Льежский университет, г. Льеж, Бельгия);

Петров А.Н. – профессор (Университет Северной Айовы, г. Сидар-Фоллз, США);

Пинсон Ж. – PhD, директор Национального центра истории (Совместное исследовательское подразделение, г. Тулуза, Франция);

Русакович А.В. – д.ист.н., профессор (Белорусский государственный университет; г. Минск, Республика Беларусь);

Сидорчук И.В. – к.ист.н., доцент (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; г. Санкт-Петербург, Россия);

Табарев А.В. – д.ист.н., доцент (Институт археологии и этнографии Сибирского Отделения Российской Академии Наук; г. Новосибирск, Россия);

Бахтуридзе З.З. – д.полит.н., профессор (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; г. Санкт-Петербург, Россия).

Ежеквартальный рецензируемый научный журнал, в котором представлены исследовательские статьи, соответствующие отраслевым направлениям и научным специальностям (по номенклатуре специальностей ВАК):

5.5. Политология (5.5.1. История и теория политики, 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики, 5.5.4. Международные отношения);

5.6. Исторические науки (5.6.1. Отечественная история, 5.6.2. Всеобщая история, 5.6.4. Этнология, антропология и этнография, 5.6.6. История науки и техники, 5.6.7. История международных отношений и внешней политики);

5.4. Социология (5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.4.5. Политическая социология; 5.4.6. Социология культуры).

Рубрики ГРНТИ: 03 История. Исторические науки, 11 Политика и политические науки, 23 Комплексное изучение отдельных стран и регионов.

Рубрики OECD 05.00.00 Social Sciences, 06.00.00 Humanities.

Цели журнала - создание и развитие постоянно действующей платформы для публикации актуальных материалов по вопросам развития международных отношений и социальных вызовов XXI века; развитие методологии и методики современного научного гуманитарного знания в области политологии, отечественного и зарубежного регионоведения; научный обмен между научными школами и направлениями, между специалистами и молодыми исследователями. Журнал публикует научные статьи, обзоры, рецензии, информацию о научных мероприятиях. Издание адресовано преподавателям и студентам вузов, ученым, аспирантам и соискателям, а также заинтересованным в обсуждении современных идей и практик в области международных отношений, регионоведения, истории науки и политологии.

Редакционная политика журнала базируется на современных юридических требованиях в отношении авторского права, поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированных Комитетом по этике научных публикаций (COPE), строится с учетом Декларации Сараево по целостности и видимости научных публикаций и Декларации «Этические принципы научных публикаций №, принятой Ассоциацией научных редакторов и издателей (АНРИ)/

В состав Редколлегии входят ведущие отечественные и зарубежные ученые.

Публикация научных статей для всех авторов бесплатна. Статьи публикуются на русском и английском языках.

ИНДЕКСАЦИЯ: сведения о публикациях Журнала представлены в базе данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), размещенной на платформе Научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru>, на научной платформе Open Access «КиберЛенинка», а также в Российской государственной библиотеке (РГБ).

ISSN 2304-9472; ISSNе 2949-3501

Учредитель и издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Адрес редакции: Гражданский пр., д. 28, Санкт-Петербург, 195220, Россия

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2022

The Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

PETER THE GREAT SAINT-PETERSBURG
POLYTECHNIC UNIVERSITY

RUSSIA

IN THE GLOBAL WORLD

№ 23 (46)

Saint Petersburg
2022

Russia in the Global World

Editorial Board:

Lyudmila V. Lbova – Doctor of History, Professor (*Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University; Saint-Petersburg, Russia*) – **Editor in Chief**;

Sergey N. Pogodin – Doctor of History, Professor (*Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University; Saint-Petersburg, Russia*) – **Associate Editor**;

Bożena E. Wójtowicz – Doctor of Education, Professor (*Pedagogical University of Cracow, Cracow, Poland*);

Qafarov Midhad – Doctor of Law, Professor (*Baku State University, Baku, Azerbaijan*);

Gunes Dilan – PhD in Political Sciences (*Norwegian University of Science and Technology, Trondheim, Norway*);

Igor F. Kefeli – Doctor of Philosophy, Professor (*North-West Institute of management (branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration), Saint-Petersburg, Russia*);

Svetlana B. Kozhirova – Doctor of Political Sciences, Professor (*L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan*);

Igor' K. Liseev – Doctor of Philosophy (*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*);

Shijing Liu – Secretary General of the Western Development Research Center (*Sichuan Academy of Social Sciences, Sichuan, China*);

Valerij I. Mihajlenko – Doctor of History, Professor (*Ural Federal University; Ekaterinburg, Russia*);

Dmitry E. Muza – Doctor of Philosophy, Professor (*Donetsk National University; Donetsk, Donetsk People's Republic*);

Aigerim N. Ospanova – Professor (*L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan*);

Otte Marcel – Professor (*University of Liege, Liège*);

Andrey N. Petrov – Professor (*University of Northern Iowa; Cedar Falls, USA*);

Pinçon Geneviève – Doctor of History, Director of National Center of Prehistory (*UMR (unité mixte de recherche) TRACES, Toulouse, France*);

Andrej V. Rusakovich – Doctor of History, Professor (*Belarusian State University, Minsk, Belarus*);

Ilya V. Sidorchuk – PhD in History (*Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University, Saint-Petersburg, Russia*);

Andrej V. Tabarev – Doctor of History (*Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia*);

Zeynab Z. Bakhturidze – Doctor of Political Sciences, Professor (*Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University, Saint-Petersburg, Russia*).

“*Russia in the Global World*” is a quarterly peer-reviewed publication that presents the research papers corresponding to the following scientific specialties (according to the nomenclature of the Higher Attestation Commission):

5.5. Political Science (5.5.1 History and Theory of Politics, 5.5.3 Public Administration and Industry Politics, 5.5.4 International Relations);

5.6. Historical sciences (5.6.1. Domestic History, 5.6.2. General History, 5.6.4. Ethnology, Anthropology and Ethnography, 5.6.6. History of Science and Technology, 5.6.7. History of International Relations and Foreign Policy);

5.4. Sociology (5.4.4. Social Structure, Social Institutions and Processes; 5.4.5. Political sociology; 5.4.6. Sociology of Culture).

CSCSTI Headings: 03 History. Historical Sciences, 11 Politics and Political Sciences, 23 Comprehensive Studies of Special Countries and Regions.

OECD Headings: 05.00.00 Social Sciences, 06.00.00 Humanities.

ASJC Scopus Political Science and International Relations, Sociology and Political Science, Cultural Studies.

The Mission of the Journal. Keeping the traditions of the best Russian publications, the journal is open to the publication of the relevant materials on the development of international relations and social challenges of the 21st century; evolution of methodology and methods of modern scientific humanitarian knowledge in the field of political science; elaboration of domestic and foreign regional studies; scientific exchange between scientific schools and directions, specialists and young researchers. The publication accepts and publishes the scientific articles, reviews, information about scientific events. The publication is addressed to university teachers and students, scientists, graduate students and applicants, as well as those interested in discussing modern ideas and doing the research in the field of International Relations, Regional Studies, the History of Science and Political Science.

The Editorial Policy of the Journal is based on the modern legal requirements for copyright. The Editorial Policy underpins the Code of Ethics for Scientific Publications formulated by the Committee on the Ethics of Scientific Publications (COPE), is grounded on the Sarajevo Declaration on the Integrity and Visibility of Scientific Publications and the Declaration “Ethical Principles of Scientific Publications” No. adopted Association of Science Editors and Publishers (ASEP).

The Editorial Board consists of a group of prominent national and foreign scientists.

The publication of scientific articles for all authors is free. The articles are published in Russian and English.

INDEXING: the information about the publications of the Journal is presented in the database “Russian Science Citation Index” (RSCI), hosted on the platform of the Scientific Electronic Library <http://www.elibrary.ru>, on the scientific platform Open Access “CyberLeninka” and the Russian State Library (RSL).

ISSN 2304-9472; ISSN e 2949-3501

Founder and publisher: Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University
Editorial address: Grazhdansky pr., 28, Saint-Petersburg, 195220, Russia

© Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово	7
Политология. Политические науки	
<i>Петрова К. С.</i> Феномен «цветных революций» на примере Гонконга	11
<i>Быков Д. А.</i> Эволюция миграционного законодательства Швеции	24
<i>Додонов Е. С.</i> Нормативно-правовой аспект международного признания новых государств	41
<i>Фу Линцы, Лбова Л. В.</i> Современная политика правительства КНР в урегулировании этно-конфессиональных конфликтов в Синцзянь-Уйгурском автономном районе	53
Евразийская интеграция	
<i>Ахмадбаев А. М.</i> Партнерство России и Китая в экологической сфере	69
<i>Кондрацкая Н. В.</i> Сотрудничество Китая и стран АСЕАН в сфере образования (2000–2020 гг.)	82
<i>Коптев А. А.</i> Православие в Китае: межконфессиональные связи России и Китая (история и современный этап)	96
Страны и народы	
<i>Бергоев Д. Д.</i> Особенности изменения китайского языка под влиянием политического дискурса социальных медиа	109
<i>Ренёва Е. А.</i> Современные музейные практики охраны историко-культурного наследия в Финляндии	123
<i>Цуй Лун.</i> Русская архитектура в Харбине	131
Обзоры и рецензии	
<i>Кузнецов Д. И.</i> Цифровая эпоха и новые подходы к глобальной безопасности	142

CONTENTS

Introductory speech	9
Political science	
<i>Petrova K. S.</i> The phenomenon of «color revolutions» on the example of Hong Kong	11
<i>Bykov D. A.</i> The evolution of Swedish migration legislation	24
<i>Dodonov E. S.</i> Regulatory and legal aspects of international recognition of new States	41
<i>Fu Lingqi, Lbova L. V.</i> Contemporary politics of the China's government in the adjustment of ethno-confessional conflicts in the Xinjiang-Uyghur autonomic region	53
Eurasion integration	
<i>Akhmadbaev A. M.</i> Partnership between Russia and China in the environmental sphere	69
<i>Kondratskaya N. V.</i> Cooperation between China and ASEAN countries in the field of education (2000–2020)	82
<i>Koptev A. A.</i> Orthodoxy in China: interfaith relations between Russia and China at the history and present times	96
States and nations	
<i>Bergoev D. D.</i> Features of the Chinese language change under the influence of the political discourse of social media	109
<i>Reneva E. A.</i> Modern museum practices in the protection of historical and cultural heritage in Finland	123
<i>Cui Long.</i> Russian architecture in Harbin	131
Reviews	
<i>Kuznetsov D. I.</i> The digital age and new approaches to global security	142

Вступительное слово

Студенческому научному обществу Высшей школы международных отношений исполняется 20 лет.

За эти годы произошло множество событий, мир постоянно менялся, все более динамично и менее предсказуемо, но наши молодые исследователи продолжали ставить перед собой сложные задачи его осмысления и изучения.

Широкий спектр проблем, к которым они обращались в своих научных работах, требовал весьма серьезных и глубоких знаний. Кроме аналитического интеллекта и знаний предмета были также необходимы умения проводить исследования, навыки применения различных методологических подходов, грамотного подбора и использования источников и литературы. Все это и многое другое, в том числе, владение иностранными языками, которое, несомненно, расширяло круг их поиска и увеличивало возможности исследования, они смогли освоить, обучаясь на направлении «Зарубежное регионоведение».

В рамках работы студенческого научного общества наши бакалавры, магистранты и аспиранты проявляли интерес к разным темам в контексте истории, культуры, социальной-экономической и политической реальности регионов, что находило отражение при участии в мероприятиях, проводимых Высшей школой международных отношений (ВШМО). Это и научно-исследовательские семинары, и конференции, и участие в подаче заявок на конкурсы и гранты различного уровня

Следует особо отметить, что увлечение научными исследованиями позволяет достичь среди прочего и прагматично значимых результатов. В частности, за годы существования научного сообщества Высшей школы международных отношений, наиболее активные его участники защитили кандидатские диссертации и смогли реализовать себя как в научной, так и в педагогической сфере деятельности. Кандидатами наук стали выпускники ВШМО Мария Анатольевна Гулева, Никита Сергеевич

Иванников, Ли Цзинчэн, Дмитрий Евгеньевич Колесников, на программах подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре обучаются Анастасия Геннадьевна Лагойко, Лусине Артаковна Микаелян, Елена Борисовна Малышева и др.

Журнал «Россия в глобальном мире» с момента своего существования (2012 г.) наряду с работами признанных экспертов, принимал к публикации студенческие статьи, которых с каждым выпуском становилось все больше, а данный юбилейный выпуск полностью укомплектован статьями молодых исследователей. Несомненно, это определенный показатель как интереса к научной деятельности со стороны молодежи, так и признания их вклада со стороны научного сообщества.

Желаем нашим начинающим ученым дальнейшего развития их потенциала и успехов в научных изысканиях.

*Доктор политических наук,
профессор Высшей школы
международных отношений ГИ СПбПУ
Бахтуридзе Зейнаб Зелимхановна*

Introductory speech

The Student Scientific Society of the Higher School of International Relations is turning 20 years.

In the meantime, a series of events has occurred, the world has been constantly changing, more dynamically and less predictably, however, our young researchers continue to set themselves difficult tasks targeted at the world comprehension and study.

The novice scientists addressed the wide range of problems, which required very serious and in-depth knowledge in their research works. In addition to analytical intelligence and knowledge of the topic, the young scientists also needed the ability to do the cutting-edge research, the skills in applying various methodological approaches, and the ability to select the proper sources and literature.

They were able to master all the above mentioned and much more, including the knowledge of foreign languages, which undoubtedly expanded the circle of their search and increased the possibilities of research while studying in the direction of "Foreign Regional Studies".

As part of the student scientific society's work, our bachelors, masters and postgraduates showed interest in various topics in the context of history, culture, socio-economic and political reality of the regions that was reflected when participating in the events held by the Higher School of International Relations (HSIR). These events included research seminars, conferences, and participation in the submission of applications for competitions and grants at various levels.

It should be particularly noted that the passion for scientific research makes it possible, among other things, to achieve a lot of pragmatically significant results. In particular, over the years of the Higher School of International Relations' scientific community existence, its most active participants defended their PhD theses and were able to realize themselves both in the scientific and pedagogical fields of activity. The graduates of our Higher School of International Relations such as Maria Anatolyevna Guleva, Nikita

Sergeevich Ivannikov, Li Jingcheng, Dmitry Evgenievich Kolesnikov have got PhDs, and Anastasia Gennadievna Lagoiko, Lusine Artakovna Mikaelyan, Elena Borisovna Malysheva and others are studying at the postgraduate training programs for scientific and pedagogical personnel at Graduate School.

Since the first issue (2012) the journal "Russia in the Global World" has accepted the works of recognized experts along with the students' articles for publication. The number of the students' research works has increased with each issue. This anniversary edition has been fully stocked with the works of young researchers. Undoubtedly, this is a certain indicator of both interest in scientific activity on the part of young people and recognition of their contribution from the scientific community.

We wish our young and aspiring scientists further development of their true potential and success in scientific research.

*Doctor of Political Sciences,
Professor of Higher School of
International Relations
Peter the Great Saint-Petersburg
Polytechnic University
Bakhturidze Zeynab Zelimkhanovna*

ПОЛИТОЛОГИЯ. ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ POLITICAL SCIENCE

научная статья
УДК: 323.272
DOI: 10.48612/rg/RGW.23.1

Феномен «цветных революций» на примере Гонконга

Петрова Ксения Сергеевна ✉
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
✉ author.ksenia@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-9459-7888>

***Аннотация.** Современный мир вступил в эпоху глобализации, но следует отметить, что чем больше мир формируется как одна большая коалиция, тем больше видны разногласия и несовпадения в различных законодательных актах. В целях компенсации правовых лазеек в отсутствии соглашений о «выдаче беглых преступников» между Гонконгом и материковой частью Китая, Макао и Тайванем, в феврале 2019 г. правительство специального административного района Гонконг предложило внести поправки в Постановление о беглых преступниках. Этот шаг впоследствии вызвал большую дискуссию в гонконгском обществе и породил ряд социальных оппозиционных движений, которые проанализированы в контексте "цветных революций". В итоге движение против поправки переросло в социальный бунт, ударивший по социально-политической сути государственной концепции «Одна страна, две системы» по заговору антикоммунистических и антикитайских сил в Гонконге и за его пределами. Инцидент с поправками в итоге вылился в митинги и протесты, первопричиной которых является нерешенность двух основных противоречий в гонконгском обществе: противоречие идеологического противостояния в понимании «одна страна, две системы», а второе – неравенство социального распределения между богатыми и бедными, обострившимися конфликт. В статье рассмотрены предпосылки конфликта, развитие протестов с технической стороны и пути их регулирования правительством Китая, которые произошли в специальном административном районе Гонконг, в 2019–2020 гг. Особое внимание уделено отличительным чертам протестов. Целями данной статьи являются анализ и характеристика событий в Гонконге в 2019–2020 гг.*

Задачами данной статьи является определение понятия "цветная революция", ее отличие от стихийных движений и как события прошлых лет повлияли на устоявшийся социальный строй. В исследовании использованы методы сравнительного и ретроспективного анализа. В исследовании, автор приходит к выводу, что события в Гонконге являются попыткой смены власти с использованием

технологий «цветной революции». Данное заключение находит подтверждение в следующих факторах: поддержка иностранными средствами массовой информации, проведение уличной политики, требования отставки легитимной власти, продемократические лозунги митингующих. В контексте концепции «Одна страна, две системы», Китаю необходимо предпринять попытки к формированию более гибких правовых актов, регулирующих отношения между Гонконгом и материковым Китаем, не допуская нанесения рисков своей национальной безопасности. Значимость исследования заключается в обобщении имеющихся знаний о «цветных революциях» и формировании стимула к продолжению поиска общих характеристик подобных протестов.

Ключевые слова: Китай; власть; демонстрации; уличная политика; поправки; национальная безопасность

Для цитирования: Петрова К.С. Феномен «цветных революций» на примере Гонконга // Россия в глобальном мире 2022. № 23(46). С. 11–23. DOI: 10.48612/rg/RGW.23.1

© Петрова К.С., 2022. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Original article

DOI: 10.48612/rg/RGW.23.1

The phenomenon of "color revolutions" on the example of Hong Kong

Ksenia S. Petrova ✉

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia

✉ author.ksenia@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-9459-7888>

Abstract. *The modern world has entered the era of globalization, but it should be noted that the more the world merges into one big coalition, the more differences and discrepancies in various legislative acts are visible. In order to compensate for legal loopholes in the absence of agreements on the "extradition of fugitive criminals" between Hong Kong and mainland China, Macau and Taiwan, in February 2019, the Government of the Hong Kong Special Administrative Region proposed amendments to the Fugitive Criminals Ordinance. This step subsequently caused a great discussion in Hong Kong society and gave rise to a number of social opposition movements, which were analyzed in the context of the "color revolutions". As a result, the movement against the amendment turned into a social revolt, which hit the socio-political essence of the state concept of "One country, two systems" by the conspiracy of anti-communist and anti-Chinese forces in Hong Kong and beyond. The incident with the amendments eventually resulted in rallies and protests, the root cause of which is the unresolved two main contradictions in Hong Kong society: the first one is the contradiction of ideological confrontation in the sense of "one country, two systems", and the second one is connected with the inequality of social distribution between the rich and the poor, which exacerbated the conflict. The article examines the prerequisites of the conflict, the development of protests from the technical side and the ways of their regulation by the Chinese government, which occurred in the Hong Kong Special Administrative Region in 2019–2020. Special attention is paid to the distinctive features of the protests.*

The purpose of this article is to analyze and characterize the events in Hong Kong in 2019–2020. The tasks of this article are to define the concept of "color revolution", to reveal

its difference from spontaneous movements and to discuss the reasons of the revolution. The author analyzed the events and discussed them in the context of the established social order. The methods of comparative and retrospective analysis were used in the study. In the study, the author comes to the conclusion that the events in Hong Kong are an attempt to change power using the technologies of the "color revolution". This conclusion is confirmed by the following factors: support by foreign media, street politics, demands for the resignation of the legitimate government, pro-democratic slogans of the protesters. In the context of the concept of "One country, two systems", China needs to make attempts to form more flexible legal acts regulating relations between Hong Kong and mainland China, preventing the risks of its national security. The significance of the study lies in the generalization of existing knowledge about the "color revolutions" and the formation of an incentive to continue the search for common characteristics of such protests.

Keywords: China; government; demonstrations; street politics; amendments; national security

For citation: Petrova, P.K. The phenomenon of "color revolutions" on the example of Hong Kong. *Russia in the Global World*. 2022; 23(46): 11–23. (In Russ.). DOI: 10.48612/rg/RGW.23.1

© Petrova, P.K., 2022. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Введение. Сегодня Гонконг (Сянган 香港) является особым административным районом КНР и тем самым представляет собой яркий пример успешного сосуществования двух политически и экономически различных систем в пределах одного государства. Однако такая сложная организационная модель способна время от времени вызывать определенные общественные разногласия.

После возвращения Гонконга под юрисдикцию КНР, время от времени возникают проблемы в управлении данным районом, жители которого являются носителями гораздо более либеральных традиций, нежели жители материкового Китая. Именно потому, что причины существующих по сей день разногласий между гонконгским обществом и центральным правительством КНР уходят корнями глубоко в историческое прошлое [1].

Цветные революции получили своё активное развитие благодаря росту международной политической нестабильности, что было вызвано кризисом однополярного мира, который в той или иной мере подтолкнул к поиску возможностей мирного регулирования конфликтов. Вместе с тем, следует отметить, что тема цветных революций считается дискуссионной как в России, так и за рубежом, потому что существует как минимум две разные точки зрения по поводу понимания подобных событий: некоторые

исследователи считают подобные протесты волеизъявлением народа, в то время как другие придерживаются мнения, что цветная революция – современная технология свержения власти. Поэтому в качестве цели определена характеристика событий в Гонконге в 2019–2020 гг. в контексте современных политтехнологии.

При исследовании были использованы методы сравнительного и ретроспективного анализа, которые позволили изучить отечественную и зарубежную практику при рассмотрении проблематики исследования.

Историография вопроса. Термин «цветная революция» изначально был общим термином для серии смен режимов, которые произошли в некоторых странах бывшего Советского Союза, Центральной Азии. Неудивительно, что объектом интереса со стороны исследователей стали новые вызовы и угрозы международной безопасности, в частности – специфика цветных революций. Данную тему рассматривали в своих работах А.А. Керимов, Т.В. Вербицкая, А.О. Наумов, В.Д. Соловей, О.Г. Карпович, Д. Шарп, Р.Л. Хелви.

Однако, следует отметить, что среди политологов отсутствует единое мнение о том, какие события следует относить к конфликтам подобного типа. Андрей Манойло, профессор кафедры политологии Московского государственного университета, дал следующее определение: «цветная революция» – это политическая тактика смены режима внешними силами для создания политической нестабильности. Ее основной метод – спровоцировать людей протестовать на улицах и запугать правительство [2]. В свою очередь, Данюк Н.С. определил цветную революцию как «особую форму борьбы (политического вмешательства), направленную на создание конфликтного потенциала с целью смены государственной власти и принципиально меняющую основание ее легитимности, а также приводящую к геополитической и геоэкономической переориентации государства» [3]

С начала XXI века мир столкнулся, с целым рядом случаев, которые можно обозначить как цветные революции: 2003 г. – «революция роз» в Грузии, 2004 г. – «оранжевая революция» на Украине, 2005 г. – «тюльпановая революция» в Киргизии, 2006 г. – попытка «васильковой революции» в Беларуси, а в 2009 г. – в Армении, 2011 г. – «жасминовая революция» в Китае [4]. Однако впервые подобная тактика смены режима

упоминается относительно событий в Португалии в 1970-х годах, получивших название «революция гвоздик» [5].

В настоящее время существует два пути возникновения цветных революций. Первый относится к политическим изменениям в Содружестве независимых государств, которые происходят мирным, ненасильственным образом. Второй требует определенного подходящего времени – парламентские или президентские выборы, социально-экономическая нестабильность, отсутствие реформ правительственного аппарата и т.д. [6].

Волна «цветных революций» распространилась в разной степени по всему миру, «ненасильственные» революционные социальные движения, вспыхнувшие на Ближнем Востоке, также называются «цветными революциями». В той или иной мере это объясняется тем, что политтехнологи используют яркие цвета, как символ выражения протеста, чтобы позволить большему количеству людей участвовать в организованном ими антиправительственном движении. Однако по мере распространения волны оппозиционных движений, в последующих «цветных революциях», таких как «березовая революция» в России и «тюльпановая революция» в Киргизии, понимание слова «цвет» было обобщено. Выбор цвета в качестве признака — это уже не признак суждения о том, является ли событие «цветной революцией», а суждение, основанное на признаках события. В массовом сознании, определение «революция» уже не имеет подтекста традиционного «насилия» и «вооруженной» борьбы в контексте «цветной революции», а выражает специфический символический смысл [7].

На данном этапе развития международных отношений, термины «революция», «цветная революция» и «бархатная революция» стали одним из элементов политической борьбы. Оппозиция выступает за трансформацию общественного строя, но мирным путем с помощью относительно мягких демонстраций [8]. Однако, ненасильственные намерения протестующих часто переходят в открытый конфликт с полицией и иными правоохранителями.

Фактически, в случае политической победы демонстрантов и лоббирования их интересов в органах власти, конечным результатом «цветной революции» становится установление прозападного режима и осуществление перехода к капитализму, что, по сути, позволяет сделать

вывод, что главная цель проведения митингов и демонстраций – смена режима посредством манипулятивного воздействия.

В.П. Пугачев выделил следующие технологические алгоритмы «цветных революций»:

1. Выявляется энергетический потенциал общественных групп, способных участвовать в революции;
2. Определяются политические объединения, которые способны стать двигателем политического протеста;
3. В военизированных молодежных лагерях с помощью специальных тренингов готовятся ударные силы революции;
4. Выстраивается цепочка практических целей, которая максимально приближенна к реальным требованиям масс;
5. Обеспечивается преимущество оппозиции в электронных СМИ;
6. Используются зрелищные массовые действия для побуждения всех недовольных граждан к активности;
7. Общество приводится в состояние анархии, начинаются массовые беспорядки;
8. Управление осуществляется специально подготовленными специалистами;
9. После захвата власти начинаются негласные чистки в госаппарате [9, с. 216–222].

Результаты исследования и их обсуждение. Первая попытка проведения «цветной революции» в Гонконге относится к 2014 г., для освещения тех событий журналисты использовали термин «революция зонтиков». Второй попыткой стали события в 2019 году. Протесты начались в июне, в связи с рассмотрением правительства закона об экстрадиции беглых преступников. Спустя несколько дней на центральные улицы специального административного района вышло более миллиона человек [10]. В начале августа 2019 года центральное правительство заявило, что антиконституционное ревизионное движение является «цветной революцией», что и подтвердилось последующими признаками развития движения.

В качестве основных отличительных черт протестов в Гонконге стоит выделить следующее:

- идеализирование западной политической системы;

- уличная политика;
- финансовая поддержка иностранных государств, СМИ, независимых финансовых, благотворительных организаций;
- требования смены правительства.

Разберем каждый из аспектов подробно. Протестующие принимают западную капиталистическую политическую систему как образец демократии. Несмотря на то, что страны, пережившие «цветные революции» в прошлом, устанавливали относительно демократические и фиксированные избирательные системы, процесс политической демократизации часто отстает от объективных потребностей общественного развития. Часто усиливается бюрократизация государственного управления. С точки зрения национального экономического развития, из-за отсутствия длительного периода социальных преобразований и исходя из опыта экономического маркетинга, рыночным реформам трудно изменить текущую ситуацию внутреннего экономического дисбаланса и медленного экономического роста в короткий период времени, трудно эффективно уменьшить степень социальной бедности. Данная ситуация, в свою очередь, вызывает большое недовольство и социальный раскол среди населения. Западные страны восприняли социальную нестабильность и недовольство легитимной властью в специальном автономном районе Китая, как возможность активно продвигать свою капиталистическую модель государства. В протестах важную роль сыграла и колониальная история Гонконга, многие демонстранты демонстрировали прозападные взгляды и сепаратистские настроения. Одним из примеров, подтверждающих данный тезис, является использование Британского колониального флага в захваченных государственных зданиях [11].

Вторая отличительная черта – уличная политика как основная форма демонстраций. В этом заключается существенное отличие «цветной революции» от традиционной военной борьбы за свержение режима. Под уличной политикой понимается деятельность, осуществляемая определенными политическими силами в своих целях путем мобилизации людей на марши по улицам, демонстрации или осады государственных учреждений [12]. Однако уличная политика не всегда характеризуется как

фактор «цветной революции», это форма политической борьбы, которую могут использовать как оппозиция, так и власть имущие. Можно обозначить следующий логический вывод: не каждый массовый уличный митинг является «цветной революцией», но в каждой попытке свержения власти при помощи технологий «цветной революции» будет задействована уличная политика. В странах, пострадавших от «цветных революций» в прошлом, оппозиция всегда подстрекала людей к выходу на улицы или к собраниям и демонстрациям на главных площадях города, для оказания давления на власть имущих. Являясь инициаторами уличной политики, оппозиционеры, в основном, выбирали избирательный вопрос как «точку кипения» среди масс, а власть имущие после начала попыток свержения власти не решались применять силу для подавления выступлений.

Поддержка иностранными средствами массовой информации и финансовыми организациями – одна из важнейших особенностей протестов в Гонконге. Заручиться поддержкой западных стран – необходимый для демонстрантов аспект [13]. В каждой «цветной революции» страны Запада во главе с США оказывали поддержку и помощь соответствующей деятельности оппозиционных партий как публично, так и закулисно. В 2019 г. в Гонконге феномен использования краундфандинга для сбора средств превзошел все надежды гонконгцев [14]. Всего за 12 часов было собрано около 850 000 долларов, которые были потрачены на рекламу в 19 газетах в 13 странах, призывая мировых лидеров обратить внимание на тяжелое положение Гонконга на саммите G-20.

В поддержке протестующих со стороны иностранных государств можно выделить следующие мотивы: во-первых, использование в своих интересах ситуаций, связанных с экономическими трудностями, в нашем случае – Китая, когда иностранные власти использовали преимущества для ослабления контроля над различными внутренними областями, предоставляя возможности западному капиталу выйти на внутренний рынок, и позволяя оппозиции осуществлять легитимную деятельность в обмен на финансовую поддержку; во-вторых – давление на политическую элиту, выражая поддержку оппозиции и создавая благоприятную среду для нее в международном общественном поле.

Непубличные способы поддержки демонстрантов иностранными государствами заключаются в том, что западные организации, под

руководством правительства, используют официальную статистику и финансируемые ими научно-производственные объединения для проведения опросов общественного мнения и формирования массового политического мнения, публичного прогнозирования смены режима, изменения общественных ожиданий для пересмотра отношения людей к действующему режиму [15]. Западные страны поддерживают оппозицию финансово, организуют обучение, оппозиционеров специально обучают проведению «цветных революций» для реализации конкретных указаний, обеспечения того, чтобы действия митингующих не нарушали «ненасильственных» границ [16].

Свержение режима становится необходимым условием успеха проведения демонстраций. В результате ретроспективного анализа истории «цветных революций» в разных странах можно отметить, что, хотя события-триггеры, приведшие к «цветным революциям», отличаются друг от друга, траектории их развития в целом совпадают. Финальным действием оппозиции является настойчивое требование переизбрания или отставки президента. Даже если власть имущие выражают готовность к переговорам и компромиссам, оппозиция все равно отказывалась идти на уступки. Очевидно, что конечной целью «цветной революции» является не принуждение правительства к принятию соответствующих мер, изменение соответствующего строя, смягчение социальных противоречий и, в конечном счете, повышение уровня жизни народа, а принуждение действующей власти к требованиям протестующих. К тому же иногда, требование отставки власти принимает абсолютно неделикатный оборот. Примером может выступать репетиция похорон Керри Лам – главы администрации Гонконга, проведенная во время протестов.

Внешнее вмешательство в это движение необходимо. Через несколько месяцев после начала протестов, внешние силы стали активно формировать импульс общественного мнения, вызывая сопротивление и конфронтацию в народе [17], а американские политики даже публично выступали за оппозицию для поднятия морального духа протестующих; во время беспорядков в Гонконге внешние силы не жалели денег для финансирования митингующих и сил для тактического командования.

Заключение. Протесты в Гонконге в 2019–2020 гг., несомненно, являются попыткой государственного переворота с использованием

технологий «цветной революции», что подтверждается следующими факторами: основным местом действия оппозиционного движения стали главные улицы САР, что является прямым доказательством проведения уличной политики, спровоцированной оппозицией. В Гонконге вспыхнуло множество широкомасштабных демонстраций и уличных «вспышек», все ведущие иностранные СМИ поддерживали протестующих, была проведена подготовка кадров для организации протестов. Поправка к Закону об экстрадиции беглых преступников стала лишь спусковым крючком для начала беспорядков. После того, как правительство дало сигнал о приостановке пересмотра закона, настроения оппозиции еще больше ужесточились. Гонконгская молодежь выступала под лозунгами эпохи революции: «захватите власть», «восстановите Гонконг». Хотя на поверхности все же есть некоторые институциональные особенности, сутью этих беспорядков стала гонконгская версия «цветной революции», направленная на свержение центральной власти в Гонконге. Однако, попытка проведения «цветной революции» закончилась неудачей. Уникальное географическое положение Гонконга, уникальная колониальная история и капиталистическая система, отличная от материка, делают его важной фигурой в геополитической шахматной игре крупных держав и лучшим местом для западных держав начать боевые действия. Тем не менее, судя по «результатам победы», достигнутым этим радикальным насилием и гласности любой ценой, беспорядки вокруг поправок оказали серьезное негативное влияние на социальный строй Гонконга и экономическое развитие, однако, при твердой поддержке правительства в САР, государство обеспечило соблюдение законов в соответствии с законодательством, а полиция Гонконга строго следила за соблюдением порядка. Политический строй Гонконга не был разрушен.

Одним из важных последствий протестов стал Закон о национальной безопасности Гонконга, принятый в 2020 году, согласно которому любая деятельность, направленная на нанесение ущерба национальной безопасности, будет караться лишением свободы на срок от 3-х лет до пожизненного заключения [18]. Гонконгская оппозиция не смогла избежать юридических санкций и в марте 2021 г. Китай на 27-м заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 13-го созыва проголосовал за принятие недавно пересмотренного

Приложения 1 Закона и Приложения 2 о реформировании избирательной системы Гонконга. Тем самым, избирательная система Гонконга была улучшена, а управление Гонконгом осталось в руках легитимной власти.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Папашвили Г.З., Курныкин О.Ю., Тажиева М.Н. Британское влияние как фактор формирования современной идентичности гонконгцев // Известия Алтайского государственного университета, 2020, № 6(116). С. 46–50. URL: <http://izvestiya.asu.ru/article/view/%282020%296-07> (дата обращения: 21.04.2022).
2. Интервью: "Цветная революция" Дерево страны и народа – Интервью с Андреем Манойло, профессором кафедры политологии Московского государственного университета. URL: http://m.xinhuanet.com/2019-10/09/c_1125080421.htm (дата обращения: 11.04.2022).
3. Данюк Н.С. Никита Данюк об этапах и методах реализации «цветных революций» // Сайт Ин-та стратегических исследований и прогнозов РУДН. URL: <http://isip.su/ru/articles/197> (дата обращения: 16.11.2019).
4. Bartłomiej Krzysztan. (2020) Unique or modular? Armenian Velvet Revolution in comparative approach. Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej 18:3, pages 143–171. Available at: <https://ies.lublin.pl/rocznik/riesw/2020/3/7> (accessed: 17.03.2022).
5. Lincoln A. Mitchell. The Color Revolutions. University of Pennsylvania Press, 2012.
6. Cole J. Harvey. Changes in the menu of manipulation: Electoral fraud, ballot stuffing, and voter pressure in the 2011 Russian election. // Electoral Studies 41, 2016. Pages 105–117. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0261379415002073?via%3Di> hub (accessed: 17.03.2022).
7. Наумов А.О. «Мягкая сила» и «цветные революции» // Российский журнал правовых исследований, Т. 3, №1, 2016. С. 73–86. URL: <https://journals.eco-vector.com/2410-7522/article/view/18109> (дата обращения: 11.04.2022).
8. Hui, Victoria Tin-bor. "Crackdown: Hong Kong Faces Tiananmen 2.0." // Journal of Democracy 31, no. 4, 2020. P. 122–137. Available at: doi:10.1353/jod.2020.0060. (accessed: 17.03.2022).
9. Пугачев В.П. Управление свободой. М., 2005. 272 с.
10. Fine M, Finesurrey S, Rodriguez A, Almonte J, Contreras A, Lam A. "People Are Demanding Justice": Pandemics, Protests, and Remote Learning Through the Eyes of Immigrant Youth of Color. // Journal of Adolescent Research. 2021;36(5): 437–466. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/07435584211034873> (accessed: 17.03.2022).
11. Lim L, Ilaria Maria Sala. Hong Kong's propaganda battle is playing out in the media – and in cyberspace. 11.07.2019 // The Washington Post: [сайт]. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2019/07/11/hong-kongs-propaganda-battle-is-playing-out-media-cyberspace/> (дата обращения: 29.04.2022).
12. Ожъен А., Борисенкова А. Уличная политика и политика голосования // Социологическое обозрение. 2014. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ulichnaya-politika-i-politika-golosovaniya> (дата обращения: 11.04.2022).
13. Нью Мэнди. Особенности освещения западными и китайскими СМИ протестов в Гонконге в аспекте проблемы толерантности // Гуманитарный вектор. 2021. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-osvescheniya-zapadnymi-i-kitayskimi-smi-protestov-v-gonkonge-v-aspekte-problemy-tolerantnosti> (дата обращения: 11.04.2022).

14. Гончарова М.А., Поповичева Н.Е. Краудфандинг как инновационный финансовый инструмент реализации стратегии устойчивого социально-экономического развития региона // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. №47. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kraudfanding-kak-innovatsionnyu-finansovuyu-instrument-realizatsii-strategii-ustoychivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya> (дата обращения: 25.05.2022).
15. Shek, D.T.L. Protests in Hong Kong (2019–2020): a Perspective Based on Quality of Life and Well-Being // *Applied Research Quality Life* 15, 619–635 (2020). Available at: <https://doi.org/10.1007/s11482-020-09825-2> (accessed: 17.03.2022).
16. Манойло А.В. Гибридные войны и цветные революции в мировой политике // *Право и политика*, №7, 2015. С. 918–929. URL: http://www.nbpublish.com/go_to_article.php?id=33925 (дата обращения: 11.04.2022).
17. Clifton R Emery, PhD, A Social Work Professor in the Midst of the Campus Occupation during the Hong Kong Protests of 2019, *Social Work*, Volume 66, Issue 1, 2021, P. 80–81, Available at: <https://doi.org/10.1093/sw/swaa050> (accessed: 17.03.2022).
18. Закон КНР об обеспечении национальной безопасности в САР Гонконг КНР. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.gld.gov.hk/egazette/pdf/20202444e/cs220202444136.pdf> (дата обращения: 11.04.2022).

REFERENCES

1. Papashvili G.Z., Kurnykin O.Yu., Tazhiyeva M.N. Britanskoye vliyaniye kak faktor formirovaniya sovremennoy identichnosti gonkongtsev // *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, № 6(116). S. 46–50. URL: <http://izvestiya.asu.ru/article/view/%282020%296-07> (data obrashcheniya: 21.04.2022).
2. Intervyu: "Tsvetnaya revolyutsiya" Derevo strany i naroda - Intervyu s Andreyem Manoylo, professorom kafedry politologii Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. URL: http://m.xinhuanet.com/2019-10/09/c_1125080421.htm (data obrashcheniya: 11.04.2022).
3. Danyuk N.S. Nikita Danyuk ob etapakh i metodakh realizatsii «tsvetnykh revolyutsiy» // *Sayt In-ta strategicheskikh issledovaniy i prognozov RUDN*. URL: <http://isip.su/ru/articles/197> (data obrashcheniya: 16.11.2019).
4. Bartłomiej Krzysztan. (2020) Unique or modular? Armenian Velvet Revolution in comparative approach. *Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej* 18:3, pages143–171. Available at: <https://ies.lublin.pl/rocznik/riesw/2020/3/7> (accessed: 17.03.2022).
5. Lincoln A. Mitchell. *The Color Revolutions*. University of Pennsylvania Press, 2012.
6. Cole J. Harvey. Changes in the menu of manipulation: Electoral fraud, ballot stuffing, and voter pressure in the 2011 Russian election. // *Electoral Studies* 41, 2016. Pages 105-117. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0261379415002073?via%3Dihub> (accessed: 17.03.2022).
7. Naumov A.O. «Myagkaya sila» i «tsvetnyye revolyutsii» // *Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy*, T. 3, №1, 2016. С. 73–86. URL: <https://journals.eco-vector.com/2410-7522/article/view/18109> (data obrashcheniya: 11.04.2022).
8. Hui, Victoria Tin-bor. "Crackdown: Hong Kong Faces Tiananmen 2.0." // *Journal of Democracy* 31, no. 4, 2020. P. 122-137. Available at: [doi:10.1353/jod.2020.0060](https://doi.org/10.1353/jod.2020.0060) (accessed: 17.03.2022).
9. Pugachev V.P. *Upravleniye svobodoy [Freedom Management]*. M., 2005. С. 216-222.
10. Fine M, Finesurrey S, Rodriguez A, Almonte J, Contreras A, Lam A. "People Are Demanding Justice": Pandemics, Protests, and Remote Learning Through the Eyes of Immigrant Youth of Color. // *Journal of Adolescent Research*. 2021;36(5): 437-466. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/07435584211034873> (accessed: 17.03.2022).

11. Lim L, Paria Maria Sala. Hong Kong's propaganda battle is playing out in the media — and in cyberspace. 11.07.2019 // The Washington Post: [sayt]. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2019/07/11/hong-kongs-propaganda-battle-is-playing-out-media-cyberspace/> (data obrashcheniya: 29.04.2022).
12. Ozhyen A., Borisenkova A. Ulichnaya politika i politika golosovaniya // Sotsiologicheskoye obozreniye. 2014. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ulichnaya-politika-i-politika-golosovaniya> (data obrashcheniya: 11.04.2022).
13. Nyu Mendi. Osobennosti osveshcheniya zapadnymi i kitayskimi SMI protestov v Gonkonge v aspekte problemy tolerantnosti // Gumanitarnyy vektor. 2021. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-osveshcheniya-zapadnymi-i-kitayskimi-smi-protestov-v-gonkonge-v-aspekte-problemy-tolerantnosti> (data obrashcheniya: 11.04.2022).
14. Goncharova M.A., Popovicheva N.Ye. Kraudfanding kak innovatsionnyy finansovyy instrument realizatsii strategii ustoychivogo sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya regiona // Natsionalnyye interesy: priority i bezopasnost. 2014. №47. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kraudfanding-kak-innovatsionnyy-finansovyy-instrument-realizatsii-strategii-ustoychivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya> (data obrashcheniya: 25.05.2022).
15. Shek, D.T.L. Protests in Hong Kong (2019–2020): a Perspective Based on Quality of Life and Well-Being // Applied Research Quality Life 15, 619–635 (2020). Available at: <https://doi.org/10.1007/s11482-020-09825-2> (accessed: 17.03.2022).
16. Manoylo A.V. Gibridnyye voyny i tsvetnyye revolyutsii v mirovoy politike // Pravo i politika, №7, 2015. С. 918–929. URL: http://www.nbpublish.com/go_to_article.php?id=33925 (data obrashcheniya: 11.04.2022).
17. Clifton R Emery, PhD, A Social Work Professor in the Midst of the Campus Occupation during the Hong Kong Protests of 2019, Social Work, Volume 66, Issue 1, 2021, P. 80–81, Available at: <https://doi.org/10.1093/sw/swaa050> (accessed: 17.03.2022).
18. Zakon KNR ob obespechenii natsionalnoy bezopasnosti v SAR Gonkong KNR: [Elektronnyy resurs]: URL: <https://www.gld.gov.hk/egazette/pdf/20202444e/cs220202444136.pdf> (data obrashcheniya: 11.04.2022).

Сведения об авторах / Information about authors

Петрова Ксения Сергеевна – магистрант Высшей школы международных отношений Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

E-mail: author.ksenia@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9459-7888

Petrova Ksenia S. – Higher school of international relations. Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University.

E-mail: author.ksenia@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9459-7888

*Статья поступила в редакцию 25.04.2022. Одобрена после рецензирования 03.06.2022. Принята 04.06.2022.
Received 25.04.2022. Approved after reviewing 03.06.2022. Accepted 04.06.2022.*

научная статья
УДК: 325.14
DOI: 10.48612/rg/RGW.23.2

Эволюция миграционного законодательства Швеции

Быков Денис Александрович ✉
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
✉ denis989222@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-4160-0833>

***Аннотация.** В статье рассматриваются основные тенденции эволюции миграционного законодательства Швеции. За несколько десятилетий Шведское королевство стало гетерогенным обществом. Это было связано с экономическими и социальными преобразованиями, происходившими в стране в этом периоде. Основным источником, отражающим трансформации разных сфер общества, служит законодательство. Так как анализируя законотворческий процесс можно выявить основные потребности шведского общества на разных этапах развития и понять дальнейшую динамику. В ходе анализа эволюции миграционного законодательства, было выявлено два этапа его становления: этап многообразия и этап ограничения. Было выявлено, что определяющим фактором, принятия и изменения нормативно-правовой базы, были мигранты и беженцы из мусульманских стран. Первый этап длился с 1950-х гг. по 1980-е гг. В этот период происходило становление миграционной базы, которая одновременно должна была регулировать и контролировать потоки, но при этом и стимулировать. Данная политика была связана с возросшими экономическими потребностями общества. В этот период стали образовываться первые объединения мигрантов. Второй этап длится с 1980-х гг. по 2015 г. В этот период наблюдаются попытки ужесточения миграционной базы и попытки создания эффективной интеграционной политики. Это было вызвано международными конфликтами, и как следствие увеличением числа беженцев. Шведское Королевство вступает в Европейский Союз, что становится важным этапом в эволюции миграционного законодательства. Увеличение числа беженцев, в особенности из мусульманских стран, произошло в 2015 г., из-за ряда конфликтов, происходящих в мире. С 2015 г. политика Швеции кардинально изменилась. Страна отошла от своей тактики «открытых дверей» и статуса «гуманитарной сверхдержавы» в сторону ужесточения законодательства. С 2016 г. можно говорить о новом этапе в формировании миграционной политики, который основан на желании сохранить «общество всеобщего благоденствия». При этом Шведское Королевство не отказалось от приема беженцев и мигрантов, законодательство только ужесточилось в сторону эффективной интеграции и ограниченной миграции. В работе были использованы следующие методы: контент-анализ, статистический метод и сравнительно-исторический анализ.*

Ключевые слова: Швеция; Дом для народа; миграционная политика; интеграция; нормативно-правовые акты; международно-правовые акты; миграционный кризис

Для цитирования: Быков Д.А. Эволюция миграционного законодательства Швеции // Россия в глобальном мире 2022. № 23(46). С. 24–40. DOI: 10.48612/rg/RGW.23.2

© Быков Д.А., 2022. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article

DOI: 10.48612/RG/RGW.23.2

The evolution of Swedish migration legislation

Denis A. Bykov ✉

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
✉ denis989222@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-4160-0833>

Abstract: *The article discusses the main trends in the evolution of Swedish migration legislation. Over several decades, the Swedish Kingdom has become a heterogeneous society. This was due to the economic and social transformations that took place in the country during that period. The main source reflecting the transformation of different spheres of society is legislation. It is possible to identify the basic needs of Swedish society at different stages of development and understand the further dynamics by analyzing the legislative process. During the migration legislation evolution analysis, two stages of its formation were identified: the stage of diversity and the stage of restriction. It was revealed that migrants and refugees from Muslim countries were the determining factor in the adoption and change of the regulatory framework. The first stage lasted from the 1950s to the 1980s. During this period, the formation of a migration base took place, which at the same time had to regulate and control flows, but at the same time stimulate them. This policy was associated with the increased economic needs of the society. During this period, the first associations of migrants began to form. The second stage lasts from the 1980s to 2015. During that period, there were attempts to tighten the migration base and attempts to create an effective integration policy. This was caused by the international conflicts, and as a result there was the increase in the number of refugees. The Swedish Kingdom joined the European Union, which became an important stage in the evolution of migration legislation. An increase in the number of refugees, especially from Muslim countries, occurred in 2015, due to a number of conflicts taking place in the world. Since 2015 the Sweden's policy has changed dramatically. The country has moved away from its "open door" tactics and the status of a "humanitarian superpower" towards the policy of stricter legislation. Since 2016, we can talk about a new stage in the formation of migration policy, which has been based on the desire to preserve the "welfare society". At the same time, the Swedish Kingdom is not going to refuse the refugees and migrants' reception, the legislation has only been tightened towards effective integration and limited migration. The following methodology was used in the work: content analysis, statistical method and comparative historical analysis.*

Keywords: Sweden; Home for the people; migration policy; integration; regulations; international legal acts; migration crisis

For citation: Bykov, D.A. The evolution of Swedish migration legislation. *Russia in the Global World*. 2022; 23(46): 24–40. (In Russ.). DOI: 10.48612/rg/RGW.23.2

© Bykov, D.A., 2022. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Введение. С иммиграцией Шведское государство сталкивалось на протяжении нескольких сотен лет. Однако только в 1950-х – 1960-х гг. Швеция, став принимающей стороной, задумалась о формировании новой миграционной политики. Это было связано с тем, что на протяжении второй половины XX в. Швеция являлась притягательной страной для мигрантов, из-за своего экономического роста, социальной стабильности и либеральной миграционной политики.

Новизна работы определяется тем, что исследователь стремится охарактеризовать процесс эволюции миграционного законодательства и выявить общие черты и закономерности на каждом этапе его становления. В работах многих авторов развитие миграционного законодательства Швеции рассматривается в контексте выявления проблем, а не выявления общих черт. Авторами, работающими в этом направлении, являются Плевако Н.С. (2011), Чернышева О.В. (2011), Андреев К.П. (2019) и др.

Целью исследования является характеристика этапов эволюции миграционного законодательства Швеции и их проблем.

Методы и материалы. Главными международными институтами регулирования миграции можно назвать Организацию Объединенных Наций и Международную организацию по миграции. Именно эти наднациональные институты играют важную роль в международно-правовом регулировании миграционных потоков. Швеция является государством, которое плотно сотрудничает с наднациональными институтами (МОМ и ООН). Поэтому важно отметить международно-правовые документы, которые осуществляют регулирование в мире и, в частности, в Швеции:

1. Устав ООН; [1]
2. Всеобщая декларация прав человека; [2]
3. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах; [3]
4. Декларация об укреплении международной безопасности; [4]
5. Европейская конвенция по правам человека; [5]
6. Конвенция о статусе беженцев; [6]
7. Конвенция Международной организации труда № 97 о правах мигрантов; [7]

8. Конвенция Международной организации труда № 143 о злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении трудящимся-мигрантам равенства возможностей и обращения; [8]

9. Конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей [9] и др.

Конвенция ООН «о положении статуса беженца» была принята в 1951 г. после Второй мировой войны. Конвенция была принята в связи с событиями, произошедшими в Европе до 1951 г., и защищала людей, которых они затронули (европейских беженцев) [6]. В 1967 г. был принят дополнительный протокол [10], который снял временные ограничения. С того момента Конвенция о положении статуса беженцев стала международным нормативно-правовым документом. Швеция является страной, которая подписала и ратифицировала эти два документа. В них отражаются следующие положения:

1. Дается определение понятия беженец;
2. Даются основания для предоставления этого статуса;
3. В положениях конвенции запрещается какая-либо дискриминация по отношению к беженцу. Также беженец не может быть возвращен в страну, из которой бежал.

Региональным документом, регулирующим миграцию в Северной Европе, является Северный паспортный союз (страны члены: Дания, Швеция, Финляндия, Норвегия, Исландия), принятый в три этапа в 1952 г., 1954 г. и 1958 г. Первая стадия принятия заключалась в реадмиссии иностранцев, вторая – в отмене загранпаспортов и вида на жительство, третья – в отмене пограничного контроля внутри стран членов союза. После его подписания в Швецию увеличился поток трудовых мигрантов из Скандинавии и Финляндии.

В 1995 г. Швеция вступила в ЕС и стала частью его экономического и политического пространства. 1 октября 1998 г. Швеция приняла Дублинское соглашение [11]. Его суть состоит в том, что государство, входящее в Европейский Союз, несет ответственность за рассмотрение заявлений о предоставлении убежища. На практике ответственным государством является то, через которое беженец впервые попал в ЕС, в связи с чем данная практика была подвергнута критике во время миграционного кризиса 2015 г. Соглашение было принято в рамках

достижения цели общей политики в вопросах о беженцах и мигрантах. В 2001 г. Швеция стала частью Шенгенского соглашения и частью свободного передвижения товаров, услуг, людей и капитала внутри него. В рамках этого договора возможно приостановление его действия, если это угрожает национальной безопасности. Так Швеция приостанавливала Шенгенское соглашение в связи с терактом в Норвегии (2011 г.) и в связи с миграционным кризисом в ЕС (2015 г.).

Миграционная политика Швеции в течение XX в. прошла два этапа. Первый этап можно обозначить как политику многообразия. Её цель заключалась в стимулировании экономики с помощью привлечения квалифицированных кадров из Европы. «Дом для народа» (folkhemmet) [12] – это новая идеологическая программа, созданная социал-демократической партией Швеции в 1930-е гг. Прообразом этой модели выступила социальная практика, возникшая в конце XIX в. благодаря социал-демократам и рабочему движению – «Народные дома». В них господствовали равенство, взаимовыручка и сотрудничество. Если говорить о модели «Дома для народа», то она базируется на двух ключевых идеях:

1. На идее доступности жилья;
2. На идее «дома» для всех, где нет никаких социальных классов, а есть только равенство и сотрудничество.

Однако изменения политического курса не смогли в корне изменить ситуацию. Безработица и эмиграция также оставались главными проблемами общества вплоть до Второй мировой войны.

Реформы в сфере миграционной политики были обусловлены тем, что миграционное сальдо с конца 1940-х гг. показывало стабильный прирост иммигрантов. Однако в конце 1960-х гг. в Швеции начался экономический спад из-за растущего потока мигрантов. В связи с этими событиями возникла потребность в создании нового миграционного законодательства Швеции. Ее основой стали национальные нормативно-правовые акты, межрегиональные и международные соглашения.

В 1968 г. был принят закон «О трудовой миграции». Он требовал, чтобы разрешение на работу оформлялось до въезда в Швецию. Данное решение принималось агентством по миграции после консультации с Министерством труда и соответствующей профсоюзной организацией.

В 1969 г. был сформирован новый орган – Шведское миграционное агентство. Оно было создано для того, чтобы искусственно ограничить поток мигрантов в страну, но данная цель не была достигнута. Так в 1968 г. количество мигрантов было равно 35 тыс. человек, а в 1970 г. их количество превысило 75 тыс. В задачи агентства входят:

1. Рассмотрение заявлений о постоянном месте жительства в Швеции;
2. Рассмотрение заявлений о временном месте жительства в Швеции;
3. Рассмотрение заявлений о гражданстве;
4. Рассмотрение заявлений о разрешении на работу;
5. Рассмотрение заявлений о предоставлении убежища.

Шведское миграционное агентство подчиняется министру юстиций. По всей стране находится 40 отделений. Главной проблемой миграционного агентства является непрозрачность рассмотрения заявлений на получение разрешения на работу. В особенности для мигрантов из мусульманских стран. Так в некоторых случаях заявление рассматривается в короткие сроки, а в некоторых - больше 10 месяцев.

С середины 1970-х гг. до начала 1990-х гг. происходит снижение значимости трудовой миграции, темпы роста экономики замедляются, промышленный сектор сокращается. Организованная трудовая миграция прекращается, остается только индивидуальная. Однако процент отказов в разрешении на работу начинает расти. Это было связано с тем, что Шведская конфедерация профсоюзов (LO) рекомендовала отказывать мигрантам в разрешении на работу. Этому же принципа стало придерживаться и Министерство занятости Швеции. Последний организованный набор трудовых мигрантов был в 1973 г. в Югославии. В 1975 году в Швеции был принят законопроект о руководящих принципах для иммигрантов и национальных меньшинств. Данный закон предполагал конкретные изменения в социальной сфере и миграционной службе. Стоит также отметить, что иммигранты по закону считались меньшинствами. Содержание этого закона можно охарактеризовать несколькими пунктами:

Во-первых, государство признавало равенство между гражданами (шведами) и иммигрантами. В связи с чем был предложен проект, который подразумевал предоставление приезжим вида на жительства с теми же возможностями для жизни, что и у граждан;

Во-вторых, шведское общество оставляло за иммигрантом право выбора. Мигрант мог решить, хочет ли он полностью интегрироваться в шведскую культуру или хочет сохранить свою первоначальную идентичность;

В-третьих, интеграционная политика была направлена на сотрудничество и взаимодействие между населением и мигрантами;

В-четвертых, мигрантам была дана возможность влиять на решения, касающиеся их положения в обществе. Национальные и религиозные организации получали субсидии от государства. Эта помощь способствовала началу процесса институционализации меньшинств в шведском обществе, а также созданию разных социальных проектов, которые позволили улучшить культурное положение мигрантов. Так субсидирование национальных организаций и муниципалитетов позволило мигрантам изучать родной язык в школах наравне со шведским [13].

Изменения миграционного законодательства в 1970-е гг. имели положительный эффект. Они ограничили поток трудовых мигрантов в страну. Однако возникла новая проблема в виде растущего числа заявок от иностранных граждан, ищущих убежище.

К началу 1980-х гг. и на протяжении всего этого десятилетия наблюдался процесс роста числа беженцев из мусульманских стран (Иран, Ирак, Сирия, Турция и т.д.). Беженцы стали главной проблемой внутренней и внешней политики Швеции. Так в 1983 г. количество беженцев составляло около 6 тыс. человек, а уже в 1985 г. их количество увеличилось вдвое, что стало половиной от общего числа мигрантов в стране.

Новые вызовы побудили к преобразованию миграционной политики. В стране были утверждены другие принципы принятия беженцев: были увеличены сроки рассмотрения заявлений и сокращен список причин предоставления убежища. В 1983 г. был предложен правительственный законопроект о приеме беженцев и просителей убежища. Главной его идеей была передача ответственности за прием беженцев от Шведского совета по рынку труда (AMS) к Шведскому миграционному совету (SIV) [14].

В 1986 г. миграционная политика в Швеции была изменена. В парламент был внесен законопроект, который изменял некоторые положения закона 1975 г. В новом законе мигранты больше не

рассматривались как этническое меньшинство (этническим меньшинством рассматривали группы, которые в течение долгого времени проживают на территории Швеции) [15]. Термин этнические меньшинства отнесли в отдельную категорию, тем самым выделив мигрантов в отдельный субъект социальной жизни. Культурная и социальная сфера также подверглись изменениям. Отменялся принцип «свободы выбора для мигрантов» – стало обязательным изучение норм и традиций шведской культуры. Миграционная политика, которая соотносила этнические меньшинства и мигрантов и которая закрепляла за ними право на свою культуру, изменилась. Теперь данный закон рассматривал только мигрантов и политику по отношению к ним. Это было связано со столкновением цивилизаций, которое произошло особенно ощутимо в середине 1980-х гг., когда в Швеции возросло число мусульман. В связи с чем в эти годы также была децентрализована и делегирована ответственность за интеграцию и адаптацию мигрантов между такими институтами как муниципалитеты и Иммиграционный совет.

В 1989 г. также был принят закон «Об иностранцах», который вводил пять категорий мигрантов:

1. Воссоединяющиеся с семьей;
2. Трудовые мигранты;
3. Международные студенты;
4. Беженцы;
5. Нелегальные мигранты.

В стране также был принят закон о борьбе с дискриминацией и была создана должность омбудсмена по этническим вопросам.

В конце XX в. произошли важные мировые политические события: распад СССР (1991 г.) и война в Югославии (1991–2008 гг.). Вступление Швеции в Европейский Союз (1995 г.) ознаменовало новый этап истории страны. Миграционная политика теперь рассматривалась в контексте интернациональных процессов. За несколько десятков лет Швеция превратилась из гомогенной страны в гетерогенную. Более 900 тыс. человек родились за границей, из них почти половина проживает в Швеции более 20 лет. Около 700 тыс. человек имеют хотя бы одного родителя мигранта. Осознание этого разнообразия и было отражено в

законе 1998 г. Данный проект превратил иммиграционную политику в политику интеграционную. Цели нового законопроекта были следующие:

1. Признание культурного и этнического разнообразия в стране;
2. Признание равных прав, возможностей и обязанностей вне зависимости от культурной и этнической принадлежности;
3. Главная задача интеграционной политики – обеспечение материальной поддержки и обеспечение участия людей в жизни шведского общества;
4. Интеграционная политика должна быть направлена на защиту демократических ценностей, равных прав и возможностей мигрантов;
5. Интеграционная политика должна быть направлена на предотвращения разного рода конфликтов и противоречий в обществе: дискриминации, ксенофобии, расизма;
6. В законе предусматривается создание нового органа – Шведского совета по интеграции (был упразднен в 2007 г.). Он должен способствовать интеграции мигрантов в общество, оценивать развитие общества в контексте этнического и культурного многообразия, тем самым отвечая новым вызовам;
7. Должность омбудсмана по этническим вопросам и дискриминации входит в новые структуры, но при этом сохраняет свою независимость;
8. Муниципалитеты продолжают разрабатывать программы адаптации для мигрантов, за каждого из которых они получают государственные субсидии. Однако при этом работа должна быть улучшена: разработка программы должна идти совместно с личностью мигранта, исходя из его потребностей. К работе также должны быть привлечены общественные организации;
9. Государство должно оказывать финансовую поддержку общественным организациям, созданным иммигрантами по культурному, религиозному или этническому принципу. При этом цель организации должна соответствовать принципам интеграционной политики, только тогда она имеет право на финансовую помощь [16].

Таким образом, новая интеграционная политика направлена в первую очередь на внедрение мигрантов в социокультурное пространство Швеции. При этом за мигрантом остается право на сохранение своей идентичности,

так как новая политика направлена не на ассимиляцию, а на интеграцию, на поддержание благоприятного социального климата в обществе с учетом всего культурного и этнического многообразия.

Система введения беженцев в социокультурное пространство Швеции была введена законопроектом 1983/84 г. [14]. Тогда муниципалитеты взяли на себя практическую часть реализации данного закона. Это было следствием роста числа беженцев в стране и признанием их как особо нуждающихся в поддержке общества. Ответственность тогда перешла от Шведского совета по рынку труда к Миграционному совету. Миграционный совет должен был в установленные сроки заключить договора с муниципалитетами о приеме беженцев. В свою очередь муниципалитеты, которые согласились их принять, получали государственные субсидии. В начале 1990-х были внесены поправки в закон, которые требовали от муниципалитетов составление универсальных программ с возможностью их корректировок. Они также должны были действовать в сотрудничестве с центром занятости для быстрого внедрения мигрантов в трудовую сферу. Была разработана программа введения для беженцев старше 16 лет, которая включала в себя следующие пункты:

1. Изучение шведского языка;
2. Выяснение профессиональных навыков и уровня образования;
3. Информирование о социальной и трудовой жизни общества;
4. Дополнительное образование;
5. Стажировка и поиск работы.

Данная программа носит предварительный характер и корректируется с учётом потребностей.

Комитет по иммиграционной политике в 1994 г. пришёл к выводу, что система внедрения мигрантов в общество работает хуже, чем ожидалось. Большинство приезжих через три года после прохождения программы так и не вышло на уровень самообеспечения. Сотрудничество со службой занятости велось также неэффективно. В связи с этим были выдвинуты предложения о более быстром внедрении и о совмещении учебы и стажировки.

На протяжении 20 лет программа адаптации практически не менялась. В основном она была нацелена на быстрое закрепление на рынке

труда, на овладение шведским языком. Также система показала себя неэффективной в том смысле, что большая часть ответственности оставалась на муниципалитетах, из-за чего другие органы работали менее активно, в том числе и центр занятости.

В 2009 г. правительство предоставляет новый законопроект, который также вносит ряд поправок в действующие законы. Основное внимание в нем было уделено облегчению и ускорению процесса интеграции мигрантов на рынке труда. Был также затронут вопрос о социальной и культурной интеграции беженцев и иммигрантов, нуждающихся в защите. Основными новшествами в законе выступали следующие положения:

1. Ответственность за "активное участие" в интеграции была возложена на самого иммигранта;

2. Ответственность за интеграцию теперь была распределена между тремя органами: муниципалитетами, государством и шведской службой занятости. Теперь полнота ответственности за введение мигрантов была снята с муниципалитетов, что должно было увеличить эффективность интеграции;

3. Потребности на рынке труда должны были восполняться посредством образования, профессиональной переподготовки и прочего;

4. Основной целью новой миграционной политики было также повышение квалификации и конкурентоспособности иммигрантов на рынке труда. Мигранты должны были перестать быть аутсайдерами общества [17].

Дискуссия. Текущая миграционная политика Швеции включает в себя несколько аспектов: политику в отношении беженцев, иммигрантов, эмигрантов, репатриантов и политику в отношении к гражданству. Она также уделяет особое внимание международному сотрудничеству с ООН, МОМ, ЕС и др. Поворотной датой, изменившей кардинально подход к иммигрантам, стал 2015 г. – миграционный кризис Европейского Союза. Согласно официальной статистике Шведского миграционного агентства в 2015 г. было одобрено 162 877 заявок на убежище. Увеличение количества желающих получить шведское убежище спровоцировало тенденции к ужесточению требований. Это обусловлено тем, что Швеция является государством всеобщего благоденствия. Данная модель общественной структуры построена на принципе закрытости системы. Это означает, что

если человек получает убежище или становится мигрантом, то он автоматически становится включенным в шведское общество, что в свою очередь открывает доступ к социальным благам, которые имеют граждане. Шведская модель социального государства была предложена премьер-министром П. А. Ханссоном, и основывалась она на принципе «дом для народа». Ключевой задачей такого государства является поддержание высокого уровня жизни. Именно этим обусловлены действия правительства по ужесточению миграционной политики, так как многие мигранты не могут или не хотят интегрироваться в социокультурное и экономическое пространство страны. В связи с этим возникает опасность нарушения баланса общества.

Большинство беженцев, согласно статистике Шведского миграционного агентства, – это выходцы из мусульманских стран: Сирии, Ирака, Афганистана, Сомали и др. В период с 2000 по 2020 гг. в Швецию прибыло 128 654 (17%) сирийских беженцев, 95 316 (12%) иракских беженцев, 73 147 (10%) афганских беженцев и 53 673 (7%) сомалийских беженцев [18]. Если говорить о периоде с 2015 по 2020 гг., то данные представлены в таблице:

Таблица.

Ходатайства о предоставлении убежища за 2015–2020 гг. по странам согласно официальной статистике Шведского миграционного агентства. [18]

Год	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Страна	Количество беженцев					
Сирия	51 338	5 459	4 718	2 709	2 649	1 209
Ирак	20 858	2 758	1 887	1 369	1 054	783
Афганистан	41 564	2 969	1 681	806	825	593
Сомали	5 465	1 646	780	736	755	443

Из таблицы прослеживается, что за последние 5 лет (с 2015 по 2020 гг.) в страну прибыло более половины беженцев от общего числа с начала XXI века. С началом пересмотра в 2016 г. действующей миграционной политики ситуация кардинально изменилась, тенденция роста числа приезжих резко пошла на спад, что позволило сохранить социальный баланс и благоприятный климат в обществе.

20 июня 2016 г. в Швеции вступил в силу закон о временных ограничениях возможностей получения вида на жительство. [19] Его положения затрагивают основные миграционные аспекты:

1. Новым законом вводился временный вид на жительство сроком до 3 лет. Он принимался только к беженцам, которые соответствовали международным критериям. Что касается мигрантов, ищущих убежище, но не попадающих под критерии беженцев, то по отношению к ним применялась следующая тактика: они получали временное разрешение на 13 месяцев, пока их статус не изменится или они не получат разрешение на постоянное проживание. Ходатайства, поданные до 25 ноября 2015 г., рассматривались по старым правилам.

2. Для воссоединения семей вводился ряд ограничений. Во-первых, только беженцы, которые смогут получить постоянный вид на жительство или гражданство, имеют право на воссоединение с семьей. Во-вторых, воссоединение супругов ограничено возрастом (только супруги старше 21 года имеют на это право). В-третьих, люди, ищущие иную защиту, не имеют права на воссоединение с семьей, если их заявление было подано после 25 ноября 2015 г. (в 2019 г. это ограничение было снято решением суда). В-четвертых, появились новые строгие финансовые правила. Беженец, желающий воссоединиться с семьей, обязан иметь определённый доход. В-пятых, мигранты, находящиеся на пособиях, не имеют право на ПМЖ.

3. Жилье и льготы. Лица, которым было отказано в предоставлении статуса беженца или в убежище, теперь не могут получать пособия и жить в государственном жилье. Однако данные правила не распространяются на семьи с детьми до 18 лет.

4. В области здравоохранения все льготы для приезжих сохраняются [20].

Данный временный закон должен был прекратить свое действие в июне 2019 г., но был продлен до июня 2021 г. несмотря на то, что количество мигрантов снизилось до исторического минимума.

В 2020 г. парламентская комиссия предоставила новый вариант миграционной политики Швеции, который в июне 2021 г. должен будет заменить временный закон о миграции. Суть проекта остается прежней, сохраняется ряд ограничений на воссоединение семей и ряд требований к

доходам. Однако вносятся послабления, которые дают новые возможности для воссоединения семей, официально не состоящих в браке. Данное новшество направлено больше для однополых пар [21].

Временный закон подвергся большой критике со стороны общественных организаций. В 2015–2016 гг. он был обусловлен попыткой воспрепятствования беженцам добраться до Швеции. После 2016 г. наблюдается резкое сокращение числа просителей, однако, закон продлевают еще на два года. В 2018 г. Шведский Красный Крест провел исследование, результаты которого заключались в том, что ограничения на постоянное проживание и на воссоединение семей негативно влияют на психологическое и психическое здоровье беженцев, в следствие чего интеграция проходит неэффективно [22].

Законопроект 2016/17:175 вступил в силу 1 января 2018 г. [23], заменив тем самым действующую интеграционную политику 2009 г. По своей сути основные его цели не изменились, все также на первый план выдвигается ускоренная и упрощенная интеграция иммигрантов в трудовую и социальную сферы. Предполагается, что административная нагрузка будет снижена, из-за чего повысится эффективность интеграции мигрантов в рынок труда. Закон также адаптирует нормативно-правовую базу для прибывших мигрантов (беженцев, иммигрантов и иных лиц, нуждающихся в убежище) с правилами для ищущих работу на шведском рынке труда. Положение также содержит ряд принципов, которые будут применяться в процессе разработки новых правил на уровне регулирования. Например, вновь прибывшим, а также другим лицам, ищущим работу, должны быть предложены условия по трудоустройству в рамках программы политики рынка труда. Данный меморандум также вносит ряд поправок в многие законы.

Заключение. Таким образом, эффективность шведского общества всеобщего благоденствия зависит от качества и количества иммигрантов и беженцев. В современной Швеции принимаются законы, направленные на ужесточение миграционной политики, но при этом политика интеграции имеет тенденцию к ускорению внедрения мигрантов в рынок труда.

В заключение следует отметить основные результаты исследования:

1. Шведское миграционное законодательство зависит в большей степени от внешних факторов, которые в основном выступают

побудителями изменения законодательства и формируют этапы его становления;

2. В Швеции не существует единого интеграционного законодательства, есть только отдельные нормативно-правовые акты, предназначенные для регулирования данного процесса;

3. Современная миграционная политика направлена на регулирование числа беженцев и мигрантов, для того чтобы эффективно перераспределять их. Данное регулирование способствует более качественной интеграции в социокультурное и трудовое пространство Швеции;

4. Отсутствие единой интеграционной политики ведет к снижению её эффективности.

Несмотря на все действия правительства, количество мигрантов неуклонно растет, что порождает феномен «изоляции», который становится главной проблемой внутренней политики. Округ Ринкебю в Стокгольме является показательным примером растущей «отчужденности» мигрантов в обществе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Устав ООН, 1945.
2. Всеобщая декларация прав человека, 1948.
3. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, 1966.
4. Декларация об укреплении международной безопасности, 1970.
5. Европейская конвенция по правам человека, 1950.
6. Конвенция о статусе беженцев, 1951.
7. Конвенция Международной организации труда № 97 о правах мигрантов, 1949.
8. Конвенция Международной организации труда № 143 о злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении трудящимся-мигрантам равенства возможностей и обращения, 1975.
9. Конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей, 2003.
10. Протокол, касающийся статуса беженцев, 1967.
11. Дублинский регламент, регламент № 604/2013, 1990.
12. Андреев К. П. Эволюция шведской миграционной политики: от страны эмигрантов к лучшей интеграционной модели мира // Вопросы истории, археологии, политических наук и регионоведения. 2019. № 14, С. 173 – 181.
13. Prop 1975:26 Regeringens proposition om riktlinjer för invandrar- och minoritetspolitiken m. m. URL: <http://www.riksdagen.se> (дата обращения 12.12.2021)
14. Prop. 1983/84:124 Om mottagandet av flyktingar och asylsökande m.m. URL: <http://www.riksdagen.se> (дата обращения 12.12.2021)
15. Prop 1985/86:98 Om invandrarpolitiken. URL: <http://www.riksdagen.se> (дата обращения 12.12.2021)

16. Prop 1997/98:16 Sverige, framtiden och mångfalden – från invandrapolitik till integrationspolitik. URL: <http://www.riksdagen.se> (дата обращения 12.12.2021).
17. Prop 2009/10:60 Nyanlända invandrares arbetsmarknadsetablering - egenansvar med professionellt stöd. URL: <http://www.riksdagen.se> (дата обращения 12.12.2021).
18. Applications for asylum received 2000–2020. URL: <https://www.migrationsverket.se/English/About-the-Migration-Agency/Statistics/Asylum.html> (дата обращения: 20.03.2022).
19. Lag (2016:752) om tillfälliga begränsningar av möjligheten att få uppehållstillstånd i Sverige. URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/lag-2016752-om-tillfalliga-begransningar-av_sfs-2016-752 (дата обращения 20.02.2022).
20. Hofverberg, Elin Sweden: Stricter Asylum Rules in Effect (2016). URL: <https://www.loc.gov/item/global-legal-monitor/2016-09-14/sweden-stricter-asylum-rules-in-effect/> (дата обращения 20.02.2022).
21. En långsiktigt hållbar migrationspolitik, SOU 2020:54. URL: <https://www.regeringen.se/4a64ee/contentassets/e2daabe77da2466092f6ac6831a5370a/en-langsiktigt-hallbar-migrationspolitik-sou-2020-54.pdf> (дата обращения 20.02.2022).
22. Swedish Red Cross, Humanitarian consequences of the Temporary Aliens Act, 2018. URL: <https://bit.ly/2WaN0fm> (дата обращения 22.04.2022).
23. Prop 2016/17:175 Ett nytt regelverk för nyanlända invandrares etablering i arbetsoch samhällslivet. URL: <http://www.riksdagen.se> (дата обращения 20.02.2022).

REFERENCES

1. Ustav OON, 1945.
2. Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka, 1948.
3. Mezhdunarodnyy pakt ob ekonomicheskikh, sotsialnykh i kulturnykh pravakh, 1966.
4. Deklaratsiya ob ukreplenii mezhdunarodnoy bezopasnosti, 1970.
5. Yevropeyskaya konventsiya po pravam cheloveka, 1950.
6. Konventsiya o statuse bezhentshev, 1951.
7. Konventsiya Mezhdunarodnoy organizatsii truda № 97 o pravakh migrantov, 1949.
8. Konventsiya Mezhdunarodnoy organizatsii truda № 143 o zloupotrebleniyakh v oblasti migratsii i ob obespechenii trudyashchimsya-migrantam ravenstva vozmozhnostey i obrashcheniya, 1975.
9. Konventsiya o zashchite prav vsekh trudyashchikhsya-migrantov i chlenov ikh semey, 2003.
10. Protokol, kasayushchisya statusa bezhentshev, 1967.
11. Dublinskiy reglament, reglament № 604/2013, 1990.
12. Andreyev K. P. Evolyutsiya shvedskoy migratsionnoy politiki: ot strany emigrantov k luchshey integratsionnoy modeli mira // Voprosy istorii, arkheologii, politicheskikh nauk i regionovedeniya. 2019. № 14, S. 173–181.
13. Prop 1975:26 Regeringens proposition om riktlinjer för invandrar- och minoritetspolitiken m. m. URL: <http://www.riksdagen.se> (дата obrashcheniya 12.12.2021).
14. Prop. 1983/84:124 Om mottagandet av flyktingar och asylsökande m.m. URL: <http://www.riksdagen.se> (дата obrashcheniya 12.12.2021).
15. Prop 1985/86:98 Om invandrapolitiken. URL: <http://www.riksdagen.se> (дата obrashcheniya 12.12.2021).
16. Prop 1997/98:16 Sverige, framtiden och mångfalden – från invandrapolitik till integrationspolitik. URL: <http://www.riksdagen.se> (дата obrashcheniya 12.12.2021).

17. Prop 2009/10:60 Nyanlända invandrades arbetsmarknadsetablering - egenansvar med professionellt stöd. URL: <http://www.riksdagen.se> (data obrashcheniya 12.12.2021).
18. Applications for asylum received 2000–2020. URL: <https://www.migrationsverket.se/English/About-the-Migration-Agency/Statistics/Asylum.html> (data obrashcheniya: 20.03.2022).
19. Lag (2016:752) om tillfälliga begränsningar av möjligheten att få uppehållstillstånd i Sverige. URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/lag-2016752-om-tillfalliga-begransningar-av_sfs-2016-752 (data obrashcheniya 20.02.2022).
20. Hofverberg, Elin Sweden: Stricter Asylum Rules in Effect (2016). URL: <https://www.loc.gov/item/global-legal-monitor/2016-09-14/sweden-stricter-asylum-rules-in-effect/> (data obrashcheniya 20.02.2022).
21. En långsiktigt hållbar migrationspolitik, SOU 2020:54. URL: <https://www.regeringen.se/4a64ee/contentassets/e2daabe77da2466092f6ac6831a5370a/en-langsiktigt-hallbar-migrationspolitik-sou-2020-54.pdf> (data obrashcheniya 20.02.2022).
22. Swedish Red Cross, Humanitarian consequences of the Temporary Aliens Act, 2018. URL: <https://bit.ly/2WaN0fm> (data obrashcheniya 22.04.2022).
23. Prop 2016/17:175 Ett nytt regelverk för nyanlända invandrades etablering i arbetsoch samhällslivet. URL: <http://www.riksdagen.se> (data obrashcheniya 20.02.2022).

Сведения об авторах / Information about authors

Быков Денис Александрович – магистрант Высшей школы международных отношений Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.
E-mail: denis989222@gmail.com; ORCID: 0000-0002-4160-0833

Bykov Denis A. – Higher school of international relations. Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University.
E-mail: denis989222@gmail.com; ORCID: 0000-0002-4160-0833

*Статья поступила в редакцию 26.03.2022. Одобрена после рецензирования 25.05.2022. Принята 26.05.2022.
Received 26.03.2022. Approved after reviewing 25.05.2022. Accepted 26.05.2022.*

научная статья
УДК: 328
DOI: 10.48612/rg/RGW.23.3

Нормативно-правовой аспект международного признания новых государств

Додонов Егор Сергеевич ✉
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
✉ dodonov_e@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0000-5555-444>

Аннотация. В статье рассматривается нормативно-правовой аспект важного для международного сообщества вопроса признания новых государств в XXI веке. Процедура международного признания не унифицирована, что вызывает споры и конфликты. Автором предпринята попытка выработать универсальный алгоритм признания на основе анализа нормативно-правового аспекта международного признания новых независимых государств. В работе использовались гипотетический и системный методы, метод экспертных оценок. На основе степени признания того или иного государства остальными членами международного сообщества автором обозначена классификация государств. В представленной статье сопоставлены конститутивная и декларативная теории международного признания. По результатам исследования установлено, что государства можно разделить на три группы на основе политики признания других акторов. В ходе анализа были выявлены 3 вида признания нового государства, которые используются в зависимости от ситуации и желания признающего государства. В статье перечислены действия, предотвращающие эскалацию конфликта на территориях с сильными сепаратистскими настроениями. Предложены меры по формализации и унификации процесса признания новых государств, так как большинство конфликтов возникает из-за отсутствия общих правил, которым бы могли следовать все международные акторы. Практическим значением статьи является возможность использовать универсальный алгоритм признания государств в действительности.

Ключевые слова: декларативная теория; конститутивная теория; территориальная целостность; право на самоопределение; государства де-факто

Для цитирования: Додонов Е.С. Нормативно-правовой аспект международного признания новых государств // Россия в глобальном мире 2022. № 23(46). С. 41–52. DOI: 10.48612/rg/RGW.23.3

© Додонов Е.С., 2022. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Original article
DOI: 10.48612/rg/RGW.23.3

Regulatory and legal aspects of international recognition of new States

Egor S. Dodonov ✉

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
✉ dodonov_e@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0000-5555-4444>

Abstract. *The article examines the regulatory aspect of the new states' recognition issue in the XXI century, which is important for the international community. The procedure of international recognition is not unified, which causes disputes and conflicts. The author attempts to develop a universal recognition algorithm based on the international recognition of the newly independent states analysis. The work used hypothetical and systematic methods, the method of expert assessments. Based on the degree of the state recognition by other members of the international community, the author identifies a classification of states. The presented article compares the constitutive and declarative theories of international recognition. According to the results of the study, it can be stated that the states can be divided into three groups based on the policy of recognition of other actors. During the analysis, 3 types of recognition of a new state were identified, which were used depending on the situation and the desire of the recognizing state. The article lists the actions to prevent the escalation of the conflict in the territories with strong separatist sentiments. The special measures are proposed to formalize and unify the process of the new states recognizing, since the conflicts usually arise due to the lack of common rules that all international actors could follow. The practical significance of the article lies in the possibility of using the universal algorithm of international recognition in reality.*

Keywords: declarative theory; constitutive theory; territorial integrity; right to self-determination; “de-facto states”

For citation: Dodonov, E.S. Regulatory and legal aspects of international recognition of new States. *Russia in the Global World*. 2022; 23(46): 41–52. (In Russ.). DOI: 10.48612/rg/RGW.23.3

© Dodonov, E.S., 2022. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Введение. В XX веке признание новых государств было тесно связано с процессом деколонизации. В 1960-х годах одним из терминов для обозначения появления новых государств было «самоопределение». Идея самоопределения в то время заключалась не в том, что все народы имели право на самоопределение, а в том, чтобы все колонии имели право быть независимыми [1, с. 9]. Сегодня процесс формирования и признания новых государств приобрел совершенно иные формы, поставив перед мировой общественностью вопрос о необходимости выработки четких механизмов признания новых государств на политической арене.

Актуальность исследования состоит в том, что в XXI возникают веке возникают территории, претендующие на собственную правосубъектность.

Среди них особенно выделяются Косово, Южная Осетия, Абхазия, ЛНР, ДНР, Приднестровье, Нагорный Карабах и Южный Курдистан. Процедура международного признания еще не унифицирована, поэтому отдельные государства придерживаются своей линии поведения в отношении признания государств. В связи с этим, *цель* исследования определяется как комплексный анализ универсального порядка признания нового государства на основе нормативно-правового аспекта международного признания новых независимых государств.

Новизна исследования заключается в анализе различных алгоритмов признания новых государств и попытке предложить собственный универсальный алгоритм признания новых государств. Для написания статьи были использованы общенаучные методы исследования: гипотетический метод, с помощью которого выдвинута гипотеза о порядке признания новых государств; синтез, благодаря которому из разных аспектов данного вопроса удалось создать гипотезу; системный метод использовался для создания универсальной системы международного признания. Благодаря упомянутым методам была рассмотрена теоретическая часть вопроса признания новых государств.

Материалы, результаты исследования и их обсуждение. Основными материалами для исследования послужили работы российских и зарубежных ученых-специалистов в сфере международного признания новых государств. Так, обращает на себя внимание статья А.Н. Сквозникова, который рассматривает соотношение права на самоопределение и территориальной целостности государств. В публикации А.Д. Каткова говорится о порядке признания новых государств, в работе Т.А. Алексеенко обозначаются основные проблемы, возникающие при попытке признания нового государства.

Стоит начать с понятия «государство». В статье 1 Конвенции Монтевидео о правах и обязанностях государств 1933 г. написано, что «государство как субъект международного права должно обладать следующими признаками: постоянное население; определенная территория; правительство и способность к вступлению в отношения с другими государствами». К тому же суверенное государство имеет право на невмешательство в свои дела извне [2, с. 40]. Главными легитимизирующими любое государство признаками являются: 1) создание

его обществом в качестве института защиты прав человека и обеспечения безопасности; 2) признание его конституционным большинством участников социума и 3) служба данного института своему обществу при выполнении общепринятых норм национального и международного права [3, с. 315]. Государство должно иметь ряд признаков, таких как внутренний суверенитет, государственная атрибутика, существование жизнеспособных государственных институтов, осуществление независимой внутренней и внешней политики [2, с. 33]. Непризнанное же государство, которое является предметом исследования – это «государственное образование, лишенное международной правосубъектности, но обладающее всеми другими признаками государственности» [2, с. 32].

Процесс международно-правового признания согласно Доктрине международного публичного права – это «акт государства, которым констатируется возникновение нового субъекта международного права и с которым этот субъект считает целесообразным установить дипломатические и иные, основанные на международном праве, отношения» [2, с. 34]. Международно-правовое признание разделяют на два вида: традиционное и предварительное (или промежуточное).

Существует два подхода к признанию новых государств: международно-правовой (формальный) и геополитический (фактический). Приверженцы первого подхода считают, что никаких непризнанных государств не существует для мирового сообщества, так как они не являются субъектами международно-правовых отношений. Сторонники же второго подхода полагают, что непризнанные государства – активные участники международных отношений [4, с. 5]. Термин «признание» в области признания государств и правительств в международном праве может иметь несколько значений. Например, указывать на готовность признающего государства вступить в официальные отношения с новым государством или правительством, или выразить свое мнение о правовом статусе нового образования или органа власти, или и то, и другое [5]. На сущность «признания» у разных ученых разных точка зрения. Некоторые ученые считают, что признание – односторонний юридический акт, но есть и сторонники концепции, в которой признание двусторонний юридический акт, в котором участвуют и старое, и новое государство [6, с. 70].

Государства могут быть классифицированы в соответствии со степенью признания, которое они получили. Выше всех в иерархии находятся те государства, которые добились полного коллективного признания и всеобщего двустороннего признания (Россия, США, Великобритания, Франция). Существует небольшое число государств, которые являются членами ООН, но признаны не всеми остальными членами (Израиль, КНР, Армения, Южная и Северная Кореи). Далее, есть те государства, которые не вступили в ООН, но получили определенную степень признания (Косово, Турецкая республика Северный Кипр). Меньше всего повезло тем территориям, которые отвечают условиям государственности, стремятся к признанию, но не были приняты в ООН (Приднестровье, Нагорный Карабах, Сомалиленд) [7, с. 18].

Российский исследователь А.Г. Большаков классифицирует непризнанные государства по степени их контроля над территорией и выделяет четыре типа: непризнанные государства с полным контролем своей территории (Приднестровье, Вазиристан, Сомалиленд, Турецкая Республика Северного Кипра); непризнанные государства, частично контролирующие свою территорию (Абхазия, Нагорный Карабах, Тамил-Илам, Южная Осетия); образования под протекторатом международного сообщества (Косово); – «квазигосударства, контролирующие анклав компактного расселения своей этнической группы» (Курдистан) [4, с. 7].

Решение о признании другого государства может быть принято президентом, премьер-министром, министром иностранных дел или любым правительством, наделенным полномочиями и полномочиями для осуществления таких действий. Решение о признании должно быть опубликовано [7, с. 9]. Поведение разных государств в сфере признания различается.

Государства можно разделить на три группы на основе политики признания: государства, которые официально признают правительства; государства, которые обычно официально не признают правительства, но совершают это в специфических обстоятельствах по политическим причинам; государства, которые официально признают только государства, а не правительства. Существует «доктрина Эстрады», когда государства не делают заявлений о признании при сменах режима и ограничиваются сохранением или отзывом своих дипломатических агентов [5].

Признание государств неоднородно. По мнению Б. Коппетьерса, существует 4 позиции признания государств: «позиция преемственности» – стабильность в качестве основной цели, «корректирующая позиция» – переустройство бывшего политического пространства территории, «позиция выбора» – предоставляет каждой нации и политическому образованию право на независимую государственность. «эффективная позиция» гласит, что признание государств должно учитывать фактический контроль политических властей над населением и территорией [8].

1. В. Крылов говорит про четыре сценария развития событий на новообразованной территории в зависимости от роли международного сообщества в признании / непризнании новых государств. Военное подавление непризнанного государства.

2. Частичное признание и покровительство международного сообщества новообразованным государствам.

3. Победа в войне за независимость.

4. Государственное образование не получает официального признания ни одного государства [9, с. 135].

Существует три основные формы признания государств:

1) де-юре – окончательное признание, влекущее за собой установление дипломатических отношений и выражающееся в форме официального заявления;

2) де-факто – неполное предварительное признание. Признание *de facto* происходит в тех случаях, когда у признающего государства нет уверенности в прочности признаваемого субъекта международного права, а также когда последний считает себя временным образованием. Данный тип признания может быть осуществлен, например, путем участия признаваемых субъектов в международных конференциях, многосторонних договорах, международных организациях. Признание *de facto*, как правило, не влечет за собой установление дипломатических отношений. Между государствами, признанными де-факто, могут устанавливаться торговые, экономические, финансовые отношения, но без наличия дипломатических представительств [10, с. 164].

3) *ad hoc* – специфический вид признания в исключительных обстоятельствах [10, с. 164].

Признание может быть явным или неявным. При установлении дипломатических отношений с новым государством соблюдаются все признаки окончательного международно-правового признания. Соблюдение нормативных предписаний международного сообщества влияет на то, какие протогосударства будут признаны государствами, а какие нет [11, с. 369]. Главные критерии для признания: суверенность нового государства и самостоятельность в осуществлении власти [10, с. 163]. Стоит отдельно сказать о так называемых «государствах де-факто», которые обычно воспринимаются как территории, которые получили фактическую независимость, но не смогли добиться широкого международного признания [12, с. 7].

Процесс международного признания – децентрализованный и нерегулируемый политический процесс, выходящий за рамки универсального международных норм. Именно поэтому сложно найти страну, которая проводит принципиальную или последовательную политику в отношении признания государства [11, с. 384].

В теории международного права есть две основные концепции о признании государств: конститутивная и декларативная. Конститутивная теория утверждает, что государство становится государством только после признания. Эта теория базируется на гегелевской идее, согласно которой формирование идентичности и самосознания каждого отдельного агента зависят от взаимодействия с другими субъектами и обратной связи с ними. [13, с. 312]; декларативная – которая в настоящее время широко распространена – говорит, что государство является государством, потому что оно отвечает всем международно-правовым критериям государственности. В конститутивной теории признание создает статус; в декларативной оно просто подтверждает статус [5].

По мнению А.Н. Сквозникова, «международная правосубъектность государства возникает во время установления отношений с государством другими субъектами международного права и продолжается на протяжении всего периода этих отношений». Международно-правовое признание в этом смысле становится способом эту правосубъектность продлить [14, с. 22].

Существуют различные проблемы государств, возникшие из-за их правового признания и международного статуса: разная противоречивая

реакция мирового сообщества; вооруженные конфликты; наличие претензий со стороны нового государства по отношению к тому, от которого оно отделяется и наличие обратных претензий; обвинения в сепаратизме; разнонаправленное развитие во всех сферах общественной жизни, создающее еще больший разрыв между сторонами конфликта [10, с. 168].

Главным противоречием в возникновении новых государств является противостояние таких норм международного права как территориальная целостность государств и право народов на самоопределение. Именно это противоречие провоцирует появление новых территориальных образований [4, с. 4]. Д.З. Мутагиров предлагает разрешить этот конфликт благодаря трансформации унитарных государств в демократические федерации с широкой автономией всех их субъектов и соблюдением естественных прав их граждан. [3, с. 312].

Д. Гелденхойс тоже считает, что вопрос самоопределения этносов можно не доводить до вооруженного конфликта, если правильно обращаться с национальными меньшинствами в рамках государства. Он упоминает культурное признание – «мягкий» вариант признания государством внутреннего разнообразия и символическое признание ценностей, статуса или существования этнических групп в более широком государственном обществе, которое включает в себя различные формы группового признания в институтах, символах и политической культуре более крупного государства [15, с. 64]. По его мнению, полное соблюдение прав меньшинств посредством демократического политического порядка может предотвратить политическое недовольство, которое можно использовать для увеличения сепаратистских настроений. Гелденхойс предлагает, чтобы политические партии в большей степени представляли группы меньшинств и происходило резервирование определенного числа мест в законодательном органе для меньшинств [15, с. 65].

Суммируя вышесказанное, можно прийти к выводу, что отсутствие в международной практике четко разработанных критериев признания новых государств имеет не только исключительно негативные последствия для новых потенциальных государств. Оно является также и своего рода стимулом для создания эффективных институтов и проведения политических реформ, то есть укрепляет «государственную» систему и

способствует их выживанию, выполняя легитимирующую функцию как внутри, так и снаружи [12, с. 8].

Признание, как и его отсутствие, играет важную роль в построении иерархии государств. Признающие государства могут заметно повысить статус признаваемого государства в мире, поэтому процедура признания должна быть справедливой, чтобы государства не пользовались ситуацией, когда на территории их конкурента возникло новообразование.

Основываясь на результатах исследования, нужно сказать, что две теории международного признания (декларативную и конститутивную) нужно рассматривать вместе, так как нельзя придерживаться лишь одной из них. Процедура признания сложнее чем кажется и имеет несколько стадий, так как государство становится государством не только когда оно соответствует критериям государства, но и когда его признают другие государства и начинают с ним дипломатические отношения. По аналогии с легитимностью, которой народ наделяет государство, в этом случае можно говорить о внешней легитимации, которая появляется у государства только после признания другими государствами.

Вдобавок перечисленные проблемы новых государств, например, наличие претензий со стороны нового государства по отношению к тому, от которого оно отделяется; обвинения в сепаратизме; разнонаправленное развитие во всех сферах общественной жизни, создающее еще больший разрыв между сторонами конфликта могут быть решены до эскалации конфликта. Оптимальным решением вопроса о признании территории является заблаговременное предоставление народам многонациональных обществ прав в рамках данных обществ и трансформация государств в федерации с широкой автономией всех их субъектов без притеснения какого-либо этноса. При выполнении этих условий сепаратистские настроения будут минимальны.

Заключение. Процедура признания новых независимых государств недостаточно разработана, поэтому отдельные государства, а иногда и люди признают государственные новообразования вопреки международным нормам. Возможно, в качестве одного из критериев признания нового независимого государства стоило бы ввести «временной ценз», то есть установить определенный срок существования новоявленного государства, по прошествии которого международное

сообщество должно будет признать появление нового государства, а также установить минимальное количество признаний для превращения в государство. Членство в ООН не должно быть единственным показателем государственности, так как процедура принятия в ООН не равна для разных субъектов международного права.

Подводя итог, универсальный алгоритм признания нового государства можно разделить на несколько этапов: появление претендента на признание, объективная оценка специальным органом соответствий характеристик претендента критериям государства, вынесение решения этим органом, учет временного фактора для признания (т.е. государство может быть признано таковым только спустя какое-то время), начало дипломатических отношений с другими государствами, достижение критического предела по количеству признающих государств. Пройдя все этапы, государство станет независимым.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Borgen Ch. The Language of Law and the Practice of Politics: Great Powers and the Rhetoric of Self-Determination in the Cases of Kosovo and South Ossetia // *Chicago Journal of International Law*. 2009. Vol. 10. № 1. Available at: <http://ssrn.com/abstract=1472068> (accessed: 14.03.2022).
2. Катков А. Д. Проблема международно-правового признания и феномен непризнанных государств в современном научном дискурсе // *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. 2020. № 3(25). С. 27–52.
3. Мутагиров Д. З. К вопросу о легитимности деления государств на "признанные" и "непризнанные" // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения*. СПб., 2017. Т. 10. № 4. С. 310–319. DOI 10.21638/11701/spbu06.2017.403.
4. Сквозников А. Н. Феномен непризнанных и частично признанных государств и особенности их правосубъектности // *Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право*. Самара, 2011. № 2(10). С. 3–12.
5. Talmon S. Recognition of States and Governments in International Law // *ADA Biweekly Newsletter*. 2008. Vol. 1. № 19. Available at: <http://ada.edu.az/biweekly/issues/158/20090328015413680.html> (accessed: 14.03.2022).
6. Маммадов У. Ю. Некоторые вопросы теории и практики признания государств в современном международном праве // *Российский юридический журнал*. 2012. № 6(87). С. 69–79.
7. Ker-Lindsay J. *The foreign policy of counter secession: Preventing the recognition of contested states*. Oxford University Press, 2012.
8. Coppieters B. Four Positions on the Recognition of States in and after the Soviet Union, with Special Reference to Abkhazia // *Europe-Asia Studies*. 2018. Vol. 70. №. 6.
9. Рыбаков А. В. Признание международным сообществом новых государств: проблемы и практики // *Власть*. 2018. Т. 26. №4. С. 134–139.

10. Алексеенко Т. А. Международно-правовое признание новых государств // Признание государств и правительств: проблемы и перспективы, барьеры и возможности, Луганск / Редкол.: С. А. Цемкало, В. А. Глазков, Д.А. Бабичев, Т. С. Коваленко. Луганск: Костромской государственной университет, 2018. С. 163–169.
11. Newman E., Visoka G. The foreign policy of state recognition: Kosovo's diplomatic strategy to join international society // *Foreign Policy Analysis*. 2018. Vol. 14. №. 3. P. 367–387.
12. Caspersen N. et al. Making peace with de facto states // *Annual of Language & Politics and Politics of Identity*. 2016. Vol. 10. №. 10. P. 7-18.
13. Bouris D., Fernández-Molina I. Contested states, hybrid diplomatic practices and the everyday quest for recognition // *International Political Sociology*. 2018. Vol. 12. №. 3. P. 306–324.
14. Сквозников А. Н. Применение права непризнанных государственных образований // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2013. № 1(13). С. 21–30.
15. Geldenhuys D. Contested states in world politics // Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009. P. 208-233.

REFERENCES

1. Borgen Ch. The Language of Law and the Practice of Politics: Great Powers and the Rhetoric of Self-Determination in the Cases of Kosovo and South Ossetia // *Chicago Journal of International Law*. 2009. Vol. 10. № 1. Available at: <http://ssrn.com/abstract=1472068> (accessed: 14.03.2022).
2. Katkov A. D. Problema mezhdunarodno-pravovogo priznaniya i fenomen nepriznannykh gosudarstv v sovremennom nauchnom diskurse // *Vestnik Diplomaticheskoy akademii MID Rossii. Rossiya i mir*. 2020. № 3(25). S. 27–52.
3. Mutagirov D. Z. K voprosu o legitimnosti deleniya gosudarstv na "priznannyye" i "nepriznannyye" // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Politologiya. Mezhdunarodnyye otnosheniya*. SPb., 2017. T. 10. № 4. S. 310–319. DOI 10.21638/11701/spbu06.2017.403.
4. Skvoznikov A. N. Fenomen nepriznannykh i chastichno priznannykh gosudarstv i osobennosti ikh pravosubyektnosti // *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya: Pravo*. Samara, 2011. № 2(10). S. 3–12.
5. Talmon S. Recognition of States and Governments in International Law // *ADA Biweekly Newsletter*. 2008. Vol. 1. № 19. Available at: <http://ada.edu.az/biweekly/issues/158/20090328015413680.html> (accessed: 14.03.2022).
6. Mammadov U. Yu. Nekotoryye voprosy teorii i praktiki priznaniya gosudarstv v sovremennom mezhdunarodnom prave // *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*. 2012. № 6(87). S. 69–79.
7. Ker-Lindsay J. The foreign policy of counter secession: Preventing the recognition of contested states. Oxford University Press, 2012.
8. Coppieters B. Four Positions on the Recognition of States in and after the Soviet Union, with Special Reference to Abkhazia // *Europe-Asia Studies*. 2018. Vol. 70. №. 6.
9. Rybakov A. V. Priznaniye mezhdunarodnym soobshchestvom novykh gosudarstv: problemy i praktiki // *Vlast*. 2018. T. 26. №4. S. 134–139.
10. Alekseyenko T. A. Mezhdunarodno-pravovoye priznaniye novykh gosudarstv // *Priznaniye gosudarstv i pravitelstv: problemy i perspektivy, baryery i vozmozhnosti, Lugansk / Redkol.: S. A. Tsemkalo, V. A. Glazkov, D.A. Babichev, T. S. Kovalenko*. Lugansk: Kostromskoy gosudarstvennyy universitet, 2018. S. 163–169.
11. Newman E., Visoka G. The foreign policy of state recognition: Kosovo's diplomatic strategy to join international society // *Foreign Policy Analysis*. 2018. Vol. 14. №. 3. P. 367–387.

12. Caspersen N. et al. Making peace with de facto states // Annual of Language & Politics and Politics of Identity. 2016. Vol. 10. №. 10. P. 7-18.
13. Bouris D., Fernández-Molina I. Contested states, hybrid diplomatic practices and the everyday quest for recognition // International Political Sociology. 2018. Vol. 12. №. 3. P. 306–324.
14. Skvoznikov A. N. Primeneniye prava nepriznannykh gosudarstvennykh obrazovaniy // Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya: Pravo. 2013. № 1(13). S. 21–30.
15. Geldenhuys D. Contested states in world politics // Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009. P. 208-233.

Сведения об авторах / Information about authors

Додонов Егор Сергеевич – бакалавр Высшей школы международных отношений Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

E-mail: dodonov_e@mail.ru; ORCID: 0000-0000-5555-444

Dodonov Egor S. – Higher school of international relations. Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University.

E-mail: dodonov_e@mail.ru; ORCID: 0000-0000-5555-444

*Статья поступила в редакцию 21.05.2022. Одобрена после рецензирования 05.06.2022. Принята 05.06.2022.
Received 21.05.2022. Approved after reviewing 05.06.2022. Accepted 05.06.2022.*

научная статья
УДК: 323.11
DOI: 10.48612/rg/RGW.23.4

Современная политика правительства КНР в урегулировании этно-конфессиональных конфликтов в Синцзянь-Уйгурском автономном районе

Фу Линцы ¹

Лбова Людмила Валентиновна ^{2✉}

^{1,2} Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия

¹ 18724630887@163.com; <https://orcid.org/0000-0002-7521-5386>

^{2✉} lbova_lv@spbstu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4103-7785>

Аннотация. Китай является одной из крупных стран мира, в которых решение этноконфессиональных проблем остаются актуальными, как и для любого другого многонационального государства. Этнические конфликты в Синцзянь-Уйгурском автономном районе продолжают оставаться в центре внимания политологов. Разработка теоретических подходов и реальная практика реализации программ правительства КНР, с учетом особенностей культурно-исторического развития народов автономных территорий, заслуживают отдельной оценки. В фокусе предлагаемого исследования находится вопрос изменения политики официального Пекина по отношению к национальным меньшинствам в последние годы. В целях реальных политических шагов в отношении этнических групп в Синцзяне правительство Китая сформулировало рабочую программу, в фокусе которой находятся образование и экономика. Исследование опирается на анализ государственных программ правительства Китая, их практическую реализацию, а также данные интервью жителей Синцзянь-Уйгурского автономного района. Опрос показывает, что население в целом положительно оценивает действие правительства, но при этом отмечают и критические настроения. Авторы предполагают, что этническая политика «второго поколения» правительства Китая направлена на уменьшение национальных отличий и интеграцию этносов в единое общество сограждан Китая. Показаны изменения и новые тенденции в национальной политике Коммунистической партии Китая и способах управления межнациональными отношениями в стране.

Ключевые слова: национальная политика; этнические группы; автономия; государственная программа; механизмы социального и экономического развития; Китай

Для цитирования: Фу Л., Лбова Л.В. Современная политика правительства КНР в урегулировании этно-конфессиональных конфликтов в Синцзянь-Уйгурском автономном районе // Россия в глобальном мире 2022. № 23(46). С. 53–68. DOI: 10.48612/rg/RGW.23.4

© Фу Л., Лбова Л.В., 2022. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article

DOI: 10.48612/rg/RGW.23.4

Contemporary politics of the China's government in the adjustment of ethno-confessional conflicts in the Xinjiang-Uyghur autonomic region

Fu Lingqi ¹

Liudmila V. Lbova ²✉

^{1,2} Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia

¹ 18724630887@163.com; <https://orcid.org/0000-0002-7521-5386>

²✉ lbova_lv@spbstu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4103-7785>

Abstract. *China is one of the largest multinational countries in the world, in which the solution of ethno-confessional problems, remains relevant as well as for any other multi-ethnic state. The ethnic conflict in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region is quite acute for all. The development of theoretical approaches, the actual practice of the PRC government programs' implementation deserves a special assessment. The peculiarities of the cultural and historical development of the peoples, who live in the autonomous territories were paid attention to and discussed by the authors. The question of changing official Beijing 's policy at present time towards national minorities is at the center of attention of the proposed study. In response to the development of ethnic groups in Xinjiang, the Chinese government has formulated a work program from various perspectives. The government focuses on the promotion of education and the growth of economy. The study is based on the analysis of the Chinese government' state programs, their practical implementation. The authors presented the survey of the multi-ethnic Xinjiang Uygur Autonomous Region' representatives. The poll shows that the population as a whole assesses the government's actions positively, but there are also critical sentiments. The authors assume that the ethnic policy of the "second generation" is aimed at reducing national differences and integrating ethnic groups into a single society of fellow citizens of China. The changes and new trends in the national policy of the Communist Party of China, and the ways of interethnic relations management in the context of Chinese politics are shown in the article.*

Keywords: national policy; ethnic groups; autonomy; state program; social and economic development mechanisms; China

For citation: Fu Lingqi, Lbova, L.V. Contemporary politics of the China's government in the adjustment of ethno-confessional conflicts in the Xinjiang-Uyghur autonomic region. *Russia in the Global World*. 2022; 23(46): 53–68. (In Russ.). DOI: 10.48612/rg/RGW.23.4

© Fu Lingqi, Lbova, L.V., 2022. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Введение. Решение этноконфессиональных проблем в Китае остаётся актуальным в связи с активной деятельностью различных национальных, террористических и экстремистских группировок. В фокусе нашего внимания находится разработка теоретических подходов и реальная

практика реализации программ развития этнических меньшинств правительством КНР, которые требуют особого подхода, с учетом особенностей культурно-исторического развития народов автономных территорий (рис. 1).

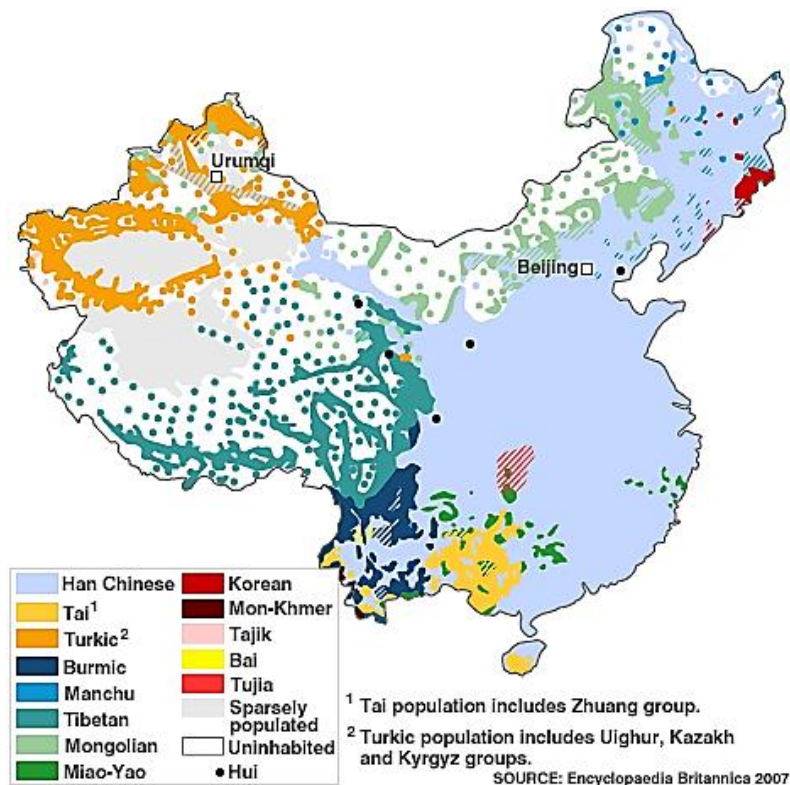

Рис. 1. Карта расселения этнических групп в Китае (по данным Encyclopedia Britannica, 2007 г.)
(<https://sanooaung.wordpress.com/2009/07/11/chinas-main-ethnic-minorities/>)

Синьцзян является территорией, расположенной во внутренних районах Евразии. Территорию называют «континентальным мостом Азия-Европа», и его стратегическое положение очень важно. Сухопутная граница составляет более 5600 километров: Синьцзянь граничит с Россией, Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Пакистаном, Монголией, Индией и Афганистаном.

Синьцзян-Уйгурский автономный район был образован 1 октября 1955 г., расположен на северо-западе Китая и является одним из пяти автономных регионов сосредоточения этнических меньшинств в Китае. Занимая площадь в 1,6649 миллионов кв. км, этот провинциальный административный район имеет самую большую площадь суши, на

которую приходится шестая часть общей площади Китая [1]. Особенность географического положения территории, расположенной в глубине Центральной Азии, способствовало историческому формированию своего рода «этнического котла», регионом, где встречались представители разных рас, племен и этнических групп.

По сравнению с другими регионами Китая, Синьцзян является полиэтническим регионом, провинцией, где сосуществуют многие конфессии, с преобладанием мусульман. Несмотря на то, что в настоящее время религиозные верования на этой территории включают ислам, буддизм, христианство, католицизм, православие, конфуцианство и даосизм, мусульмане составляют абсолютное большинство. Из-за значительных различий в религии и культуре население Синьцзяна можно разделить на две группы: мусульманское население, исповедующее ислам, и ханьское население, исповедующее панконфуцианство. Это наиболее очевидная черта, отличающая Синьцзян от других провинций Китая. Кроме того, основные этнические группы в Синьцзяне имеют разную степень социальных, экономических, культурных и демографических различий, что является факторами, вызывающими частые конфликты, в том числе этно-конфессионального характера между группами.

Среди этнических конфликтов в Синьцзяне наиболее острым является конфликт между уйгурами и ханьцами. Исторический тезис о «едином Китае» как «сложной нации», в которой ведущая роль принадлежит именно хань, сыграли свою роль в создании проблемной ситуации в современности. Важную роль сыграли крайняя религиозная идеология и крайний национализм. Этнические сепаратистские действия и теракты среди уйгуров в Синьцзяне были частым явлением в последнее десятилетие XX в. По неполным статистическим данным, с 1990 г. по 2001 г. террористы «Восточного Туркестана» совершили более 200 насильственных террористических преступлений в Синьцзяне, против этнических групп, рядовых и религиозных деятелей. Самый серьезный теракт произошел 5 июля 2009 г., который китайское общество назвало инцидентом «5 июля». В 2018 г. и 2019 г. китайские государственные СМИ показали документальные фильмы о последних конфликтах в Китае и

предполагаемой необходимости «лагерей перевоспитания», которые вызвали неоднозначную реакцию в китайских социальных сетях [2].

Различия между уйгурами и ханьцами в экономическом, политическом, культурном, социальном и других аспектах приводят к тому, что уйгуры считают себя маргинализованной этнической группой и подвергаются дискриминации.

Теоретические взгляды решения вопросов межэтнического характера, этноконфессиональных конфликтов в Китае опираются на концепты теории нации и межнациональных отношений, разработанные в марксизме и ленинизме. Хорошо известны работы китайских лидеров Сунь Ятсена, Цзян Цзэминя и Ху Цзиньто. В истории современного Китая концепция национальной политики КПК имеет несколько специфических этапов, при этом цели проводимых политических решений менялись по отношению к этническим группам и национальным районам. В работах китайских авторов по социологии XX в. характерно доминирование представлений о способах решения межнациональных проблем через инструменты пропаганды, формы оказания помощи этническим меньшинствам, активную борьбу с сепаратизмом (разработки в трудах Ван Эрши, Ли Вэйхань, Ли Далун, Ли Шэн, Ма Жуна, Нин Цао, Тан Мин, Цзинь Бинхао и др.) [3].

В последние годы в Китае появились новые подходы, акценты и дискуссии, которые разворачиваются в рамках теоретических концепций понимания нации как этно-социального образования или сообщества сограждан. Особую роль в развитии подобных теоретических исследований сыграл проект «Межэтническая толерантность в Синьцзяне» (2001–2002 гг.), в котором был проанализирован процесс управления межнациональными отношениями на примере Синьцзян-Уйгурского автономного района. Анализ результатов проекта показывает, что главными акторами являются районно-национальные автономии, которые играют ключевую роль в развитии экономики, управлении территориями, сохранения культурных традиций с учетом этнической специфики региона. Правительство КНР оказывает финансовую помощь, стимулируя экономическое и культурное развитие населения, подготовку кадров

местных работников, стремясь снизить конфликтность. Именно такая модель управления межнациональными отношениями соответствует реальной ситуации в Китае в целом.

Результаты исследования и их обсуждение. В настоящее время среди жителей Синьцзяна проживают 55 этнических групп. Уйгуры, ханьцы, казахи и хуэй – представлены населением более одного миллиона человек. Согласно демографическим данным за 2018 г., в Синьцзяне проживает 11,6786 млн. уйгуров, 7,8574 млн. ханьцев, 1,5749 млн. казахов и 1,0157 млн. народа хуэй [4]. Уйгуры, ханьцы, казахи и хуэйцы составляют 96,90% всего населения СУАР, что составляет абсолютное большинство в Синьцзяне (рис. 2). Среди этнических меньшинств непосредственно в Синьцзяне уйгуры, казахи и хуэй составляют 77,98%, 10,52% и 6,76% меньшинства соответственно. Общая доля составляет этих групп в совокупности составляет 95,26%, что делает их основной частью населения этнических меньшинств Синьцзяна. Известны две этнические группы с населением от 100 тыс. до 1 миллиона человек (киргизы и монголы). Более мелкие группы населения от 10 тыс. до 100 тыс. составляет 5 этносов: таджики, сибиряки, маньчжуры, узбеки, русские (рис. 2). Население других этнических групп составляет менее 10 000 человек [5].

Этнические автономные административные районы в Синьцзяне представлены автономными районами, округами, уездами и этническими поселками. В Синьцзяне пять автономных округов: Чанцзи-Хуэйский автономный округ, Бортала и Байинголен – два Монгольских автономных округа, Кызыл-Киргизский автономный округ и Или-Казахский автономный округ. В Синьцзяне шесть автономных уездов: Балыкунский и Мулейский казахские автономные уезды, Яньци-Хуэйский автономный уезд, Ташкурганский Таджикский автономный уезд, Кабкаль-Сибирский автономный уезд и Буксель-Монгольский автономный уезд. В Синьцзяне зарегистрировано 42 этнических поселка с малочисленным населением.

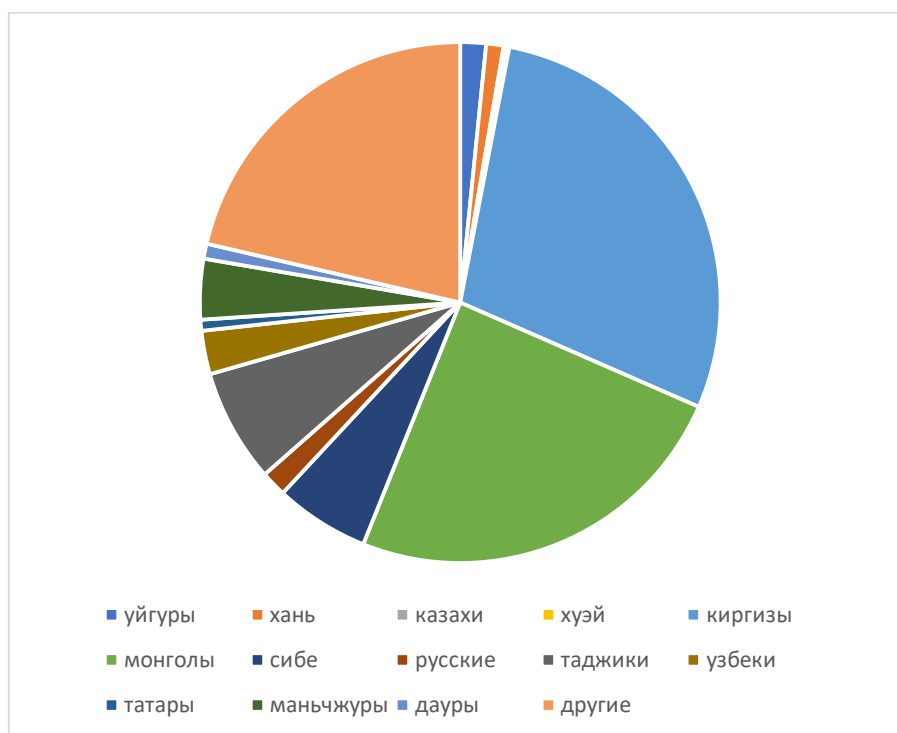

Рис. 2. Распределение основных этнических групп в СУАР

С точки зрения распределения населения в Синьцзяне, существуют значительные различия в региональном размещении основных этнических групп. Например, расселение ханьского населения относительно рассредоточено, что характеризуется обширным ареалом. Во всех префектурах и городах Синьцзяна проживает определенная доля ханьского населения: доля ханьского населения в северном Синьцзяне составляет 74,18%, а в южном Синьцзяне проживает почти 20% ханьского населения. Среди них ханьское население в городе Урумчи и префектуре Чанцзи на севере Синьцзяна составляет большинство, что составляет 26,41% и 12,18% соответственно от общей численности ханьского населения.

Распределение населения этнических меньшинств (65,01%, включая уйгуров, казахов, хуэй, монголов, киргизов и таджиков) является относительно сконцентрированным, и представлено в основном по всем частям южного Синьцзяна. В то же время, в северном Синьцзяне проживает 30,05% этнических меньшинств, проживающих в Или, Бочжоу и других местах. В дополнение к вышеупомянутым общим чертам существуют тонкие различия в характеристиках распределения населения внутри этнических меньшинств [6].

Конституция и основные законы Китая устанавливают равный статус для всех этнических групп, но по историческим причинам отмечается фактическое неравенство. Существуют различия между этническими группами по уровню развития, особенностям проживания, степени сохранения традиций [7].

С точки зрения экономической структуры занятое население Синьцзяна в основном сосредоточено в основных отраслях сельского хозяйства, лесного хозяйства, животноводства и рыболовства, на которые приходится более 60%. Далее следует сфера услуг, на которую приходится 27,49%. Самая низкая доля приходится на вторичную промышленность (обрабатывающая промышленность). Отсюда можно сделать вывод, что экономическая структура Синьцзяна не является сбалансированной в интересах экономического развития региона, а в первую очередь, промышленного.

С позиций профессионального состава ханьское население Синьцзяна представляет относительно большую долю партийного и государственного, хозяйственного и обслуживающего персонала, при этом доля ханьцев, занятых в сельском и лесном хозяйствах, относительно невелика. Профессиональная структура национальных меньшинств прямо противоположна: население, занимающееся сельским хозяйством, составляет абсолютное большинство, в основном около 60%, при этом доля уйгуров и казахов достигает 80%. Эти явления несовместимы с изменяющейся тенденцией общей структуры промышленности и распределения профессиональной занятости в контексте быстрого социально-экономического развития Китая.

В определенной степени такое различие в профессиональной структуре этнических групп отражает асинхронность их вхождения и участия в процессах индустриализации и модернизации, но, по мере развития рынка в дальнейшем, эта разница будет становиться более очевидной и заметной, а затем, объективно скажется на тенденции межнационального общения и межэтнических отношений.

В эпоху плановой экономики политика относительно равного распределения доходов и строгая система этнической идентичности

позволили ханьцам и этническим меньшинствам поддерживать равенство во всех аспектах, в том числе по уровню доходов и политического статуса [8]. Однако, с постоянным углублением реформ, ориентацией на политику открытости, сокращением выравнивания социальных доходов и открытием механизмов социальной мобильности, дисбаланс между различными классами становится все более заметным [9]. В районах проживания этнических меньшинств дифференциация социальной структуры проявляется в более очевидных характеристиках, то есть в постоянной дифференциации разных этнических групп по социальному доходу и благосостоянию [10]. Эта дифференциация не только влияет на экономическое и социальное развитие этнических регионов, но, что более важно, «стратификация создает препятствия для общения людей. Чем больше расстояние между различными классами, тем меньше у них общих интересов, увлечений и ценностей. Результаты с точки зрения образа жизни и моделей потребления будут более разными» [11, с. 48]. Между уйгурами и ханьскими этническими группами существуют заметные социальные структурные различия, уйгуры находятся в невыгодном положении с точки зрения пространства для развития человеческого капитала, возможностей развития и социального статуса из-за низкого уровня образования, технологий и использования языка у уйгуров. Согласно данным опроса, 58,2% опрошенных уйгуров заявили, что разрыв в социальном доходе между уйгурскими и ханьскими этническими группами огромен [12].

Следует отметить влияние международной политической среды на этнические проблемы в Синьцзяне. После распада СССР в 1991 г., важным фактором оказалось образование нескольких центральноазиатских государств, расположенных по соседству с Синьцзяном и имеющих близкие этнические корни и культуру, что значительно повысило чувство собственного достоинства и гордости этих народов, что, в свою очередь, стимулировало этнические движения в Китае. В условиях тенденций глобализации отмечается рост национального самосознания народов, особенно, в тех случаях, когда этнические элиты уделяют больше внимания своей собственной политической, экономической и культурной позиции.

Представители элит более чувствительны к распределению прав и интересов между собственным народом и другими народами. Экономические и социальные проблемы, такие как различия в региональном развитии, различия в доходах, бедность и отсталость, поддержали призыв элит к справедливым правам и интересам, что повлекло развитие тенденции для сепаратистских сил, оказывающих влияние на народные массы.

В целях урегулирования сложных внутренних политических, социальных, экономических и этно-конфессиональных проблем региона, правительством КНР разработано несколько стратегий и программ. Например, «Пятилетний план» [13] является уникальным механизмом макроконтроля экономического и социального развития Китая в рамках единой программы действий для всей страны.

В рамках стратегии «Двенадцатого пятилетнего плана» (2011–2015 гг.) в 2012 г. были сформулированы и обнародованы «План системы национальной теоретической политики», «План построения национальной правовой системы», «План этнического развития меньшинств» и другие конкретные документы. Обнародование политических документов достигло пика со времен реформ с 1978 г., которые характеризуются политикой открытости и являются примером механизма практической деятельности правительства в области национальной политики. Таким образом, государственная этническая политика тесно связана с общим планированием экономического и социального развития страны.

Реальная политическая обстановка в Синьцзяне остается чрезвычайно чувствительной к любым внутренним и внешним факторам. Синьцзян-Уйгурский автономный район имеет множество скрытых проблем, которые отличаются от других автономных районов Китая. Возможно, что в других автономных районах будет проводиться аналогичная политика, но влияние таких действий в Синьцзяне чрезвычайно велико, хотя на официальном сайте регионального правительства информацию об утверждении и конкретных сроках реализации программы найти невозможно.

Местные жители, живущие в Синьцзяне, и люди, которые только

путешествовали, чувствуют разницу между СУАР и другими частями Китая. Нами были проведены беседы и интервью с разными людьми, которые реально соприкасались с социокультурной обстановкой в регионе. Интервьюируемыми были ханьцы, казахи и уйгуры, более десяти лет жившие в Синьцзяне. Содержание вопросов заключалось в том, считают ли они, что политика и политическая среда в Синьцзяне значительно отличается от других частей Китая и как респонденты относятся к этой разнице. Все опрошенные заявляли, что понимают действия правительства, но каждый высказывал свои разочарования, считая, что свобода в Синьцзяне сильно ограничена. Отмечая положительные моменты в национальной политике правительства, высказывались мнения о необходимости определенным образом интегрировать отсталые семьи этнических меньшинств в экономическое развитие, в котором сегодня доминируют ханьцы.

Следует отметить, что правительство Китая начинает с реализации программ образования, чтобы гарантировать, что качество населения Синьцзяна и уровень его развития сопоставимо с ханьским сообществом. 7 июля 2002 г. Госсовет КНР принял Постановление об углублении реформы и ускорении развития национального образования. План был направлен на поощрение равенства в сфере образования, повышение научного и культурного уровня этнических меньшинств, усиление идеологического и политического воспитания и сохранение национального единства.

Помощь Синьцзяну и Тибету, как особым территориям, всегда остается в центре внимания правительства Китая. «Западная стратегия развития», которую Коммунистическая партия Китая решила реализовать в XXI в., сыграла важную роль в экономическом развитии Синьцзяна. Эта стратегия направлена на развитие новых отраслей промышленности, способствует модернизации и развитию традиционного сельского хозяйства, лесного хозяйства и животноводства.

Центральная конференция по работе с этническими меньшинствами Китая проводится с 1992 г., две из которых прошли в последнее время. Этническая работа под руководством правительства Си Цзиньпина унаследовала предыдущую стратегию, подчеркивая при этом

необходимость создания сознания этнической общности. Правительство СУАР также оказывает помощь этническим меньшинствам, особенно уйгурам. На уровне общинного управления каждая уйгурская семья соответствует ханьской семье как своей «братской семье». Ханьские семьи обязаны помогать соответствующим уйгурским семьям [14].

В рамках концепции «Пять ключей», призванной способствовать модернизации системы управления, разработаны принципы регулирования в течение длительного времени для проведения углубленной работы по решению религиозных и этнических вопросов [15].

Решение практических вопросов реализации этой концепции направлены на пресечение экстремистских идей в Синьцзяне и повышения «общественного иммунитета» за счет развития приоритета современного образования. Стимулировать детей из бедных семей к посещению школы посредством обязательного образования, выделение субсидий на проживание, подбор учительских кадров, повышение национальной идентичности студентов, формирование обще китайской национальной идентичности и повышение научного и культурного уровня населения Синьцзяня – обозначены в качестве конкретных задач этой концепции. Современное образование может предотвратить или разбавить религиозное сознание молодежи и заставить ее развиваться в направлении «культурных мусульман», что играет важную роль в эффективном повышении способности молодежи различать и противостоять религиозному экстремизму. Развитие современного образования также направлено на развитие профессионального образования для безработных и маргинальных слоёв, для приобретения навыков выживания посредством систематического обучения и образования. Развитие современных форм (академическое, профессионально-техническое образование) через принципы обязательного и бесплатного обучения, позволяет молодому поколению Синьцзяна формировать взгляды на жизнь, мировоззрение и ценности, повышая в том числе, иммунитет к религиозному экстремизму.

Заключение. При разработке китайской этнической «политики второго поколения» (начиная с 2011 г.) неоднократно отмечается, что копировать неудачную модель «фабрики наций» Советского Союза нельзя.

Известная практика СССР может привести к аналогичным последствиям. В Китае возникла идея перехода к активному формированию общей культуры, общего сознания и этнической идентичности. Этническая политика «второго поколения» предполагает уменьшение национальных отличий и интеграцию всех этносов в единое общественное поле сограждан. При этом, по-прежнему, декларируются продвижение этнических привилегий и этнического разнообразия в официальных документах.

Программные установки Си Цзиньпина выводят национальную политику на новый уровень, тесно связывая ее с политическими и экономическими реформами, которые плавно нивелируют культурные различия и уровень образования. Учитывается и то обстоятельство, что этнические меньшинства не теряют возможности изучения родного языка, сохранения и развития своей культуры. Способы реализации новой политики остаются направленными на сохранение целостности государственных границ страны, поддержание коммунистической идеологии, планомерную реализацию экономических и политических преобразований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Синьцзянь新疆. Запись в энциклопедии Baidu 百度百科词条. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E6%96%B0%E7%96%86/132263?fr=aladdin> (дата обращения 09.12.2021).
2. Xinjiang conflict. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Xinjiang_conflict (дата обращения 10.05.2020).
3. Ху Яньсинь. Государственная этнонациональная политика в Китае: анализ теоретических подходов и социальных практик: в конце XX – начале XXI вв. – автореферат канд. соц. наук, М.: РУДН, 2006.
4. Данные о населении Синьцзян-Уйгурского автономного района新疆维吾尔自治区人口数据. красно-черная база данных 红黑数据库 URL: <https://www.hongheiku.com/sjrk/1075.html>(дата обращения 10.12.2022)
5. Отчет об анализе изменений населения в Синьцзяне新疆地区人口变动情况分析报告. 中国日报网 China Daily.07.01.2021 URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1688206551133598243&wfr=spider&for=pc> (дата обращения 10.12.2021).
6. Ли Цзяньсинь 李建新, Чан Цинлин 常庆玲. Синь цзян гэ чжу яо минь цзу жэнь коу сянь чжуан цзи бянь хуа гэ чжэн 新疆各主要民族人口现状及变化特征 [Текущая ситуация и изменение характеристик населения основных этнических групп в

Синьцзяне] // Си бэй минь цзу янь цзю 西北民族研究 [Северо-западные этнические исследования]. 2015. №3. С. 21-47.

7. Лю Мэнтао 刘梦陶. Минь цзу вэнь ти дуй во го шэ хуэй фа чжань дэ ци ши——и синь цзян «ци у» ши цзянь вэй ли 民族问题对我国社会发展的启示——以新疆“七五”事件为例 [Освещение этнических проблем в социальном развитии моей страны - на примере инцидента "седьмой пятилетки" в Синьцзяне] // Шан ье вэнь хуа 商业文化 [Деловая Культура]. 2018. №3. С. 75-76.

8. Ананьина Д.А. Влияние культурной революции на трансформацию этнокультурной идентичности малочисленных народов КНР (на примере уйгуров СУАР) // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15. № 4. С. 82-88. DOI 10.21209/1996-7853-2020-15-4-82-88.

9. Афонина Л.А. Государственная политика Китайской Народной Республики в сфере религий в период реформ (1978-2015 гг.). – автореф. канд. ист. наук., М.: МГИМО, 2016.

10. Вяткина У.Г. Бедность как фактор нестабильности в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) КНР // Азиатско-Тихоокеанский регион: история и современность - X : мат. межд. научно-практической конф. молодых ученых. Улан-Удэ: БГУ, 2016. С. 47-49.

11. Дай Ниннин 戴宁宁. Вэй хань минь цзу цзю ван чжун дэ "минь цзу синь ли ча цзю" цзе си 维汉民族交往中的“民族心理差距”解析 [Анализ «национального психологического разрыва» в общении уйгурской и ханьской национальностей] // Синь цзян шэ хуэй кэ сюэ 新疆社会科学 [Синьцзян Общественные науки]. 2011. № 5. С. 42-50.

12. Цзинь Цзясинь 金家新. Куа цзе минь цзу вэнь ти дэ бяо сянь лэй син、син чэн цзи ли юй цзе цзюэ чжи дао 跨界民族问题的表现类型、形成机理与解决之道 [Проявление, механизм формирования и решение трансграничных этнических проблем] // Синь цзян да сюэ сюэ бао (чжэсюэ、 жэнь вэнь шэ хуэй кэ сюэ бань) 新疆大学学报 (哲学、人文社会科学版) [Журнал Синьцзянского университета (издание по философии, гуманитарным и социальным наукам)]. 2021. № 6. С. 64-72.

13. Пятилетний план 五年规划. Запись в энциклопедии Baidu 百度百科词条. «Наброски пятилетнего плана национального экономического и социального развития Китайской Народной Республики». URL: <https://baike.baidu.com/item/%E4%BA%94%E5%B9%B4%E8%A7%84%E5%88%92/6544998?fromtitle=%E4%BA%94%E5%B9%B4%E8%AE%A1%E5%88%92&fromid=557982&fr=aladdin> (дата обращения 11.05.2022).

14. 11-й полк 1-й дивизии Синьцзянского производственно-строительного корпуса: члены партии и кадры подписали договор о помощи «один на один» с семьями меньшинств. 新疆生产建设兵团第一师十一团：党员干部与少数民族群众家庭“一对一”帮扶签约. Сеть членов коммунистической партии 共产党员网. URL: <https://syss.12371.cn/2015/07/13/ARTI1436767290094387.shtml> (дата обращения 04.04.2022).

15. Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на 19-м съезде КПК, 2017-11-03. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (дата обращения 05.05.2022).

REFERENCES

1. Sintszyan 新疆. Zapis v entsiklopedii Baidu 百度百科词条. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E6%96%B0%E7%96%86/132263?fr=aladdin> (data obrashcheniya 09.12.2021g.)
2. Xinjiang conflict. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Xinjiang_conflict (data obrashcheniya 10.05.2020)
3. Khu Yansin. Gosudarstvennaya etnonatsionalnaya politika v Kitaye: analiz teoreticheskikh podkhodov i sotsialnykh praktik: v kontse XX - nachale XXI vv. [State ethnopolitical policy in China: analysis of theoretical approaches and social practices: at the end of the 20th - beginning of the 21st centuries.] – avtoreferat kand. sots. nauk, M.: RUDN, 2006
4. Dannyye o naselenii Sintszyan-Uygurskogo avtonomnogo rayona 新疆维吾尔自治区人口数据. krasno-chnaya baza dannyykh 红黑数据库 URL: <https://www.hongheiku.com/sjrk/1075.html> (data obrashcheniya 10.12.2022)
5. Otchet ob analize izmeneniy naseleniya v Sintszyane 新疆地区人口变动情况分析报告. 中国日报网 China Daily.07.01.2021 URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1688206551133598243&wfr=spider&for=pc> (data obrashcheniya 10.12.2021).
6. Li Tszysan 李建新, Chan Tsinlin 常庆玲. Sin tszyan ge chzhu yao min tszu zhen kou syan chzhuan tszi byan khua te chzhen 新疆各主要民族人口现状及变化特征 [Tekushchaya situatsiya i izmeneniye kharakteristik naseleniya osnovnykh etnicheskikh grupp v Sintszyane] // Si bey min tszu yan tszyu 西北民族研究 [Severo-zapadnyye etnicheskiye issledovaniya]. 2015. №3. S. 21-47.
7. Lyu Mentao 刘梦陶. Min tszu ven ti duy vo go she khuey fa chzhan de tsi shi——i sin tszyan «tsi u» shi tszyan vey li 民族问题对我国社会发展的启示——以新疆“七五”事件为例 [Osveshcheniye etnicheskikh problem v sotsialnom razvitii moyey strany - na primere intsidenta "sedmoy pyatiletki" v Sintszyane] // Shan ye ven khua 商业文化 [Delovaya Kultura]. 2018. №3. S. 75-76.
8. Ananina D. A. Vliyaniye kulturnoy revolyutsii na transformatsiyu etnokulturnoy identichnosti malochislennykh narodov KNR (na primere uygurov SUAR) [The Impact of the Cultural Revolution on the Transformation of the Ethno-Cultural Identity of the Indigenous Peoples of China (on the example of the Uighurs of the XUAR)] // Gumanitarnyy vektor. 2020. T. 15. № 4. S. 82-88. DOI 10.21209/1996-7853-2020-15-4-82-88.
9. Afonina L. A. Gosudarstvennaya politika Kitayskoy Narodnoy Respubliki v sfere religiy v period reform (1978-2015 gg.). [State Policy of the People's Republic of China in the Sphere of Religions during the Reform Period (1978-2015).] – avtoref. kand. ist. nauk., M.: MGIMO, 2016.
10. Vyatkina U. G. Bednost kak faktor nestabilnosti v Sintszyan-Uygurskom avtonomnom rayone (SUAR) KNR [Poverty as a Factor of Instability in the Xinjiang Uygur Autonomous Region (XUAR) of the PRC] // Aziatsko-Tikhookeanskiy region: istoriya i sovremennost - X : mat. mezhd. nauchno-prakticheskoy konf. molodykh uchennykh. Ulan-Ude: BGU, 2016. S. 47-49.
11. Day Ninnin 戴宁宁. Vey khan min tszu tszyao van chzhun de "min tszu sin li cha tszyu" tsze si 维汉民族交往中的“民族心理差距”解析 [Analiz «natsionalnogo psikhologicheskogo razryva» v obshchenii uygurskoy i khanskoy natsionalnostey] // Sin tszyan she khuey ke syue 新疆社会科学 [Sintszyan Obshchestvennyye nauki]. 2011. № 5. S. 42-50.

12. Tszin Tszysin 金家新. Kua tsze min tszu ven ti de byao syan ley sin、sin chen tszi li yuy tsze tszyue chzhi dao 跨界民族问题的表现类型、形成机理与解决之道 [Proyavleniye, mekhanizm formirovaniya i resheniye transgranichnykh etnicheskikh problem] // Sin tszyan da syue syue bao (chzhesyue、 zhen ven she khuey ke syue ban) 新疆大学学报 (哲学、人文社会科学版) [Zhurnal Sintszyanskogo universiteta (izdaniye po filosofii, gumanitarnym i sotsialnym naukam)]. 2021. № 6. S. 64-72.

13. Pyatiletniy plan 五年规划. Zapis v entsiklopedii Baidu 百度百科词条. «Nabroski pyatiletnego plana natsionalnogo ekonomicheskogo i sotsialnogo razvitiya Kitayskoy Narodnoy Respubliki». URL: <https://baike.baidu.com/item/%E4%BA%94%E5%B9%B4%E8%A7%84%E5%88%92/6544998?fromtitle=%E4%BA%94%E5%B9%B4%E8%AE%A1%E5%88%92&fromid=557982&fr=aladdin> (data obrashcheniya 11.05.2022).

14. 11-y polk 1-y divizii Sintszyanskogo proizvodstvenno-stroitel'nogo korpusa: chleny partii i kadry podpisali dogovor o pomoshchi «odin na odin» s semyami menshinstv. 新疆生产建设兵团第一师十一团: 党员干部与少数民族群众家庭“一对一”帮扶签约. Set chlenov kommunisticheskoy partii 共产党员网. URL: <https://syss.12371.cn/2015/07/13/ARTI1436767290094387.shtml> (data obrashcheniya 04.04.2022g.)

15. Polnyy tekst doklada, s kotorym vystupil Si Tszinpin na 19-m syezde KPK, 2017-11-03. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (data obrashcheniya 05.05.2022).

Сведения об авторах / Information about authors

Фу Линци – магистрант Высшей школы международных отношений Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

E-mail: 18724630887@163.com; ORCID: 0000-0002-7521-5386

Fu Lingqi – Higher school of international relations. Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University.

E-mail: 18724630887@163.com; ORCID: 0000-0002-7521-5386

Лбова Людмила Валентиновна – доктор исторических наук, профессор Высшей школы международных отношений Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

E-mail: lbova_lv@spbstu.ru; ORCID: 0000-0003-4103-7785

Lbova Liudmila V. – Doctor of History, Professor. Higher school of international relations. Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University.

E-mail: lbova_lv@spbstu.ru; ORCID: 0000-0003-4103-7785

*Статья поступила в редакцию 14.05.2022. Одобрена после рецензирования 06.06.2022. Принята 07.06.2022.
Received 14.05.2022. Approved after reviewing 06.06.2022. Accepted 07.06.2022.*

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ EURASIAN INTEGRATION

научная статья
УДК: 341.1/8
DOI: 10.48612/rg/RGW.23.5

Партнерство России и Китая в экологической сфере

Ахмадбаев Альберт Мамаджанович ✉
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
✉ albertakhmadbaev@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-9507-6416>

***Аннотация.** Фактологической основой публикации является анализ взаимоотношений Российской Федерации (РФ) и Китайской Народной Республики (КНР) в природоохранной деятельности и межгосударственном сотрудничестве при проведении экологических реформ. Вопросы экологии стали одними из главенствующих на повестке дня, так как после нескольких качественных цивилизационных скачков в истории человечества мировое сообщество столкнулось с проблемами по защите окружающей среды и осознало роль минимизации воздействия человека на природу. Наиболее успешным и результативным способом коммуникации и имплементации достигнутых в ходе обсуждений инициатив является межгосударственная политика, где страны стремятся защитить окружающую среду путем взаимодействия в рамках ООН и её институтов, международных и региональных организаций по защите окружающей среды и экологии, а также частных программ и НКО в сфере экологии и природоохранной деятельности. Благодаря обсуждению и проработке экологических проблем страны подписали различные международные соглашения и конвенции, направленные на охрану природы и сдерживания быстрого загрязнения окружающей среды в наиболее проблемных регионах нашей планеты. При написании публикации были использованы несколько общедоступных методологий, такие как сравнение, анализ и обработка статистических данных. Целью публикации является анализ законодательной базы РФ и КНР в области экологии, а также определение роли совместной работы двух государств по защите окружающей среды в рамках: основных нормативных документов РФ и КНР по защите окружающей среды; российско-китайских взаимоотношений в сфере экологии; результатов сотрудничества двух государств по вопросам экологии. В ходе исследования были изучены проведенные мероприятия между странами в рамках совместного развития сферы охраны окружающей среды, в статье даётся обзор на экологическую ситуацию в упомянутых государствах и уделяется особое внимание законодательным базам РФ*

и КНР в вопросах экологии и экологической безопасности. Практическая значимость работы обусловлена тем, что выводы и полученные результаты в ходе анализа могут быть полезны для дальнейшего моделирования стратегического партнерства РФ и КНР не только в экологии и вопросах по защите окружающей среды, но также в экономике, глобальной и региональной безопасности и развитию стратегических программ при трансграничном сотрудничестве.

Ключевые слова: экология; экологическая дипломатия; окружающая среда; международные отношения; климат; сотрудничество

Для цитирования: Ахмадбаев А.М. Партнерство России и Китая в экологической сфере // Россия в глобальном мире 2022. № 23(46). С. 69–81. DOI: 10.48612/rg/RGW.23.5

© Ахмадбаев А.М., 2022. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Original article

DOI: 10.48612/rg/RGW.23.5

Partnership between Russia and China in the environmental sphere

Albert M. Akhmadbaev ✉

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia

✉ albertakhmadbaev@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-9507-6416>

Abstract. *The factual basis of the publication is the analysis of the relationship between the Russian Federation (RF) and the People's Republic of China (PRC) in environmental protection and interstate cooperation in environmental reforms. Environmental issues have become one of the top agenda items, since after several qualitative civilizational leaps in the history of mankind; the world community has faced problems in protecting the environment and realized the role of minimizing human impact on nature. The most successful and effective way targeted at successful communication and implementation of the initiatives achieved during the discussions is the interstate policy, where countries seek to protect the environment through interaction within the UN and its institutions, international and regional organizations for the protection of the environment and ecology, as well as private programs and NGOs in the sphere of ecology and nature protection activity. Thanks to the discussion and elaboration of environmental problems, the countries have signed various international agreements and conventions aimed at protecting nature and curbing rapid environmental pollution in the most problematic regions of our planet. The several methodologies were used, such as comparison, analysis and processing of statistical data. The purpose of the publication is to analyze the legislative framework in the field of ecology, as well as to determine the role of the states' collaboration in protecting the environment within the framework of the main regulatory documents of Russia and China, the special attention is paid to the legislative framework in the matters of ecology and environmental safety. The practical significance of the work is due to the fact that the conclusions and results obtained during the analysis can be useful for further modeling the strategic partnership between the Russian Federation and the PRC, not only in the field of ecology and environmental issues, but also in the economy, global and regional security and the development of strategic programs under cross-border cooperation.*

Keywords: ecology; environmental diplomacy; environment; international relations; climate; cooperation

For citation: Akhmadbaev, A.M. Partnership between Russia and China in the environmental sphere. *Russia in the Global World*. 2022; 23(46): 69–81. (In Russ.). DOI: 10.48612/rg/RGW.23.5

© Akhmadbaev, A.M., 2022. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Введение. Актуальность проблематики охраны окружающей среды на территории Российской Федерации и Китайской Народной Республики характеризуется тем, что оба государства являются важными торговыми партнерами. За последние годы сотрудничество между странами стремительно развивается во множестве сфер, и общий товарооборот достиг высоких показателей.

Важно отметить, что КНР и РФ имеют общие сухопутные и речные границы на Дальнем Востоке: озеро Ханка, реки Аргунь, Амур и Уссури расположены как на российской территории, так и на китайской. Общие водные территории и границы подталкивают государства не только на дальнейшую интеграцию экономик, но и на экологическое сотрудничество для охраны и рационального использования водных ресурсов. Для достижения экологической безопасности Россия и Китай стремятся участвовать во многих международных конференциях, а также вступать в различные организации и подписывать соглашения по защите окружающей среды; например, обе страны состоят в таких международных организациях как БРИКС, ООН, ШОС и АТЭС.

Исследование специфики экологического партнерства позволяет рассмотреть долгосрочные перспективы сотрудничества и определить общие национальные интересы для устойчивого развития российско-китайских отношений.

Материалы, результаты исследования и обсуждение. На международной арене возник термин «Экологическая дипломатия». Смысл термина заключается в том, чтобы описать деятельность субъектов международных отношений, которые заинтересованы в охране природы путем переговоров и мирных соглашений [1; 2].

В наше время Россия и Китай имеют огромное влияние на мир, и экологическая дипломатия представляется одним из ключевых инструментов во внешней и внутренней политике стран.

Обеспокоенность китайского правительства проблемами экологии связано с высокими темпами роста экономики, где использование нефти и угля является основным ресурсом для обеспечения энергией быстрорастущего китайского рынка. Данная проблема является одной из приоритетных, и государство старается найти как можно больше путей решения данного вопроса. Так, например, китайское правительство проводит комплекс мероприятий по просвещению жителей с правовыми и нормативными актами по защите окружающей среды, расширяет и улучшает экологическое образование, сообщает о необходимости разумного применения ресурсов и тщательной охраны природы. Все это направлено для того, чтобы повысить экологическую культуру всего китайского населения [3].

«Строительство экологической культуры – великодушное дело нашей эры, веющее добро следующим поколениям. Нам нужно надежно образовать социалистический путь к экологической культуре, стимулировать развитие свежей архитектоники модернизации, отличной гармоничным формированием человека и природы, и применять достойные нашего поколения стремления к защите экологии и окружающей среды» – подчеркнул Председатель КНР Си Цзиньпин в Пекине, 18 октября 2017 г., на XIX-м съезде КПК [4; 5].

Китай предпринял некоторые меры для усовершенствования экологической обстановки. К примеру, правительство КНР стремится к повышению доли использования неисчерпаемых источников энергии в экономике страны для уменьшения загрязнения окружающей среды. Немаловажным фактором является более тесное взаимодействие между правительством и населением по экологическим вопросам, как мы упомянули ранее. Данные меры позволяют Китаю создать новую систему по контролю реализации реформ и мероприятий по защите окружающей среды внутри страны и повышению её статуса в международных институтах.

Столь обширная стратегия Китая обусловлена не только экономическими, но и политическими соображениями. Для стабильной

политики ныне действующей власти, китайскому правительству необходимо вести экологическую дипломатию, направленную на предотвращение ухудшения окружающей среды. За последние годы на китайское руководство оказывается огромное давление со стороны многих государств и крупных организаций по поводу охраны природы и принятии экологических норм. Загрязнения, исходящие от Китая, настолько громадные, что наносят ущерб всему миру. Огромные объемы китайской промышленности и недостаточное внимание на окружающую природу в прошлом привели к негативному экологическому фону на территории страны [6]. Главными источниками загрязнения являются северные, северо-западные и восточные регионы, где расположены большинство китайских предприятий. Данные предприятия неблагоприятно влияют на атмосферу и гидросферу за счет выбросов парниковых газов и засорения местных водохранилищ. Все это оказывает довольно сильный вред на состояние здоровья китайского населения.

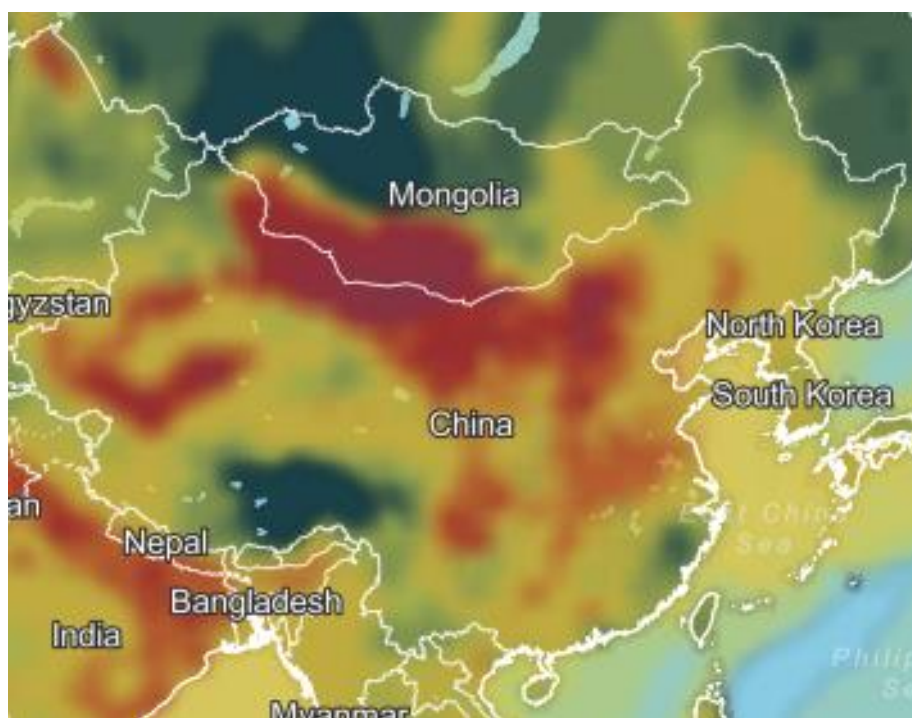

Рис.1. Индекс качества воздуха и загрязнение атмосферы PM2.5 в Китае [7].

В связи с этим, на сегодняшний день Китай создал нормативную систему, в основе которого «Закон КНР об охране окружающей среды» (1989 г.) (правовой акт, направленный на защиту природы Китая). Представленная система является неотъемлемой частью ныне действующей

Конституции КНР. Помимо вышеупомянутой системы, китайское руководство приняло огромное количество законопроектов, направленных на улучшение экологической обстановки в стране. Например, Закон «О предотвращении и ликвидации загрязнения вод» (1982 г.), Закон «Об охране окружающей среды морей и океанов» (1982 г.), Закон «О воде» (2002 г.) направлены на охрану морской среды; Закон «О предотвращении и ликвидации загрязнения атмосферы» (1987 г.) контролирует выбросы в воздух вредных веществ и парниковых газов; «Лесной кодекс» (1984 г.) принят для охраны и рационального использования лесных ресурсов; Закон «О предотвращении и ликвидации загрязнения окружающей среды твердыми отходами» (2004 г.) предотвращает импорт твердых отходов в страну; Закон «О степях» (1985 г.) регламентирует рациональное использование степей для животноводства; Закон «О землеустройстве» (1999 г.) устанавливает нормы для создания благоприятной среды; Закон «Об охране дикой фауны и флоры» (1987 г.) способствует сохранению редких и исчезающих видов флоры и фауны.

Помимо принятых законов в Конституции Китая есть ряд положений по вопросам экологии: Положения о предотвращении и ликвидации загрязнения шумами (контроль уровня шума в городских и промышленных районах), Положения о природных заповедниках (государственные заповедники находятся под строгой охраной, используются только в исследовательских и просветительских целях), Положения о контроле за опасными химическими веществами (меры контроля на производственных объектах, в которых хранятся опасные химические вещества), Положения об охране окружающей среды в районах разведки и добычи морской нефти (снижает негативное воздействие от строительства скважин, предусматривает охрану биоресурсов при добыче нефти), Положения о контроле за утилизацией отходов в морском бассейне (наблюдение за уровнем загрязнения в морях, омывающие КНР), Положения об озеленении городов (благоустройство и ландшафтная организация городских агломераций) [8; 9].

Принятый в 1989 г. Закон КНР «Об охране окружающей среды» становился все менее актуальным и эффективным с учетом темпа экономического роста Китая. Ввиду этого КНР решила провести реформы, которые были направлены на улучшение экологии и благополучия

населения. Новый закон был рассмотрен 24 апреля 2014 г. и в 1 января 2015 г. Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей (ПК ВСНП) принял его. Благодаря этим изменениям появились конкретные критерии оценивания труда в природоохранной сфере: учреждения должны более ответственно относиться к экологическим вопросам и за допущенные нарушения на предприятия-загрязнители могли налагаться штрафы – нарушители были обязаны выплатить штраф и полностью устранить причиненный ущерб. Властями были созданы общедоступные и понятные ресурсы по информированию состояния окружающей среды для населения [10].

Параллельно внутренним экологическим преобразованиям и деятельности для обеспечения сохранности природных ресурсов Китай старается принимать участие в международных конференциях по защите окружающей среды и подписывать соглашения с другими государствами. В частности, Рамочная конвенция ООН об изменении климата 1994 г. (соглашение для предотвращения опасных экологических изменений и решений их последствий); Венская конвенция об охране озонового слоя 1985 г. и Монреальский протокол 1987 г. по веществам, разрушающим озоновый слой (договоры, которые устанавливают обязанности государствам для обеспечения безопасности людям и окружающей среде при изменениях в озоновом слое); Базельской конвенции о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением 1989 г. направлена на решение вопросов негативного влияния при трансграничных перевозках и выбросах опасных веществ; Стокгольмская конвенция о стойких органических загрязнителях 2001 г., в которой стороны обязуются следить за производством и использованием СОЗ, впоследствии полностью избавиться от данных органических веществ; Конвенции о биологическом разнообразии 2007 г., (сохранение биологического разнообразия для устойчивого будущего); Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г. (всеобщие усилия для поддержки и охраны памятников культуры и природных территорий); Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (СИТЕС) 1973 г. (контроль при импорте, экспорте и при продаже определенных представителей животных и растений).

На сегодняшний день одним из важнейших партнеров для Китая по многим вопросам, включая вопросы по охране природы, считается Россия. На постоянной основе оба государства проводят межправительственные переговоры, которые позволяют усовершенствовать сотрудничество в политической, технологической, энергетической, экономической и экологической сферах.

Одним из главных направлений работы между Россией и Китаем является совместное развитие Сибири и Дальнего Востока, благодаря китайским инвестициям. Данные регионы представляют большой интерес для китайских инвесторов, так как крайне богаты природными ресурсами. В Сибири и на Дальнем Востоке находится значительное количество биоресурсов, исключительных и редких экосистем, а также четверть всех мировых запасов леса. Благодаря увеличению единой экономической деятельности, работа по заботе окружающей среды становится одним из актуальных вопросов в дипломатии обеих стран.

К сожалению, степень успешной реализации запланированных межгосударственных действий остается крайне низкой. Причиной является то, что во многих соглашениях, подписанных Россией и Китаем, не указаны ни конкретные обязательства сторон, ни комплекс законов, которые выполнялись бы для обеспечения охраны природы. Возникающее противоречие в культурных, экономических и политических вопросах на приграничной зоне – это, несомненно, препятствие для реализации правомерных и рациональных российско-китайских отношений [11].

Одним из главных документов, который регламентируют деятельность России по охране природы, является «Стратегия экологической безопасности РФ на период до 2025 г.». В данном документе описываются главные аспекты по экологической безопасности:

- сокращение чрезмерного применения природных ресурсов;
- уменьшение загрязнения атмосферы и биосферы от вредных веществ, поступающих с территории других государств;
- тщательная проверка организации на уровень выбросов, которые могут причинить вред экологии.

Важно отметить, что действия, направленные на предотвращение негативных экологических факторов, могут затронуть национальную безопасность страны [12].

Стоит выделить и другой значимый документ, который характеризует нынешнюю российскую экологическую политику: «Основы государственной экологической политики Российской Федерации до 2030 г.». Данный документ описывает государственную политику в экологической сфере: рост экономики, благодаря выполнению социально-значимых экологических задач, охрана природы от загрязнения, биологическое разнообразие и поддержание достаточного количества ресурсов для нынешнего и будущего поколения, создание достойной экологической безопасности на территории страны [13].

Началом экологических связей между двумя государствами стало Постановление Правительства Российской Федерации от 10.08.1993 N 768 «О проектах межправительственных российско-китайских соглашений по вопросам сотрудничества в области охраны окружающей среды» и ныне действующие документы: «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области охраны окружающей страны» от 27.05.1994 (мониторинг и обеспечение безопасности экологии на территории двух стран) и «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о заповеднике «Озеро Ханка» от 25.04.1996 (создание благоприятной приграничной территории для флоры и фауны, проведение научных исследований) [14].

Стоит также упомянуть и «Программу сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-востока Китайской Народной Республики (2009–2018 гг.)». В программе сотрудничества описано, что странам необходимо совместными усилиями заняться обустройством пунктов пропуска, строительством и реконструкцией приграничной инфраструктуры, важно развивать сотрудничество в транспортной, туристической и культурной сферах, создать взаимовыгодные условия для партнерства в области охраны природы [15].

Экологическое сотрудничество России и Китая несет многообещающий характер, несмотря на упомянутые ранее противоречия и проблемы. В ходе многочисленных обсуждений и встреч на разных уровнях страны выделили основные направления для плодотворного сотрудничества:

- уменьшить загрязнение атмосферы;
- увеличить взаимные программы по охране природы;
- регулировать и обеспечить безопасность биосферы, лесов и почвы;
- тщательно наблюдать за состоянием окружающей среды;
- расширить особо охраняемые территории, в приграничных и заповедных зонах;
- осуществить охрану за крайне редкими животными и растениями, которые находятся на грани исчезновения;
- контролировать экологическое состояние в городских и промышленных районах [16].

Дополнительными каналами коммуникаций при осуществлении утвержденных совместных мероприятий станут научно-исследовательские работы со стороны ученого сообщества.

Заключение. Таким образом, рассматривая отношение России и Китая к экологии, можно констатировать, что оба государства проводят экологическую политику не только внутри своей собственной страны, но и стремятся к сотрудничеству на международном уровне. Руководство обеих стран понимают важность влияния экологических факторов, которые воздействуют на экономические, политические, туристические и другие сферы жизни. Страны участвуют во многих международных конференциях и подписывают соглашения по защите окружающей среды. На сегодняшний день, РФ и КНР прикладывают всевозможные усилия для совместной охраны природы и делятся опытом для достижения экологической стабильности не только на территории двух государств, но и во всем мире.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гуаньцзюнь Ван. Экологическая дипломатия Китая: история развития и современные проблемы // Известия РГПУ им. А. И. Герцена, 2011. № 131. С. 334–341. URL: https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/131/vang_guanjun_131_334_341.pdf (дата обращения: 18.03.2022).

2. Jerry McBeath and Bo Wang. China's Environmental Diplomacy American Journal of Chinese Studies Vol. 15, No. 1 (APRIL 2008), pp. 1–16.
3. Букреева, Т.Н., Глушкова Г.П. Основные этапы развития современного экологического образования в Китае / Известия Юго-Западного государственного университета № 5 (44) 2012, часть 2. Курск. С.167–170. URL: [https://swsu.ru/izvestiya/journal/5\(44\)2012_2.pdf](https://swsu.ru/izvestiya/journal/5(44)2012_2.pdf) (дата обращения: 20.03.2022).
4. Си Цзиньпин: нужно ускорить реформу системы экологической цивилизации, построить "прекрасный Китай" // 19-й Всекитайский съезд КПК. URL: http://russian.news.cn/2017-10/18/c_136689490.htm (дата обращения 20.03.2022).
5. Chinese President Xi Jinping Sent a Congratulatory Letter. Work Together to Build a Good Home for the Good ecology of the Earth // People.cn. URL: <http://politics.people.com.cn/n/2013/0721/c1024-22265318.html> (дата обращения 20.03.2022).
6. Китай намерен к 2020 году стать экологичной страной // ТАСС. 10.03.17. URL: <http://tass.ru/plus-one/4085171> (дата обращения: 21.03.2022).
7. IQAir. Air quality in China. URL: <https://www.iqair.com/ru/china> (дата обращения: 08.06.2022).
8. Охрана окружающей среды в Китае (Белая книга) // China.org.cn <http://russian.china.org.cn/russian/32923.htm> (дата обращения 25.03.2022).
9. White Paper on Environmental Protection Published // China.org.cn. URL: <http://www.china.org.cn/english/2006/Jun/170355.htm> (дата обращения 25.03.2022).
10. Бажанов П. Изменения в законе КНР «Об охране окружающей среды» // Блог о законодательстве КНР URL: https://cnlegal.ru/uncategorized/china_environment_protection_law_amended/ (дата обращения 27.03.2022).
11. Кондратенко Г. В. Проблемы и возможности трансграничного сотрудничества Китая и России в сфере экологии // Известия Восточного института. 2017. № 34. С. 40—58 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-vozmozhnosti-transgranichnogo-sotrudnichestva-kitaya-i-rossii-v-sfere-ekologii> (дата обращения 29.03.2022).
12. Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] / Консорциум Кодекс: электронный фонд правовой и нормативно-технической документации URL: <http://docs.cntd.ru/document/420396664> (дата обращения 01.04.2022).
13. Основы государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 года [Электронный ресурс] / Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902369004> (дата обращения 01.04.2022).
14. Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Китайской Народной Республики о заповеднике «Озеро Ханка» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901752511> (дата обращения 01.04.2022).
15. Изотов Д.А. Программа регионального сотрудничества между Востоком России и Северо-Востоком Китая: настоящее и будущее // Пространственная экономика. 2014. № 2 С. 149-176. URL: http://spatial-economics.com/eng/images/spatial-economics/2_2014/SE.2014.2.149-176.Izotov.pdf (дата обращения 03.04.2022).
16. О проектах межправительственных российско-китайских соглашений по вопросам сотрудничества в области охраны окружающей среды: постановление Правительства РФ от 10.08.1993 № 768. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL:

http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102025531&page=1&rdk=0&intelsearch=%CE+%CF%C5%D0%D1%CE%CD%C0%CB%DC%CD%DB%D5+%C4%C0%CD%CD%D5++&link_id=4#И0 (дата обращения 05.04.2022).

REFERENCES

1. Guantszyun Van. *Ekologicheskaya diplomatiya Kitaya: istoriya razvitiya i sovremennyye problemy* // *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena*, 2011. № 131. S. 334–341. URL: https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/131/vang_guanjun_131_334_341.pdf (data obrashcheniya: 18.03.2022).
2. Jerry McBeath and Bo Wang. *China's Environmental Diplomacy* *American Journal of Chinese Studies* Vol. 15, No. 1 (APRIL 2008), pp. 1-16
3. Bukreyeva, T.N., Glushkova G.P. *Osnovnyye etapy razvitiya sovremennogo ekologicheskogo obrazovaniya v Kitaye* / *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta* № 5 (44) 2012, chast 2. Kursk. S. 167–170. URL: [https://swsu.ru/izvestiya/journal/5\(44\)2012_2.pdf](https://swsu.ru/izvestiya/journal/5(44)2012_2.pdf) (data obrashcheniya: 20.03.2022).
4. Si Tszinpin: *nuzhno uskorit reformu sistemy ekologicheskoy tsivilizatsii, postroit "prekrasnyy Kitay"* // 19-y Vsekitayskiy syezd KPK. URL: http://russian.news.cn/2017-10/18/c_136689490.htm (data obrashcheniya 20.03.2022).
5. *Chinese President Xi Jinping Sent a Congratulatory Letter. Work Together to Build a Good Home for the Good ecology of the Earth* // *People.cn*. URL: <http://politics.people.com.cn/n/2013/0721/c1024-22265318.html> (data obrashcheniya 20.03.2022).
6. *Kitay nameren k 2020 godu stat ekologichnoy stranoy* // TASS. 10.03.17. URL: <http://tass.ru/plus-one/4085171> (data obrashcheniya: 21.03.2022)
7. IQAir. *Air quality in China*. URL: <https://www.iqair.com/ru/china> (data obrashcheniya: 08.06.2022).
8. *Okhrana okruzhayushchey sredy v Kitaye (Belaya kniga)* // *China.org.cn* <http://russian.china.org.cn/russian/32923.htm> (data obrashcheniya 25.03.2022).
9. *White Paper on Environmental Protection Published* // *China.org.cn*. URL: <http://www.china.org.cn/english/2006/Jun/170355.htm> (data obrashcheniya 25.03.2022).
10. *Bazhanov P. Izmeneniya v zakone KNR «Ob okhrane okruzhayushchey sredy»* // *Blog o zakonodatelstve KNR* URL: https://cnlegal.ru/uncategorized/china_environment_protection_law_amended/ (data obrashcheniya 27.03.2022).
11. *Kondratenko G. V. Problemy i vozmozhnosti transgranichnogo sotrudnichestva Kitaya i Rossii v sfere ekologii* // *Izvestiya Vostochnogo instituta*. 2017. № 34. S. 40—58 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-vozmozhnosti-transgranichnogo-sotrudnichestva-kitaya-i-rossii-v-sfere-ekologii> (data obrashcheniya 29.03.2022).
12. *Strategiya ekologicheskoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda [Elektronnyy resurs]* / *Konsortsium Kodeks: elektronnyy fond pravovoy i normativno-tekhnicheskoy dokumentatsii* URL: <http://docs.cntd.ru/document/420396664> (data obrashcheniya 01.04.2022).
13. *Osnovy gosudarstvennoy politiki v oblasti ekologicheskogo razvitiya Rossii na period do 2030 goda [Elektronnyy resurs]* / *Zakony, kodeksy i normativno-pravovyye akty Rossiyskoy Federatsii*. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902369004> (data obrashcheniya 01.04.2022).
14. *Soglasheniye mezhdru pravitelstvom Rossiyskoy Federatsii i pravitelstvom Kitayskoy Narodnoy Respubliki o zapovednike «Ozero Khanka»* // *Elektronnyy fond pravovykh i*

normativno-tekhnicheskikh dokumentov. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901752511> (data obrashcheniya 01.04.2022).

15. Izotov D.A. Programma regionalnogo sotrudnichestva mezhdru Vostokom Rossii i Severo-Vostokom Kitaya: nastoyashcheye i budushcheye // Prostranstvennaya ekonomika. 2014. № 2 S. 149-176. URL: http://spatial-economics.com/eng/images/spatial-economics/2_2014/SE.2014.2.149-176.Izotov.pdf (data obrashcheniya 03.04.2022).

16. О проектах межправительственных российско-китайских соглашений по вопросам сотрудничества в области охраны окружающей среды: постановление Правительства РФ от 10.08.1993 № 768. // Ofitsialnyy internet-portal pravovoy informatsii. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102025531&page=1&rdk=0&intelsearch=%CE+%CF%C5%D0%D1%CE%CD%C0%CB%DC%CD%DB%D5+%C4%C0%CD%CD%D5++&link_id=4#I0 (data obrashcheniya 05.04.22)

Сведения об авторах / Information about authors

Ахмадбаев Альберт Мамаджанович – магистрант Высшей школы международных отношений Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

E-mail: albertakhmadbaev@gmail.com; ORCID: 0000-0002-9507-6416

Akhmadbaev Albert M. – Higher school of international relations. Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University.

E-mail: albertakhmadbaev@gmail.com; ORCID: 0000-0002-9507-6416

*Статья поступила в редакцию 30.04.2022. Одобрена после рецензирования 07.06.2022. Принята 10.06.2022.
Received 30.04.2022. Approved after reviewing 07.06.2022. Accepted 10.06.2022.*

Научная статья
УДК: 327.7
DOI: 10.48612/rg/RGW.23.6

Сотрудничество Китая и стран АСЕАН в сфере образования (2000–2020)

Кондрацкая Наталья Вячеславовна ✉
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
✉ Natashok234@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8789-9802>

***Аннотация.** На современном этапе развития АСЕАН представлен странами с быстро развивающимися экономиками, которые обладают большими человеческими ресурсами и культурным потенциалом, древней и богатой историей, которая имеет тесные связи с Китаем. Страны Азиатско-Тихоокеанского региона являются объектами геополитического и экономического внимания со стороны США, Китая, Японии, Индии, Австралии. В последнее время Китай динамично развивает сотрудничество со странами АСЕАН и регионом Юго-Восточной Азии по многим направлениям, в том числе активно развивается область образования, поэтому данная сфера представляет собой особый интерес для исследования. В рамках обозначенной проблемы в статье будет рассмотрена история сотрудничества между Китайской Народной Республикой и странами АСЕАН, а также их совместная деятельность в сфере образования на современном этапе. Данное исследование проведено на основе различных статистических материалов, текстов выступлений официальных представителей стран, привлечения исторических материалов. В ходе исследования были изучены проведенные мероприятия между КНР и АСЕАН в рамках совместного развития сферы образования, рассмотрена роль китайской диаспоры в улучшении отношений между регионами, а также установлена тенденция к дальнейшему развитию отношений в сфере образования между КНР и странами АСЕАН в связи увеличения спроса на образование на китайском языке в Юго-Восточной Азии. Предполагается, что в будущем это приведет к укреплению сотрудничества между китайскими и региональными учебными заведениями. Выявлено стремление со стороны стран АСЕАН и КНР к увеличению количества студенческих обменов между государствами. Практическая значимость работы обусловлена возможностью использования сформулированных предложений для дальнейшего изучения возможностей образовательного сотрудничества между странами АСЕАН и Китаем.*

Ключевые слова: обучение; иностранные студенты; мягкая сила; развитие отношений; студенческие обмены

Для цитирования: Кондрацкая Н.В. Сотрудничество Китая и стран АСЕАН в сфере образования (2000–2020) // Россия в глобальном мире 2022. № 23(46). С. 82–95. DOI: 10.48612/rg/RGW.23.6

© Кондрацкая Н.В., 2022. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Original article
DOI: 10.48612/rg/RGW.23.6

Cooperation between China and ASEAN countries in the field of education (2000–2020)

Natalya V. Kondratskaya ✉

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia

✉ Natashok234@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8789-9802>

Abstract. *At the present stage of development, ASEAN countries are countries with rapidly developing economies, the countries have great human resources and cultural potential, as well as an ancient and rich history, which has close ties with China. The countries of the Asia-Pacific region are the objects of geopolitical and economic attention from the United States, China, Japan, India, and Australia. The environmental issues have become one of the main issues on the agenda, since after several qualitative civilization leaps in the history of mankind; the world community has faced problems in protecting the environment and realized the role of minimizing human impact on nature. Recently, China has been developing dynamically the cooperation with the ASEAN countries and the Southeast Asian region in many areas, including the actively developing field of education, and therefore this area is of particular interest for research. Within the framework of this problem, the article considered the history of the cooperation between the People's Republic of China and the ASEAN countries, as well as the collaboration between the regions in the field of education at the present stage. This study was conducted on the basis of various statistical materials, the texts of the speeches given by the state's official representatives, the historical materials focused on the relationship between regions, as well as on the basis of articles and references to Internet sources' analysis. The study examined the activities carried out between the PRC and ASEAN in the framework of the collaborative development in the education sector, considered the role of the Chinese diaspora in improving relations between the regions, and established a trend towards further development of relations in the field of education between the PRC and ASEAN countries due to the increase in demand for education in Chinese in Southeast Asia, revealed the cooperation between Chinese and the regional educational institutions. In addition, the desire on the part of the ASEAN countries and the PRC to increase the number of student exchanges between states was revealed. The practical significance of the work is due to the possibility of using the formulated theses for further study of the possibilities of educational cooperation between the ASEAN countries and China.*

Keywords: education; international students; soft power; relationship development; students exchange

For citation: Kondratskaya, N.V. Cooperation between China and ASEAN countries in the field of education (2000–2020). *Russia in the Global World*. 2022; 23(46): 82–95. (In Russ.). DOI: 10.48612/rg/RGW.23.6

© Kondratskaya, N.V., 2022. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Введение. Актуальность проблематики изучения сферы образования в Китае характеризуется тем, что в последние десятилетия Китай

демонстрирует быстрые темпы развития и активно укрепляет свое положение на международной арене. Китайские руководители позиционируют текущую политику страны как форму «мягкой силы». Поскольку образование является одним из важнейших гуманитарных аспектов китайской «мягкой силы», а его глобализация в современном мире является залогом успеха, то для любого государства привлечение иностранных студентов с целью получения высшего образования выгодно не только для развития внешних экономических связей и мирового имиджа, но и для повышения привлекательности образования внутри страны, включая плодотворный обмен идеями, объединение научных усилий, расширение кругозора большого количества людей. Поэтому в фокусе нашего исследования находится вопрос улучшения сотрудничества в области образования Китая с различными государствами, в том числе между Китаем и странами АСЕАН.

Китайская Народная Республика и Юго-Восточная Азия являются партнерами во многих сферах жизни: экономика, торговля, культурные аспекты, в том числе и сфера образования. За последние 25 лет совместными усилиями обеих сторон отношения между АСЕАН и Китаем значительно улучшились. Стороны углубили свое политическое взаимное доверие, все больше развиваются тесные экономические и торговые связи, достигнут заметный результат в межличностных и культурных обменах. Например, в студенческих обменах между двумя сторонами за этот период поучаствовало более 190 000 студентов.

Результаты исследования и их обсуждение. Образование является одним из наиболее важных гуманитарных аспектов политики «мягкой силы» Китая. В Китае идею Дж. Ная – основоположника данного термина, взяли за основу и продолжили разработку собственной теории «мягкой силы». Так, например, в работе китайского исследователя Пан Чжуньина подробно рассматривается специфика «китайской мягкой силы», автор выделяет несколько ключевых направлений, по которым Китай планирует стремительно развиваться, в частности выделяется сфера образования, а точнее импорт и экспорт образования [1]. Специалист по китайской культуре и литературе Ву Инхуэй также говорит о том, что тесные культурные и экономические связи между Китаем и Юго-Восточной Азией еще больше повышают интерес к изучению китайского языка в странах

АСЕАН [2]. Данная тема набирает популярность в том числе и среди российских исследователей. Например, доктор политических наук А.С. Королев в своей работе «Помощь Китая Юго-Восточной Азии: основные направления и особенности» (2017 г.) рассматривает основные направления помощи Китая странам АСЕАН, включая сферу образования [3]. Образовательный аспект играет важную роль в понимании особенностей политики и стратегии КНР в АТР. Привлечение большего количества иностранных студентов из Юго-Восточной Азии не только дает студентам разных стран возможность получения качественного обучения, но также позволяет стать частью нового укрепляющегося сотрудничества между Китаем и Юго-Восточной Азией.

На современном этапе развития страны АСЕАН являются странами с быстро развивающимися экономиками, обладают большими человеческими ресурсами, гуманитарным и культурным потенциалом, а также древней и богатой историей, которая имеет тесные связи в том числе и с Китаем. Страны Азиатско-Тихоокеанского региона являются объектами геополитического и экономического внимания со стороны таких стран, как США, Китай, Япония, Индия, Австралия. Они ведут борьбу за умы и деньги абитуриентов Юго-Восточной Азии. Студенты из Юго-Восточной Азии часто едут получать образование в Россию и в Европу, но, тем не менее, лидерами на рынке образовательных услуг являются Соединенные Штаты Америки и Китайская Народная Республика.

Генеральный секретарь Центра АСЕАН-Китай Ян Сюпин заявил на публичной лекции в Нанкинском педагогическом университете, что Китай хотел бы улучшить сотрудничество в области образования и культуры со странами АСЕАН [1].

Как сообщает одно из крупнейших информационных агентств Индонезии Antara, в 2019 г. в Китае училось 68 тысяч студентов из стран Юго-Восточной Азии. «Мы хотим видеть больше студентов по обмену из стран АСЕАН в Китае», – подчеркнул Ян [2]. Международная стратегия Китая в 2020 году получила дальнейшее развитие и была направлена на то, чтобы сделать Китай центром обучения не только Юго-Восточной Азии, но и глобального уровня в целом.

На данный момент между Китайской Народной Республикой и 10 странами АСЕАН действуют соглашения о сотрудничестве в сфере образования, при этом с такими странами как Филиппины, Малайзия, Вьетнам, Таиланд и Индонезия подписаны также соглашения об обоюдном признании научных степеней. Каждый год увеличивается количество студентов, приезжающих по обмену. Число студентов, приезжающих обучаться в университеты Китайской Народной Республики из Юго-Восточной Азии, ежегодно возрастает на 10 % [3]. К 2020 г. руководство КНР планировало увеличить общее число получивших в стране образование студентов из Юго-Восточной Азии до 100 тыс. человек. Наибольшее количество студентов из Юго-Восточной Азии, получающих высшее образование в Китае, являются гражданами Таиланда. Также в число лидеров по количеству студентов, которые едут обучаться в Китайскую Народную Республику входят такие страны, как Южная Корея и Соединенные Штаты Америки. Далее следуют Россия, Япония и Индонезия.

В свою очередь, основными странами, которые китайские студенты выбирают для получения высшего образования, являются Сингапур и Таиланд. За ними следуют Малайзия, Вьетнам и Филиппины, на шестом месте располагается Индонезия [5]. Индонезия, наряду с Китаем – две большие страны в Азии со схожими национальными интересами и целями в партнерстве, которые заключаются в мире, процветании, а также партнерстве в рамках таких организаций, как G20, АТЭС, 10+1 и 10+3, в которых Индонезия принимает активное участие. Индонезия активно способствует обмену студентами и сотрудничеству в сфере образования [4].

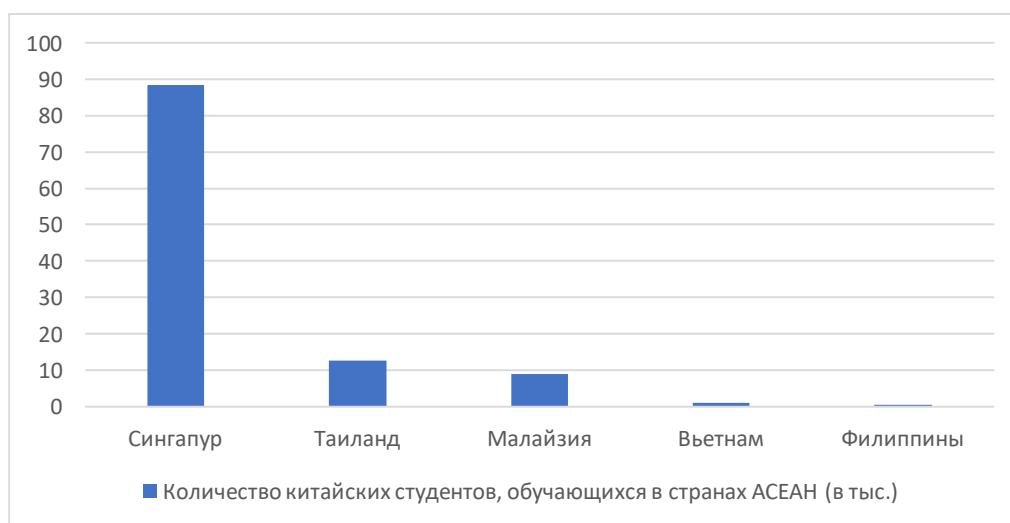

Рис. 1. Количество китайских студентов, обучающихся в странах АСЕАН

Тем не менее, Индонезия не является излюбленной страной для получения образования китайскими студентами, потому что в Индонезии еще не предложено высококвалифицированных стандартов академических программ [5]. На самом деле, у сотрудничества между Китаем и Индонезией в сфере образования есть большой потенциал, а интерес китайских студентов к учебе в Индонезии достаточно велик. Однако, из-за отсутствия квалификации академических учебных программ и высших учебных заведений, признанных китайским правительством, сотрудничество между странами пока не находится на соответствующем уровне.

Исходя из представленных данных можно сделать вывод, что сотрудничество между странами будет активно развиваться и далее, несмотря на некоторые моменты из истории взаимоотношений Китая и некоторых стран Юго-Восточной Азии, которые ранее породили недоверие и предубеждение с обеих сторон.

Отдельно стоит упомянуть о важной роли китайской диаспоры в укреплении отношений между Китайской Народной Республикой и странами Юго-Восточной Азии. В регионе Юго-Восточной Азии на данный момент проживает примерно 75% мировой китайской диаспоры. Процент хуацяо, так называют этнических китайцев, проживающих за пределами КНР, составляет 76% населения Сингапура, 25% населения Малайзии, 14% – Таиланда, 11,2% – Брунея, 3% – Индонезии, 3% – Лаоса, 3% – Мьянмы, 1,5% – Филиппин, 1,1% – Вьетнама, 1% – Камбоджи [6].

Рассматривая историю миграции китайцев в страны Юго-Восточной Азии, стоит сказать, что первые китайцы появились на этой территории в X–XIII веках. Главными причинами начала миграции можно назвать географическую близость региона и желание вести торговлю на территории Юго-Восточной Азии, так как данный регион всегда был привлекателен для торговцев, в том числе и китайских.

XIX век был эпохой широкомасштабной международной миграции. Перемещение населения и капитала из развитых стран в развивающиеся было необходимым условием развития международной экономики. В поисках доступа к новым источникам природных ресурсов под колониальной эгидой осваивались новые территории в Юго-Восточной Азии. На фоне всего этого выросла китайская трудовая миграция,

поскольку Китай активно отправлял своих крестьян на мировой рынок труда, что также послужило причиной миграции большого количества китайцев в регион Юго-Восточной Азии.

К началу Второй мировой войны от 8,5 до 9 миллионов китайцев жили за пределами Китая, подавляющее большинство в Юго-Восточной Азии. По оценкам, в 1980 г. за пределами страны проживало уже 21,8 миллионов китайцев, а к 1990 г. их количество выросло до 30,7 миллионов [8].

Процесс ассимиляции не всегда проходил гладко, и Китайская диаспора в Юго-Восточной Азии сталкивалась с различными трудностями. Рассмотрим Индонезию в качестве примера. В Индонезии антикитайские настроения формировались по следующим причинам: во-первых, Индонезия – мусульманская страна, китайцы же не являлись приверженцами данной религии; во-вторых – китайцы установили господство на рынке страны, в то время как индонезийцы практически не были задействованы в экономике.

Как результат, в Индонезии во время правления президента Сухарто (1968–1998) и его режима «нового порядка» развернулась широкая антикитайская кампания, которая также коснулась и образовательной сферы. Был принят курс на принудительную ассимиляцию китайцев: китайские имена заменялись на индонезийские, принимались меры по ограничению изучения и использования китайского языка среди китайских общин. В 1966 г. были закрыты китайские школы в большинстве районов страны, таким образом, китайские дети на протяжении нескольких лет не имели возможности получать начальное образование.

В индонезийских школах, в которых китайским детям рекомендовалось продолжать обучение, места преимущественно отдавали детям индонезийской части населения, также был введен лимит на прием китайцев в государственные ВУЗы Индонезии. Строго запрещались вывески на магазинах на китайском языке или же содержащие китайскую символику, китайские магазины часто подвергались погромам или вовсе закрывались, под строжайшим запретом находился ввоз китайской литературы на территорию Индонезии и телевидение на китайском языке. Китайцам также запретили доступ на службу в учреждениях государственного аппарата и армии. Ограничения коснулись еще и культурной сферы: было запрещено традиционные китайские

празднования на территории Индонезии, религиозные и традиционные праздники разрешено было отмечать строго в кругу семьи.

В конце 1990-х годов особенно остро формировались антикитайские настроения на почве религии. В 1998 г. на территории Западной Явы было разгромлено большое количество китайских храмов [9].

Похожая ситуация наблюдалась и в Малайзии после обретения страной независимости в 1957 г. Низкую степень ассимиляции этнических китайцев можно напрямую связать с политикой, которая проводилась местным правительством в их отношении: правительство предпринимало активные действия по формированию малайской идентичности, пытаясь вычеркнуть оттуда китайское население страны, что привело к формированию «закрытого» китайского сообщества. Обособленность китайской диаспоры в Малайзии от основной части общества также как в Индонезии обусловлена еще и религиозными вопросами, так как большинство населения Малайзии исповедует ислам. Это являлось препятствием при заключении межэтнических браков, а также снижало возможности для ассимиляции китайцев в малайском обществе.

Период с 1930-х по конец 1970-х годов был периодом чрезвычайно ограниченной миграции из Китая, так как правительством Коммунистической Партии Китая был наложен запрет на зарубежную миграцию. После длительного периода покоя китайская миграция снова возобновилась в конце 1970-х годов с приходом к власти Дэна Сяопина и началом реформ открытости. Китайские мигранты перестали расцениваться как предатели и стали рассматриваться как владельцы огромного капитала и опыта предпринимательской деятельности. Стоит отметить, что в настоящее время китайская диаспора в странах Юго-Восточной Азии играет крайне важную роль как в сфере экономики, так и в сфере политики и культуры.

Например, некоторые отрасли экономики стран АСЕАН почти полностью находятся под контролем китайской диаспоры. Так, в Таиланде на ее долю приходится 90% инвестиций в сфере торговли и столько же в промышленности [10]. Помимо развития экономики миграция китайского населения в страны Юго-Восточной Азии также является важным фактором в улучшении сотрудничества между КНР и ЮВА в сфере образования.

В качестве примера можно рассмотреть начальное образование в странах Юго-Восточной Азии. Изучение китайского языка уже входит в школьную программу в Малайзии и Сингапуре, что как раз связано с большим количеством этнических китайцев, проживающих на территории этих стран и их важной ролью во многих ключевых сферах экономики. Также в первом десятилетии XXI в. Китай стал добиваться введения в начальных школах программ обучения на китайском языке в Таиланде. На данный момент в частных школах и в китайских школах Таиланда китайский язык является обязательным, во всех остальных средних и старших школах он остается курсом по выбору [11]. В Индонезии набирает популярность преподавание китайского в частных школах [12].

Китайские эмигранты, проживающие за рубежом, также вкладывают свои средства в развитие университетов на территории КНР, зарубежные китайцы возвращаются на родину для преподавания в ВУЗах, чтения лекций, обмена опытом. Так, например, Сямэньский университет, который входит в 20 лучших университетов Китая, был основан китайским мигрантом Чэнь Цзягэном в 1921 г. В 2016 г. в Куала-Лумпуре был открыт первый кампус китайского вуза на территории Юго-Восточной Азии, им как раз и являлся Сямэньский университет.

Хуацяо активно поддерживают заинтересованность китайской молодежи в обучении за границей, таким образом с каждым годом увеличивая количество выезжающих для обучения за границу китайцев. Политика Пекина зиждется на лозунге: «Поддерживай образование за рубежом, поощряй возвращение, гарантируй свободу международного перемещения». Это связано с тем, что КНР заинтересована в возвращении талантливых и хорошо образованных специалистов обратно на родину с целью осуществления инноваций и предпринимательства.

Помимо китайской диаспоры, играющей важную роль в улучшении сотрудничества в сфере образования между КНР и Юго-Восточной Азией, совместные усилия Китая и АСЕАН в области образования, направленные на достижение плодотворных результатов в данной сфере, осуществляются посредством следующих мероприятий.

1. Неделя сотрудничества АСЕАН и Китая в области образования. Организаторами выступают министерство иностранных дел Китая, министерство образования, а также Народное правительство провинции

Гуйчжоу. Неделя сотрудничества АСЕАН–Китай в сфере образования стартовала в 2008 году. В рамках «Недели образовательного обмена» проводились различные мероприятия, такие как форум ректоров университетов, семинар руководителей образования и летний молодежный лагерь. Было подписано более 130 межвузовских соглашений о сотрудничестве [13].

2. Год образовательного обмена между АСЕАН и Китаем. 2016 г. стал годом образовательного обмена между странами АСЕАН и Китаем. В рамках программы было организовано более 200 мероприятий, благодаря которым в дальнейшем было расширено взаимодействие между АСЕАН и Китаем в сфере образования, а также углублена межнациональная коммуникация и налажен культурный обмен. Например, 17–18 декабря 2016 года Центр АСЕАН–Китай (АСС) провел День культурного обмена АСЕАН–Китай и Новогодний гала-концерт для студентов в Тяньцзиньском университете. В мероприятии, которое было организовано Тяньцзиньским университетом и Пекинским университетом языка и культуры приняли участие глава Тяньцзиньского университета, директор отдела образования культуры и туризма Центра Китай–АСЕАН, советник-посланник посольства Мьянмы, и другие сотрудники посольств всех государств-членов АСЕАН в Пекине, а также представители Министерства образования Китая, муниципальных и провинциальных отделов образования и университетов Пекина, Тяньцзиня и Хэбэя. В мероприятии также принимали участие 500 студентов стран АСЕАН и Китая из региона Пекин–Тяньцзинь–Хэбэй [14].

3. Программа обмена студентами Китай–АСЕАН. В 2010 году состоялся первый Круглый стол министров образования Китая и АСЕАН в рамках третьей недели сотрудничества в области образования между Китаем и АСЕАН в Гуйяне, столице провинции Гуйчжоу [15]. Член Госсовета Китая Лю Яньдун предложила Китаю и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии своевременно изучить возможность интеграции образования, чтобы обеспечить приток квалифицированных кадров для развития зоны свободной торговли Китай–АСЕАН. В рамках данных обсуждений было заявлено о том, что обе стороны реализуют «Двойной план 100 000», согласно которому планировалось довести количество студентов из Китая в странах АСЕАН и студентов из стран АСЕАН в

Китае до 100 000 соответственно к 2020 г. С 2010 г. по 2015 г. количество студентов из десяти стран АСЕАН, обучающихся в Китае увеличилось с 49 580 до 71 101, что представляет собой среднегодовой рост 7,5% [4].

4. Механизм образования и обучения АСЕАН–Китай. С 2009 г. Китай направил в страны АСЕАН в общей сложности более 1198 учителей китайского языка и 15319 добровольцев, а также предоставил стипендии Института Конфуция 6210 обучающимся. К концу 2015г. Китай открыл 31 класс Конфуция в странах АСЕАН. К 2018г. их количество выросло до 38: 16 в Таиланде, 7 в Индонезии, 4 в Малайзии, 4 на Филиппинах, 2 в Камбодже, а также во Вьетнаме и Сингапуре расположено по 1 институту Конфуция [16].

За последние 20 лет Китай и АСЕАН осуществляли культурные обмены и сотрудничество на различных уровнях, включая встречи на уровне министров, форумы, семинары, культурные и образовательные обмены, фестивали искусств и выставки. Данное сотрудничество заметно улучшило отношения между странами взаимопонимание и понимание культуры друг друга.

Заключение. Учитывая вышеизложенное, было определено, что Китай на данный момент усиленно развивает отношения в сфере образования со странами АСЕАН посредством проведения различных совместных мероприятий, открытия кампусов университетов на территории стран АСЕАН, распространением китайской культуры и созданием институтов Конфуция в государствах АСЕАН, а также планирует и дальше улучшать сотрудничество в области образования и культуры с регионом Юго-Восточной Азии. Как отмечают китайские политики – иностранные студенты из стран Юго-Восточной Азии – это мост и будущее отношений между странами АСЕАН и Китаем. Также ожидается, что в связи с ростом спроса на образование на китайском языке в Юго-Восточной Азии сотрудничество между китайскими и региональными учебными заведениями будет укрепляться. Таким образом, данное исследование может служить основой для более глубокого изучения сотрудничества между странами АСЕАН и КНР, поскольку современное состояние данной проблематики требует пристального научного изучения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Pang Z. On China's Soft Power. [Electronic resource]. URL: http://www.siis.org.cn/Sh_Yj_Cms/Mgz/200601/2008724225610L5PS.pdf (date of treatment: 13.05.2022).
2. Yang H. Southeast Asia takes the lead in Chinese-language education [Electronic resource]. URL: http://www.chinadaily.com.cn/global/2019-09/05/content_37507976.htm (date of treatment: 13.05.2022)/
3. Королев А. С. Помощь Китая Юго-Восточной Азии: основные направления и особенности // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2017. № 37. С. 45-61.
4. Муратшина К. Г., Иванова А. Е. Сотрудничество Китая со странами ЮВА в сфере образования как проявление политики «Мягкой силы» и средство решения ключевых внешнеполитических задач // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2017. №35. С. 58-69.
5. Walker. A. China Seeks More Students from ASEAN Countries. [Electronic resource]. URL: <https://www.studyinchina.com.my/web/page/china-seeks-students-from-asean/> (date of treatment: 10.04.2022).
6. Yang. H. Study of Chinese Language Soars in Southeast Asia. [Electronic resource]. URL: http://www.chinadaily.com.cn/global/2019-09/05/content_37507976.htm (date of treatment: 10.04.2022).
7. Maulana A. The education relationship development between China and Indonesia as ASEAN member // Edulite: Journal of English Education, Literature and Culture. 2018. Vol.1. P. 13-24.
8. Jafar. M. Sidik. Indonesia has not become favorite destination for chinese students. [Electronic resource]. URL: <https://en.antaranews.com/news/90954/indonesia-has-not-become-favorite-destination-for-chinese-students> (date of treatment:12.04.2022).
9. Suryadinata. L. Peranakan Chinese in a Globalizing Southeast Asia. Singapore, 2010. – 192 p.
10. Бокщанин А. А. Китай во второй половине XIV-XV вв. (Империя Мин). // История Востока. Т. II, М., 1995. С. 528-546.
11. Pan L. The encyclopedia of the Chinese overseas. Cambridge: Harvard University Press, 1999. 399 p.
12. Петрова О.Л. Положение китайского меньшинства в Индонезии в свете индонезийско-китайских отношений. // Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития. 2017. №35. С. 131-146.
13. De Pablos P.O., M.D. Lytras. The China Information Technology Handbook New York: Springer Science, Business Media, 2009.
14. Mengjiao L. [Electronic resource]. URL: http://www.asean-china-center.org/english/2016-12/18/c_135923549.htm (date of treatment: 13.05.2022)
15. Masuntisuk R. Chinese Language Teaching in Thailand at the Primary and Secondary Education Levels // Thai World. [Electronic resource]. URL: http://www.thaiworld.org/upload/question/file_827.pdf (date of treatment: 14.04.2022).
16. Schmidt J. D. China's Soft Power Diplomacy in Southeast Asia // The Copenhagen Journal of Asian Studies. 2008. Vol. 26. P. 36.
17. Xu R. China-ASEAN Cooperation: 1991-2011. [Electronic resource]. URL: http://www.asean-china-center.org/english/2011-11/16/c_131249656_8.htm (date of treatment: 19.04.2022).

18. Xu R. Chinese state councilor proposes integrated education with ASEAN countries. [Electronic resource]. URL: http://www.asean-china-center.org/english/2010-08/04/c_13429977_2.htm (date of treatment: 19.04.2022).
19. Textor C. Number of Confucius Institutes in Asia as of December 2018, by country. [Electronic resource]. URL: <https://www.statista.com/statistics/879176/china-confucius-institutes-in-asian-countries/> (date of treatment: 20.04.2022).

REFERENCES

1. Pang Z. On China's Soft Power. [Electronic resource]. URL: http://www.siis.org.cn/Sh_Yj_Cms/Mgz/200601/2008724225610L5PS.pdf (date of treatment: 13.05.2022).
2. Yang H. Southeast Asia takes the lead in Chinese-language education [Electronic resource]. URL: http://www.chinadaily.com.cn/global/2019-09/05/content_37507976.htm (date of treatment: 13.05.2022).
3. Korolev A. S. Pomoshch Kitaya Yugo-Vostochnoy Azii: osnovnyye napravleniya i osobennosti // Yugo-Vostochnaya Aziya: aktualnyye problemy razvitiya. 2017. № 37. S. 45-61.
4. Muratshina K. G., Ivanova A. Ye. Sotrudnichestvo Kitaya so stranami YuVA v sfere obrazovaniya kak proyavleniye politiki «Myagkoy sily» i sredstvo resheniya klyuchevykh vneshnepoliticheskikh zadach // Yugo-Vostochnaya Aziya: aktualnyye problemy razvitiya. 2017. №35. S. 58-69.
5. Walker. A. China Seeks More Students from ASEAN Countries. [Electronic resource]. URL: <https://www.studyinchina.com.my/web/page/china-seeks-students-from-asean/> (date of treatment: 10.04.2022).
6. Yang. N. Study of Chinese Language Soars in Southeast Asia. [Electronic resource]. URL: http://www.chinadaily.com.cn/global/2019-09/05/content_37507976.htm (date of treatment: 10.04.2022).
7. Maulana A. The education relationship development between China and Indonesia as ASEAN member // Edulite: Journal of English Education, Literature and Culture. 2018. Vol.1. R. 13-24.
8. Jafar. M. Sidik. Indonesia has not become favorite destination for chinese students. [Electronic resource]. URL: <https://en.antaranews.com/news/90954/indonesia-has-not-become-favorite-destination-for-chinese-students> (date of treatment:12.04.2022).
9. Suryadinata. L. Peranakan Chinese in a Globalizing Southeast Asia. Singapore, 2010. – 192 r.
10. Bokshchanin A. A. Kitay vo vtoroy polovine XIV-XV vv. (Imperiya Min). S. 528-546 // Istoriya Vostoka. T.II, M., 1995.
11. Pan L. The encyclopedia of the Chinese overseas. Cambridge: Harvard University Press, 1999. 399 s.
12. Petrova O.L. Polozheniye kitayskogo menshinstva v Indonezii v svete indoneziysko-kitayskikh otnosheniy. // Yugo-Vostochnaya Aziya: Aktualnyye problemy razvitiya. 2017. №35. S. 131-146.
13. De Pablos P.O., M.D. Lytras. The China Information Technology Handbook New York: Springer Science, Business Media, 2009.
14. Mengjiao L. [Electronic resource]. URL: http://www.asean-china-center.org/english/2016-12/18/c_135923549.htm (date of treatment: 13.05.2022).
15. Masuntisuk R. Chinese Language Teaching in Thailand at the Primary and Secondary Education Levels // Thai World. [Electronic resource]. URL: http://www.thaiworld.org/upload/question/file_827.pdf (date of treatment: 14.04.2022).

- 16.** Schmidt J. D. China's Soft Power Diplomacy in Southeast Asia // The Copenhagen Journal of Asian Studies. 2008. Vol. 26. P. 36.
- 17.** Xu R. China-ASEAN Cooperation: 1991-2011. [Electronic resource]. – URL: http://www.asean-china-center.org/english/2011-11/16/c_131249656_8.htm (date of treatment: 19.04.2022).
- 18.** Xu R. Chinese state councilor proposes integrated education with ASEAN countries. [Electronic resource]. URL: http://www.asean-china-center.org/english/2010-08/04/c_13429977_2.htm (date of treatment: 19.04.2022).
- 19.** Textor C. Number of Confucius Institutes in Asia as of December 2018, by country. [Electronic resource]. URL: <https://www.statista.com/statistics/879176/china-confucius-institutes-in-asian-countries/> (date of treatment: 20.04.2022).

Сведения об авторах / Information about authors

Кондрацкая Наталья Вячеславовна – магистрант Высшей школы международных отношений Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

E-mail: Natashok234@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8789-9802

Kondratskaya Natalya V. – Higher school of international relations. Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University.

E-mail: Natashok234@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8789-9802

Статья поступила в редакцию 14.05.2022. Одобрена после рецензирования 25.05.2022. Принята 11.06.2022
Received 14.05.2022. Approved after reviewing 25.05.2022. Accepted 11.06.2022

научная статья

УДК: 322

DOI: 10.48612/rg/RGW.23.7

Православие в Китае: межконфессиональные связи России и Китая в истории и на современном этапе

Коптев Антоний Александрович ✉

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия

✉ koptev293@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8136-4946>

***Аннотация.** Необходимость изучения конфессиональных проблем в Китае обусловлена обилием религиозных течений, которые существуют в этой стране. Только на государственном уровне признаны пять религий, однако в этот перечень не включено православие, которое на территории КНР попало в число «локальных» религий, что формирует объективную потребность в научном изучении данного вопроса. Особенно актуально исследование в современных условиях, на фоне нестабильных геополитических отношений Россия и Китай, которые находят новые формы взаимодействия друг с другом. В этой связи православие может стать дополнительным связующим звеном двух могущественных стран, поэтому в фокусе исследования находятся межконфессиональные связи России и Китая на современном этапе, а также представлен исторический дискурс и развитие православной традиции в Китае. В результате разработана периодизация осуществления межконфессиональных связей России и Китая, а также сформулированы предложения по их углублению и интенсификации. Новизна полученных результатов связана с формированием научного подхода к генезису становления межконфессиональных отношений двух стран, а также сформулированных рекомендаций, которые актуальны в современных геополитических условиях. Значение исследования в теоретическом аспекте состоит в возможности использования полученных материалов в образовательном процессе при изучении курса религиоведения, как на территории России, так и в КНР. Практическая значимость работы обусловлена возможностью использования сформулированных рекомендаций для совершенствования межконфессиональных отношений России и Китая.*

Ключевые слова: Православные миссии; межгосударственные отношения; Китай; Маньчжурия; Россия

Для цитирования: Коптев А.А. Православие в Китае: межконфессиональные связи России и Китая в истории и на современном этапе // Россия в глобальном мире 2022. № 23(46). С. 96–108. DOI: 10.48612/rg/RGW.23.7

© Коптев А.А., 2022. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Original article

DOI: 10.48612/rg/RGW.23.7

Orthodoxy in China: Interfaith Relations between Russia and China at the History and Present times

Antony A. Koptev ✉

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
✉ koptev293@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8136-4946>

Abstract. *The need to study confessional problems in China is due to the abundance of religious movements that exist in this country. Only five religions are recognized at the state level, but this list does not include Orthodoxy, which in the territory of the People's Republic of China has become one of the "local" religions, which creates an objective for scientific study of this issue. This is especially relevant in modern conditions, when, against the background of unstable geopolitical relations, Russia and China are seeking to finding new forms of interaction with each other. In this regard, Orthodoxy can become an additional link between two powerful countries, so the focus of the study is linked with the interfaith ties between Russia and China at the present stage, as well as historical discourse and the development of Orthodox traditions in China. As a result, a periodization of the implementation of interfaith relations between Russia and China has been developed; the proposals for their deepening and their intensification have been formulated. The novelty of the results obtained is connected with the formation of a scientific approach to the genesis of the formation of interfaith relations between the two countries, as well as the formulated recommendations that are relevant in modern geopolitical conditions. The significance of the research in the theoretical aspect is the possibility of using the materials obtained in the educational process when studying the course of religious studies, both in Russia and in China. The practical significance of the work is due to the possibility of using the formulated recommendations to improve interfaith relations between Russia and China.*

Keywords: Orthodox missions; interstate relations; China; Manchuria; Russia

For citation: Koptev, A.A. Orthodoxy in China: Interfaith Relations between Russia and China at the History and Present times. *Russia in the Global World*. 2022; 23(46): 96–108. (In Russ.). DOI: 10.48612/rg/RGW.23.7

© Koptev, A.A., 2022. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Введение. Проблематика развития православия в Китае характеризуется длительным периодом формирования историографии. В русскоязычном пространстве начинается еще в восемнадцатом-девятнадцатом веках, практически одновременно с укреплением православия на китайской земле. Первые тематические исторические труды, посвященные российской духовной миссии в Китае, принадлежат иеромонаху Феодосию Смержевскому (до 1751 г.), архимандриту

Сафронию Грибовскому (исследован период 1794–1808 гг.), исследователю и популяризатору знаний о Востоке Г.И. Спасскому (анализируется период 1810–1864 гг.). Одной из самых первых системообразующих работ по проблематике межконфессиональных связей России и Китая можно считать диссертацию иеромонаха Николая Адоратского (1887 г.), включившую в себя обзор двухсотлетнего периода исследования истории православной миссии на китайской земле. К числу дореволюционных исследователей названной проблемы можно отнести З. Матусовского, И.Я. Коростовца, Н.В. Богоявленского, Н.Н. Панутосова, Н.В. Кюнера, В.В. Бартольда и др. В советское время вопросы религиозного взаимодействия двух стран были мало исследованы и получали освещение лишь в работах обобщающего характера. В 1990 г. данный перерыв в анализе проблемы развития православия в Китае был прерван К.М. Тertiцким, после чего увидели свет работы Д.В. Дубровской, А.В. Ломанова, А.И. Кобзева, А.П. Тарасова, А.Н. Хохлова, А.И. Ипатова, Н.А. Самойлова, С.А. Шубина, священнослужителей Петра Иванова и Дионисия Поздняева и др. Системообразующим можно назвать труд В.Г. Дацышена, «Христианство в Китае: история и современность» 2007 г., обобщившего существующие публикации по данной проблеме.

Проблематика межконфессиональных связей России и КНР и китайских исследователей получила импульс развития в конце XX столетия. В числе тех, кто занимался данной проблемой, можно перечислить, прежде всего, Юэ Фэна и Чжана Суя, в работах которых история православия в Китае рассматривается системно и основательно. Необходимо подчеркнуть наличие неоднозначных моментов как в исследованиях проблематики православия в Китае в целом, так и в трактовке отдельных фактов с позиций религиоведов, философов, историков. Особый интерес сконцентрирован на обеспечении государственной поддержки развития православия в КНР со стороны правительств обеих стран, использования православия в качестве «мягкой силы» России, самодостаточности православных общин в Китае, их территориального распространения, а также вопросов подготовки священников для осуществления служб.

Материалы, результаты исследования и их обсуждение. История межконфессиональных связей России и Китая уходит корнями в глубину веков. По некоторым свидетельствам, первая православная миссия прибыла в Пекин из Тобольска в 1715 году. Всего же их было двадцать. Продолжительность миссий составляла в среднем 8-10 лет и не ограничивалась жизнью миссионеров [1], в качестве которых первоначально часто выступали казаки и реже – служилые люди, поскольку целью таких поездок было сближение культур для установления межгосударственных отношений [2]. С точки зрения Ин Вана, появление же самого православия в Китае можно датировать более ранним сроком, временем постройки храм «Воскресение Христово» в городе Якса в 1671 г. Спустя пять лет в 1676 г. здесь же возвели православный монастырь в честь Христа Спасителя [3]. Этот факт находит также описание в трудах М.Д. Химича и Лу Тайлу [4], которые именуют священника отцом Гермогеном, а монастырь – обителью Всемилошливого Спаса. Можно предположить, что такие разночтения в источниках связаны с языковым барьером, существующих между русскими и китайцами: перенимая православные традиции и антропонимы, китайцы адаптировали их к своему языку, в том числе и в фонологическом отношении. В результате пошло указанное смещение в номинации тех или иных фактов в истории становления православия в Китае. Тем не менее сами факты подтверждаются присутствием в различных исторических источниках и свидетельствах, что позволяет оценить релевантность этих данных как высокую.

М.Д. Химич и Лу Тайлу предлагают обозначить 1685–1686 гг. как начало истории православной миссии в Китае. Под руководством отца Максима в северо-восточной части Пекина, в переулке Хуцзяцзуань, был построен первый столичный православный храм. Первоначально храм был посвящен Святой Софии. Поскольку в церкви хранилась икона Святого Николая, позже храм был переименован в его честь. В результате успешной работы, отмеченной вниманием Петра Первого и православного Синода, отец Максим стал единственным пастырем православной церкви в Пекине на протяжении более чем 25 лет.

Относительно продолжения миссии данные различаются: в некоторых источниках сказано, что российская духовная миссия в Китае учреждена в 1713 г., и её первым начальником был назначен архимандрит Иларион (Лежайский) [5]. Согласно другим источникам, спустя четыре года, Петр I с согласия китайского императора принял решение официально направить новую духовную миссию в Китай для продолжения православной деятельности. Следующая миссия, согласованная на высоком государственном уровне императорами обеих стран, прибыла из Тобольска в 1715 г. Возможно, факт наличия обоюдного государственного согласования позволяет некоторым ученым вести отсчет истории российского православного миссионерства именно с этой даты.

Всего же, как уже было упомянуто выше, в период с 1715 по 1993 годы в Китай прибыло 20 православных миссий, в числе которых в страну въехало больше двух сотен проповедников, ставящих перед собой задачи по изучению китайского и маньчжурского языков, что было необходимого для углубленного исследования китайской культуры и ведения проповедей на родном для китайцев языке. Благодаря русской православной духовной миссии, в период с 1671 по 2015 годы на территории Китая было воздвигнуто 37 церквей и храмов, основано более 40 миссионерских центров, учреждена духовная семинария и два десятка религиозных школ, предназначенных для мужчин и женщин [5].

А.Н. Косых отмечает, что «православное миссионерство никогда не становилось причиной религиозной или политической вражды между Российской и Китайской империями. В XIX столетии в результате «опиумных войн» страны Запада существенно усилились и получили полную свободу действий в Китае. В случае гибели западного миссионера даже не на религиозной почве, к примеру, в случае бытового конфликта, реакция западных стран не заставляла себя ждать: следовали инициации военных действий, направленных против китайского населения. Российские духовные миссии не отличались подобными характеристиками», в чем состояло их принципиальное отличие от западных католических течений [5].

Российские миссионеры демонстрировали почтение и лояльность к культурным особенностям Китая, что привлекало в представителей

православия в чужеземной стране местных жителей и власти, шедшие на сотрудничество при построении межконфессиональных связей России и Китая. Кроме того, православные миссионеры уделяли очень большое внимание изучению китайской истории, языка и культуры.

Православные миссионеры в Китае заботились не только о создании религиозных сооружений и учреждений, но и занимались мирскими объектами (метеорологическая станция, библиотека, типография, фабрика, мастерская и четыре кладбища). Они осуществляли издательскую деятельность, выпуская ежемесячный журнал «Китайский благовестник» на русском, английском и китайском языках, а также другие издания. В результате к 1916 г. число православных китайцев достигло 5587 человек, большая часть которых (около тысячи) проживала в Пекине, еще две сотни человек – в Тяньцзине [5]. Сравним, что в настоящее время около 15000 верующих.

Деятельность православных миссионеров в Китае финансировалась правительством до 1820 г. в размере 6500 рублей в год, после – 16250 рублей в год. После 1917 г. православные общины в Китае перешли на самообеспечение, используя для проповеднической деятельности доходы от производства открытых в Китае православных мастерских [6].

Начало XX в. стало, по меткому выражению О.А. Милевского, кратким периодом расцвета миссии. Исследователь связывает это с качественными и количественными показателями, достигнутыми миссионерами. Качественные показатели состояли в активной переводческой деятельности, благодаря которой текст Священного писания и основных богослужебных текстов стал доступен для чтения китайцам. Успешное ведение хозяйственной деятельности (работы оборудованных переплетной и литейной мастерских, пекарен, мыловарен, котельных, типографий, бань, мельниц, молочных ферм, фруктовых садов и огородов, пасеки) способствовало в том числе и привлечению новых адептов Православия среди местного населения. К 1917г. православная миссия в Китае смогла увеличить свой капитал до миллиона золотых рублей [6].

Второй период развития православия в Китае обозначен с 1917 г. по 1949 г.: от победы Октябрьской революции до образования Китайской

Народной Республики. Советское правительство в 1918 г. объявило об отделении церкви от государства, школы от церкви. В то же время у Русской духовной миссии в Пекине сформировалось особое отношение к советской власти, миссия не воспринимала новые порядки. Русская эмигрантская православная церковь не только ведала православными общинами в различных областях Китая, но и была наделена правами выдвигать и назначать ответственных лиц этих общин. Русская духовная миссия искала покровительства у Зарубежного архиерейского Синода, временно пребывавшего в Сербии.

Формирование Пекинско-Китайской православной епархии датируется 1922 г. [7]. Епархия была не единственной православной на китайской земле: еще одна появилась в Маньчжурии и получила название Харбинской. Позже Харбинская и Пекинско-Китайская епархии образовали Китайскую Православную Церковь, которая тесно взаимодействовала с Русской Православной Церковью.

27 декабря 1945 г. Синод Русской Православной Церкви решил образовать единый митрополичий округ в Китае и Корее. Митрополит получил титул Харбинского и Восточно-Азиатского, позже он был преобразован в Восточно-Азиатский Экзархат, который просуществовал до 1954 г. После его упразднения Священным Синодом, все китайские православные храмы перешли в ведение Экзархата Московской Патриархии в Восточной Азии [7].

С 1949 г. по 1956 г. китайская духовная миссия продолжала управлять православными общинами в разных регионах страны, расширяя религиозную деятельность. Во главе миссии стоял архиепископ Пекинский – отец Виктор (Святин). В 1956 г. Китай покинула большая группа русских эмигрантов, часть верующих во главе с архиепископом вернулась в Советский Союз, а другая часть направилась в страны Западной Европы [7].

В 1956 г. Китайская Православная Церковь получила автономию и стала называться «Чжунхуа дунчжэн-цзяо хуэй». Актуальным стал вопрос подготовки и рукоположения в сан православных священников китайского происхождения. Китайскую церковь возглавил китайский епископ русского происхождения Василий (Шуан) [там же]. Тем не менее, с этого времени влияние православия в Китае стало уменьшаться.

Накануне культурной революции, к 1966 г., религиозная деятельность православных полностью прекратилась. После начала в Китае «культурной революции», Китайской Автономной Православной Церкви было все сложнее обеспечивать свое функционирование. Последний православный храм в Пекине был закрыт в середине 1964 г. Последним китайским архиереем стал епископ Симеон (по-китайски его имя звучит как Ду), который умер 3 марта 1965 года в г. Шанхае. После «культурной революции» православные стали добиваться правительственного разрешения на свою деятельность [там же].

Официальная констатация отсутствия в Китайской Автономной Православной Церкви собственного предстоятеля была закреплена 17 февраля 1997 г. в решении Священного Синода Русской Православной Церкви. Поэтому на Патриарха Московского и всея Руси Алексия II была возложена миссия по каноническому попечению о пастве Китайской Автономной Православной Церкви до момента ее восстановления в полноте иерархии.

Председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата получил полномочия по урегулированию практических всех вопросов в сфере православной жизни на территории Китая. Таким образом, было осуществлено закрепление границ юрисдикции Китайской Автономной Православной Церкви, которые существовали ранее и выходили за пределы Китая – Гонконг, Филиппины, Индонезия и прочие страны Юго-Восточной Азии [7].

В конце XX – начале XXI в. в Китае наблюдается возрождение православия, восстанавливаются и реставрируются многие православные церкви, проводятся религиозные обряды, люди приходят в храмы. Среди них есть и китайцы, и потомки русских эмигрантов. Православная жизнь возрождается в Урумчи, Тачене, Инине и других городах Синьцзян-Уйгурского автономного района. Опираясь на самые последние исследования, можно сказать, что сейчас в районах Синьцзяна насчитывается примерно 10 000 православных верующих, среди которых большинство составляют русские [8].

Чжан Фань подчеркивает, что в современном Китае государством признано пять религий, и православие не входит в это число, поскольку

оно исповедуется по большей части национальным меньшинством – этническими русскими. При этом государственные власти в КНР поддерживают политику Русской Православной Церкви в части подготовки священнослужителей для китайских православных учреждений, не видя в этом противоречий с Конституцией КНР, однако китайское законодательство предписывает гражданские ограничения в части ведения религиозной деятельности: священником может быть только гражданин Китая [8]. Анализируя данную проблему, О.В. Пелевина подчеркивает, что позиция китайских специалистов относительно истории, современного состояния и перспектив развития православия в КНР отличается от сведений, представленных в российской литературе. Это обусловлено историей российско-китайских отношений; тенденциями, сформировавшимися в современном китайском религиоведении; рационально-прагматическими установками и особенностями китайской культуры [9].

По мнению Е.В. Жериковой и Т.В. Лодоновой [10], Китайская Православная Церковь в настоящее время обладает следующими характеристиками: численность верующих невелика, и наблюдается тенденция к старению; религиозный колорит размыт; отношение к другим религиям варьируется от консервативного до открытого. Православная Церковь в Китае также сталкивается с нехваткой духовенства (что отчасти обусловлено законодательными ограничениями), нехваткой религиозных мест и земли.

Мероприятия под эгидой Китайской Православной Церкви проводятся в Пекине, Ханькоу, Тяньцзине, Шанхае, Харбине, а также в некоторых частях Внутренней Монголии и Синьцзяна. Лян Чжэ также отмечает неравномерность распространения православия в Китае в географическом отношении. В частности, китайские православные, являющиеся потомками русско-китайских брачных союзов, проживают достаточно компактно в Северной Маньчжурии (Трехречье) [11].

При этом число религиозных учреждений постоянно снижается: так, например, в начале XX в. в Харбине, провинция Хэйлунцзян, насчитывалось более 20 церквей, но сейчас сохранилось лишь несколько. Центральной является церковь Пресвятой Богородицы Милосердия. В

районе г. Харбина насчитывается около 100 верующих, церковь регулярно посещают 30–40 человек, в основном этнические русские и ханьцы русского и китайского происхождения. Прихожане – люди старшего возраста, в основном женщины старше 50 лет. Услуги предоставляются в основном на китайском языке, некоторые из них – на русском. В церкви также есть хор, который за последние два года вырос в размерах и насчитывает более 20 человек. На этой территории служит священник Метжи, в настоящее время он является единственным православным священником в Китае, принявшим священство в октябре 2015г. [12; 13].

Заключение. В результате исследования предложена периодизация формирования межконфессиональных связей России и Китая:

1. 1671–1713 годы – период зарождения межконфессиональных связей. Осуществляемые в данный период взаимодействия только начинали формироваться, при небольшой государственной поддержке.

2. 1713–1820 годы – становление межконфессиональных связей православной России и Китая. В этот период оформляется государственная, нормативная и организационная поддержка указанных связей, что способствует их развитию.

3. 1820–1922 годы – расцвет православной миссии в Китае, интенсивное развитие ее хозяйственно-экономической основы, что способствовало устойчивой деятельности.

4. 1922–1956 годы – спад развития межконфессиональных связей России и Китая. В этот период проходит реорганизация системы управления православными общинами на территории КНР. В России влияние православия было значительно ослаблено по политическим основаниям, что не давало возможности для полноценной поддержки и регулирования процессов.

5. 1956 г. по настоящее время – затухание развития межконфессиональных связей России и Китая, осложняющееся кадровыми вопросами и непризнанием православия на государственном уровне в КНР.

На основании проведенного исследования сделан вывод о том, что, вероятно, пришло время для начала нового цикла в формировании межконфессиональных отношений России и Китая в условиях трансформации геополитических пластов современного мироустройства,

формирования многополярного мира и смены ориентаций осуществления межгосударственного партнерства. На общественное обсуждение нами выносятся рекомендации, направленные на решение обозначенной проблемы: содействовать формированию корпуса православных священнослужителей в КНР, воспитание собственного предстоятеля Китайской Автономной Православной Церкви, прошение к властям КНР о признании православия в числе государственных религий.

Таким образом, несмотря на то, что история формирования межконфессиональных связей России и Китая насчитывает более трехсот лет и достаточно широко представлено в российской и китайской историографии [14; 15], современное состояние проблемы требует пристального научного и политологического изучения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Поздняев Д., свящ. Православие в Китае (1900–1997). М.: Изд-во Св.-Владимирского братства, 1998. 278 с.
2. Соломатова (Ларченко) В. Ю. Взгляд православия на католическое миссионерство в Китае в конце XIX века // Известия лаборатории древних технологий. 2020. №1 (34). С. 176-186.
3. Исмагилова А. Т. Православие в Китае: духовный подвиг // Современные проблемы международных отношений и мировой политики. 2019. С. 220-237.
4. Ин Ван. Эволюция православия в Китае в XX ст. // Вестник Белорусского государственного университета культуры и искусств. 2009. №1. С. 31-36.
5. Химич М. Д., Лу Тайлу. Влияние православия и традиционных религий на вокально-хоровое образование в Китае // Труды Белгородской православной духовной семинарии (с миссионерской направленностью). 2019. №9. С. 145-151.
6. Чжан Фань. Интерпретация православия в современном Китае китайским религиоведением. Автореф. канд... философ. наук. Чита, 2015. 22 с.
7. Милевский О. А. Восстание Ихэтуаней и судьба православия в Китае // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. 2019. С. 117-123.
8. Соколов Н. Современное духовное состояние православия в Китае // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2009. №19. С. 74-76.
9. Косых А. Н. Православие в Китае // Теологический вестник Смоленской православной духовной академии. 2018. №4. С. 57-62.
10. Пелевина О. В. Православие в современном Китае: интерпретация китайских религиоведов // Религиоведение. 2015. №3. С. 22-31.
11. Жерикова Е. В., Лодонова Т. В. Orthodoxy in China // Индустрия туризма: возможности, приоритеты, проблемы и перспективы. 2019. №3. С. 110-119.
12. Лян Чжэ. Православие в Китае: на примере китайских русских Трехречья (Северная Маньчжурия) // Этносоциум и межнациональная культура. 2014. №7 (73). С. 160.

13. Пэн Ду, Химич М. Д., Афанасьева Т. Ю. Православие и хоровое искусство Китая // Труды Белгородской православной духовной семинарии (с миссионерской направленностью). 2021. №13. С. 156-165.
14. Погодин С.Н. Очерки по истории российской духовной Миссии в Пекине (середина XVII – начало XX в.): монография / С.Н. Погодин, Цзинчен Ли. Спб. : Политех-Пресс, 2020. – 203 с.
15. Ли Цзинчэн. Русская духовная миссия в Пекине в работах Сяо Юйцю // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. Т. 9, № 1. С. 54–62.

REFERENCES

1. Pozdnyayev D., svyashch. Pravoslaviye v Kitaye (1900–1997). M.: Izd-vo Sv.-Vladimirskogo bratstva, 1998. 278 s.
2. Solomatova (Larchenko) V. Yu. Vzgl'yad pravoslaviya na katolicheskoye missionerstvo v Kitaye v kontse XIX veka // Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologiy. 2020. №1 (34). S. 176-186.
3. Ismagilova A. T. Pravoslaviye v Kitaye: dukhovnyy podvig // Sovremennyye problemy mezhdunarodnykh otnosheniy i mirovoy politiki. 2019. S. 220-237.
4. In Van. Evolyutsiya pravoslaviya v Kitaye v XX st. // Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv. 2009. №1. S. 31-36.
5. Khimich M. D., Lu Taylu. Vliyaniye pravoslaviya i traditsionnykh religiy na vokalno-khorovoye obrazovaniye v Kitaye // Trudy Belgorodskoy pravoslavnoy dukhovnoy seminarii (s missionerskoy napravlennoy). 2019. №9. S. 145-151.
6. Chzhan Fan. Interpretatsiya pravoslaviya v sovremennom Kitaye kitayskim religiovedeniyem. Avtoref. kand... filosof. nauk. Chita, 2015. 22 s.
7. Milevskiy O. A. Vosstaniye Ikhetuaney i sudba pravoslaviya v Kitaye // Rossiya i Kitay: istoriya i perspektivy sotrudnichestva. 2019. S. 117-123.
8. Sokolov N. Sovremennoye dukhovnoye sostoyaniye pravoslaviya v Kitaye // Yezhegodnaya bogoslovskaya konferentsiya Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. 2009. №19. S. 74-76.
9. Kosykh A. N. Pravoslaviye v Kitaye // Teologicheskiy vestnik Smolenskoй pravoslavnoy dukhovnoy akademii. 2018. №4. S. 57-62.
10. Pelevina O. V. Pravoslaviye v sovremennom Kitaye: interpretatsiya kitayskikh religiovedov // Religiovedeniye. 2015. №3. S. 22-31.
11. Zherikova Ye. V., Lodonova T. V. Orthodoxy in China // Industriya turizma: vozmozhnosti, priority, problemy i perspektivy. 2019. №3. S. 110-119.
12. Lyan Chzhe. Pravoslaviye v Kitaye: na primere kitayskikh russkikh Trekhrechyа (Severnaya Manchzhuriya) // Etnosotsium i mezhnatsionalnaya kultura. 2014. №7 (73). S. 160.
13. Pen Du, Khimich M. D., Afanasyeva T. Yu. Pravoslaviye i khorovoye iskusstvo Kitaya // Trudy Belgorodskoy pravoslavnoy dukhovnoy seminarii (s missionerskoy napravlennoy). 2021. №13. S. 156-165.
14. Pogodin S.N. Ocherki po istorii rossiyskoy dukhovnoy Missii v Pekine (seredina XVII – nachalo XX v.) : monografiya / S.N. Pogodin, Tszinchen Li. Spb. : Politekh-Press, 2020. – 203 s.
15. Li Tszinchen. Russkaya dukhovnaya missiya v Pekine v rabotakh Syao Yuuytsyu // Nauchno-tekhnicheskiye vedomosti SPbGPU. Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki. 2018. T. 9, № 1. S. 54–62.

Сведения об авторах / Information about authors

Коптев Антоний Александрович – магистрант Высшей школы международных отношений Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

E-mail: koptev293@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8136-4946

Koptev Antony A. – Higher school of international relations. Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University.

E-mail: koptev293@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8136-4946

*Статья поступила в редакцию 16.05.2022. Одобрена после рецензирования 14.06.2022. Принята 16.06.2022.
Received 16.05.2022. Approved after reviewing 14.06.2022. Accepted 16.06.2022.*

СТРАНЫ И НАРОДЫ STATES AND NATIONS

научная статья
УДК: 32
DOI: 10.48612/rg/RGW.23.8

Особенности изменения китайского языка под влиянием политического дискурса социальных медиа

Бергоев Даниил Джеральдович ✉
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
✉ bergoeff@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8405-8098>

***Аннотация.** Социальные медиа являются главным источником новостей и информации, связанной с политикой. Они также становятся основной площадкой для взаимодействия людей, обмена мнениями и взглядами относительно происходящих в стране и мире событий. Актуальность данной работы объясняется усилением роли современных социальных медиа направленной на формирование деятельности политических организаций, стремящихся увеличивать свое присутствие в информационном пространстве. Появившиеся у граждан возможности для ведения деятельности, основанной на независимой журналистике, также создают основу для возникновения прямых взаимодействий между основными акторами данного коммуникационного процесса. Следовательно, изучение различных аспектов, связанных с особенностями преобразования языка в создаваемых под влиянием дискурсов данных сторон, является достаточно актуальным вопросом. Следовательно, анализ изменения языка под воздействием политического дискурса характерного для социальных средств информации, влияние социально-политических факторов на создание современной картины мира и интерпретации действительности является актуальным предметом для изучения. Целью настоящего исследования является разработка и анализ концепции, отражающей характерные изменения китайского языка, и выделяющей их идейно-смысловую составляющую. В рамках данного исследования решались задачи по определению специфики становления социальных медиа в качестве основной площадки для обсуждения политических новостей и событий, также выделяются особенности китайского языка, позволяющие ему преобразовываться в значительной степени из-за влияния различных обстоятельств; помимо этого были рассмотрены характерные черты, выделенных в концепции уровней изменения политических метафор, терминов, соединяющие эмоциональное отношение и оценочную функцию интернет лексики в рамках социальных медиа. В*

исследовании использованы методы дескриптивного дискурс-анализа, благодаря которому были рассмотрены различные аспекты языка с точки зрения психолингвистики, а также изучены политические метафоры, выделенные в данном исследовании. С другой стороны, была применена теория М.М. Бахтина, посредством которой удалось определить основу, на которой строится взаимодействие между участниками коммуникационного процесса, а также того, как данное взаимодействие оказывает непосредственное влияние на язык. В результате исследования сделан вывод о том, что социальные медиа являются основным источником получения информации за счет своей доступности и открытости, так как участники коммуникационного процесса могут наиболее простым способом проявлять свое стремление к диалогизму. Также было выявлено, что из-за различных факторов специфики взаимодействия между политическими структурами и пользователями социальных медиа, китайский язык преобразуется и изменяется за счет своих морфологических, фонетических и грамматических особенностей. Были рассмотрены характеристики и смысловые цели данных преобразований в языке, которые, как удалось выяснить, проявляются в качестве основного инструмента, позволяющим коммуникаторам высказывать свое стремление к обмену дискурсами. Благодаря полученным выводам, была разработана концепция-схема, отражающая идейно-смысловую составляющую изменения китайского языка в условиях пространства социальных медиа. Язык подвергается естественным и искусственным изменениям, так как на него влияют такие различные внешние факторы как цензура и стремление людей делиться своим мнением и позицией.

Ключевые слова: мы-медиа; дескриптивный дискурс-анализ; китайский язык; интернет-лексикон; политическая метафора

Для цитирования: Бергоев Д.Д. Особенности изменения китайского языка под влиянием политического дискурса социальных медиа // Россия в глобальном мире 2022. № 23(46). С. 109–122. DOI: 10.48612/rg/RGW.23.8

© Бергоев Д.Д., 2022. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Original article

DOI: 10.48612/rg/RGW.23.8

Features of the Chinese language change under the influence of the political discourse of social media

Daniil D. Bergoev ✉

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia

✉ bergoeff@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8405-8098>

Abstract. *The social media is the primary source of news and information related to politics. The social media is considered to be the leading platform for people to interact and exchange opinions and views aimed at the evaluation of events that take place in the country and the world. The relevance of this work is explained by the increasing role of social media in our world, by the growing impact of various political organizations that seek to increase their presence in the internet. The opportunities that have appeared for citizens to conduct*

activities based on independent journalism also have created the basis for the emergence of direct interactions between the two main actors of this communication process. Consequently, the study of various aspects related to the peculiarities of language, and created under the influence of discourses is a critical issue. This study aims to develop a concept that emphasizes the characteristic changes of Chinese language while reflecting their ideological and semantic components. Within the framework of this research, one of the objectives is to determine the specifics of social media as the main platform for discussing political news and events' formation. The features of Chinese language are also highlighted, allowing the language to transform primarily due to the impact of various circumstances. In addition, the characteristic features of political metaphors, terminology, and Internet lexicon in the framework of social media highlighted in the concept are considered. The research uses the methods of descriptive discourse analysis, due to which various aspects of language are considered and studied from the point of psycholinguistics. Moreover, the political metaphors highlighted in this study are reviewed. On the other hand, M. M. Bakhtin's theory was applied, due to which it was possible to determine the basis on which the interaction between the participants of the communication process was built, as well as how those relations influenced the language. As a result of the study, it is possible to determine that social media is the primary source of information due to its accessibility and openness since participants in the communication process can show their desire for dialogism in the simplest way. It was also revealed that due to various factors of interaction between political structures and users of social media, the Chinese language got transformed and changed due to its morphological, phonetic and grammatical features. The characteristics and semantic goals of these transformations in the language were considered, which, as it was found out, manifested themselves as the main tool that allowed communicators to show their desire for discourse exchange. Due to the obtained conclusions, a concept-scheme was developed that reflected the ideological and semantic component of the changes in the Chinese language in the conditions of the social media space. The language is subject to natural and artificial changes, as it is influenced by various external factors such as censorship and the desire of people to share their opinions and views.

Keywords: we-media; descriptive discourse analysis; chinese language; internet lexicon; political metaphor

For citation: Bergoev, D.D. Features of the Chinese language change under the influence of the political discourse of social media. *Russia in the Global World*. 2022; 23(46): 109–122. (In Russ.). DOI: 10.48612/rg/RGW.23.8

© Bergoev, D.D., 2022. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Введение. Развитие интернета является важным процессом не только в области глобализации, но и технической сфере. Соответственно, влияние на коммуникацию оказывается достаточно сильное. Следует отметить, что Китай является передовой страной, в которой сфера технологий играет ключевую роль в формировании жизни общества [1]. Таким образом, стремительное развитие интернета и технологий оказало значительное влияние на китайский язык. Дело в том, что усиливающаяся с появлением

интернета цензура оказывает воздействие на то, как в информационном обществе функционирует деятельность средств массовой информации и общества в целом [2]. Все это отражается на том, как вариативно преобразуется структура языка, которая стремится к тому, чтобы дать возможность носителям высказывать свою позицию относительно различных социально-политических явлений.

Язык является сложной и комплексной системой, которая очень сильно зависит от влияния на нее внешних обстоятельств. Люди всегда сталкиваются с различными явлениями, которые так или иначе заставляют их менять способ коммуникации. Так нам представляется явление дискурса, которое также имеет прямую зависимость от социального контекста, в котором мы существуем. Наша ответная реакция на происходящие вокруг события социального, экономического или политического характера проявляется, прежде всего, в языке, так как он является инструментом демонстрации мыслей [3]. С развитием интернета люди становятся более интегрированными в единое информационное пространство, таким образом в рамках определенных социальных и дискуссионных практик общество вступает в обмен мнениями.

К тому же, важной деталью является характер воздействующих на нас событий, что может характеризовать степень их влияния на языковые деформации. Однако, в данном исследовании вопрос ставится не относительно того, как язык преобразуется, то есть не рассматриваются его грамматические, фонетические и морфологические изменения. Главным является создание некоторой концепции, которая позволит рассмотреть язык с точки зрения его возможностей, позволяющих предоставлять носителю инструмент преодоления внешних факторов. Безусловно причисленные выше характеристики языка являются важными, так как именно за счет них и проявляются необходимые изменения и преобразования.

Результаты исследования и их обсуждение. Китайский язык является тональным языком, что отражается в большом количестве омонимов, которые могут быть различимы только лишь благодаря тем самым тонам. Еще одной важной особенностью языка является использование иероглифической письменности. Две данные характеристик являются

принципиальными особенностями, которыми обладает данный язык, так как благодаря им в нем присутствует множество способов словообразования, заимствования и структурно-визуального преобразования [4].

В социально-политическом аспекте большую роль играет понятие метафора, которое является одним из аспектов восприятия людьми существующей действительности. В данном случае необходимо пояснить, что дискурсивные практики достаточно сильно полагаются на то, как говорящий стремится донести свою идею до реципиента. Необходимо учитывать развитие когнитивного и психолингвистического подхода к вопросу изучению того, что для нас представляет политическая метафора. Особенно следует обратить внимание на то, что метафора выступает как ментальный феномен, что проявляется в том, что она служит как способом объяснения происходящих вокруг конкретного человека социально-политических событий [5]. Изначально было сформировано представление о том, что политики используют политическую метафору как способ и инструмент убеждения за счет намеренной демонстрации расплывчатости и иносказательности, которые могут пониматься реципиентами по-разному, исходя из определенного контекста. Дело в том, что метафоричность служит способом создания скрытого сравнения, которое формирует у людей нужное представление о том или ином явлении [3]. Данный подход также необходимо принимать во внимание, но он имеет важность лишь тогда, когда текст был написан заранее, что создает возможности для продумывания значимости каждого слова.

Несмотря на это, фокус смещения важности политической метафоры в сторону ее осмысления именно коммуникаторами представляет большую значимость, если опираться на последние исследования в области политической лингвистики [3]. Это определяется тем, что метафора выходит за рамки лишь своего языкового проявления и сосредотачивается на образе мышления каждого конкретного человека. Таким образом, политическая метафора также служит и способом понимания того, как население осознает и осмысляет происходящие в стране и мире события.

Стремительное развитие технологий достаточно сильно смещает наш фокус относительно источника получения информации. Развитие социальных сетей повлияло на формирование социальных медиа ресурсов,

которые позволяют гражданам озвучивать свою позицию и делиться мнениями относительно политических событий [6]. Таким образом, необходимо понимать, как сильно уменьшается зависимость от традиционных каналов, таких как: телевидение, радио и газеты. Учитывая мировую специфику традиционные СМИ очень сильно подвержены влиянию цензурирования, а также того, что заранее прописанные текста имеют склонность содержать либо оценочные суждения, либо метафоричную уклончивость [2].

Появление Мы-Медиа ознаменовали появление возможностей для людей заниматься журналистикой непрофессионально, открыто и доступно, что создало достаточно большую базу для обсуждения и формирование независимого гражданского мнения. Это объясняется тем, что с доступностью появляются и возможности для людей разных идеологий и взглядов высказывать свою точку зрения о происходящем [7]. Таким образом, у людей появляется множество, на первый взгляд, независимых источников информации. Однако, необходимо осознавать, что даже получившие свою популярность в КНР социальные медиа имеют ряд ограничений, которые влияют на то, как в действительности распространяется и формируется общественное мнение [8]. Политические структуры также стремятся не отставать и интегрироваться в информационное пространство, путем создания своих групп, блогов, каналов и других форм социальной связи в интернете [9]. Следовательно, присутствие партии всячески усиливается, а, учитывая большие финансовые и институциональные возможности, продвижение их мнения становится приоритетным.

Следует обратиться к теории М.М. Бахтина, которая позволит объяснить особую специфику происходящего и того, как язык реагирует на внешние воздействия. В теории данного ученого необходимо два критерия дискурса: диалогизм и монологизм [10]. Первый аспект выступает как значимость того, что людям необходимо взаимодействовать свободно для того, чтобы обмениваться своими представлениями о действительности (дискурсом). За счет этого происходит естественное развитие и преобразование общественного мнения, а также позволяет каждому отдельному человеку проявлять свою дискуссионную практику наиболее

обширным образом [11]. С противоположной стороны выступает монологизм, который служит критерием авторитарного дискурса. Это проявляется за счет того, что одна из сторон взаимодействия использует различные доступные ей инструменты для того, чтобы выделить значимость своего дискурса относительно других. Самым базовым примером здесь выступает дихотомия рабочий – подчиненный, государство – граждане. Из-за того, что дискурс одной сторон игнорируется или не принимается во внимание, не учитывается, это заставляет ее искать альтернативные пути взаимодействия с другими участниками дискуссионного пространства для того, чтобы озвучить свое представление об «авторитарном» дискурсе, на который нет прямого способа воздействия. К тому же М.М. Бахтин утверждает, что диалогизм выступает естественным состоянием, именно поэтому проявления стремления взаимодействия с другими коммуникантами является априорным [10].

Существует множество факторов, которые в значительной степени изменяют условия коммуникации в политической среде. Как уже отмечалось ранее, социальные сети играют определенно важную роль в изменении коммуникативной реальности, что безусловно отражается в языке [12]. Все это проявляется в том, что главным источником распространения новостей являются различные блоги, каналы и другие формы Мы-Медиа. Предоставляемы для людей возможности открывают иной взгляд на формирование и стремление поделиться собственным мнением относительно происходящих внутри страны и мире событиях. Таким образом, основной характеристикой в данном случае является доступность для обычных людей, чего, в свою очередь, не могут гарантировать традиционные виды СМИ, которые теперь стремятся также использовать возможности интернета для реализации своей деятельности [13]. Следовательно, возникает ситуация, когда социальные сети предоставляют обширные возможности для людей практически независимо публиковать и распространять новости. В данном случае традиционные виды СМИ, которые зачастую связаны с политическими структурами, использующими их как один из инструментов продвижения собственных интересов или пропаганды.

Контроль за децентрализованным информационным пространством является одним из основных аспектов деятельности коммунистической партии Китая, которая стремится усиливать свое присутствие в информационном пространстве. Деятельность СМИ в стране строго регламентирована, соответственно, появление социальных медиа, которые предоставляют возможности для публикации новостей, которые не проходят предварительную модерацию, является достаточно принципиальным для существующих политических структур [14]. Таким образом, появляется необходимость использовать доступные финансовые или же институциональные инструменты, которые позволили бы также осуществлять контроль за информацией, распространяемой в интернете.

Безусловно, одним из основных методов ограничения распространения подобной информации является цензура, которая оказывает существенное влияние на язык. Рассматривая теорию Бахтина в данном контексте, необходимо отметить, что таким образом людей достаточно сильно ограничивают в их стремлении к проявлению диалогизма человеческой коммуникации. Также в данном случае усиливается авторитарность дискурса партии, которая заинтересована в том, чтобы деятельность трудно регулируемых социальных медиа была так или иначе ограничена. Данная ограниченность должна соответствовать тому варианту, который существует в рамках деятельности традиционных видов СМИ [2]. Однако, как уже отмечалось, диалогизм является естественным видом коммуникации между людьми, и, учитывая тот факт, что при подобном описанном случае, значительно ограничиваются возможности к осуществлению коммуникации, то коммуниканты будут искать альтернативные возможности для того, чтобы обойти возникшие внешние ограничения, проявляемые в цензуре.

Основной гипотезой данного исследования автор выделяет структуру проявления и преобразования политических метафор, интернет-лексикона и терминов в зависимости от влияющих на них внешних обстоятельств или же стремлений каждого отдельного человека. Здесь следует предоставить вариант данной концепции, а также пояснить каждый из выделенных аспектов.

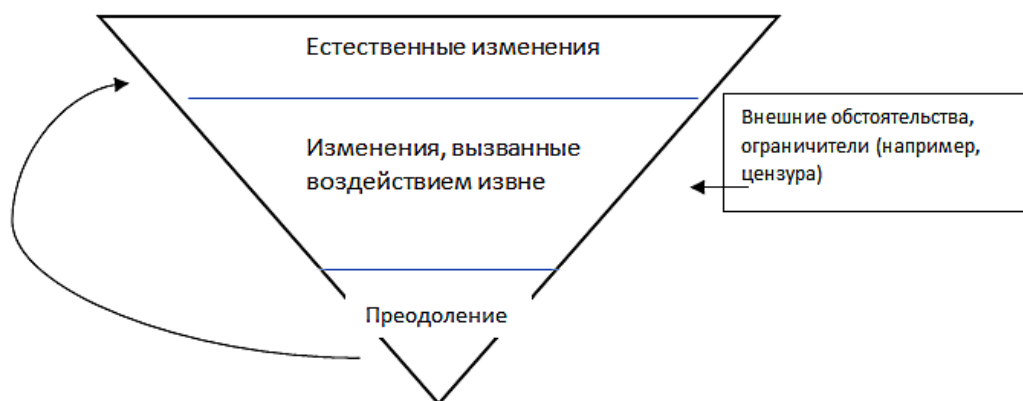

Рис. 1. Структура концепции отражения причин и сущности преобразования языка

Следует сделать пояснения относительно каждого из уровней данной концепции:

1) Уровень естественных изменений, на который не оказываются воздействия внешних обстоятельств, выраженных в виде ограничителей возможности проявлять диалогический аспект коммуникации. В данном случае принципиальным моментом является то, что здесь политические метафоры выступают как отражает восприятия действительности как гражданами, так и политиками. То есть используемые на данном уровне слова проявляются за счет реакции на «естественные» обстоятельства действительности, как, например, экономический кризис, недовольство социальной политикой, война и другие явления. В таком случае люди стремятся ввести в оборот слова, которые емко отражают то, что происходит вокруг них, включив к тому же и иной аспект, заключающийся в эмоциональности или экспрессивности. В данном случае речь никак не ограничивается и коммуникаторы могут взаимодействовать друг с другом беспрепятственно. В качестве примеров можно выделить следующие выражения: 躺平 *tǎngpíng* ("лежать" и перестать стремиться, пессимизм китайской молодёжи в отношении безнадёжности социальной мобильности и достижения успеха и счастья), 破防 *pòfáng* (психологическая травма), 内卷 *nèijuǎn* (инволюция, нерациональная конкуренция) и другие.

2) Далее следует уровень, речь на котором подвергается существенным преобразованиям за счет влияния инструментов ограничения, то есть цензуры. Социальные медиа используются людьми

как главный источник информации о различных политических событиях, а также выступает площадкой для обмена мнениями и взглядами о происходящем [15]. Соответственно, в случае если человек стремится высказать о каком-либо явлении, о котором нельзя говорить ввиду цензуры, то он будет стремиться найти обходные пути. Это обуславливается уже ранее упомянутым диалогизмом коммуникации, за счет которого люди стремятся обмениваться дискурсами независимо. То есть в данном аспекте внешние обстоятельства выступают как монологизм, то есть стремление к созданию авторитарного дискурса. В таком случае, учитывая характер коммуникации в социальных медиа, люди стремятся использовать различные возможности языка для обхода внешних обстоятельств. Однако, здесь следует пояснить, что в таком случае производные данного уровня остаются на нем, так как не могут перейти на уровень выше за счет того, что служат лишь инструментом замены, не являющимся полностью рефлексией, что присуще политической метафоре. Говоря о китайском языке, здесь используется омонимичность для того, чтобы заменять запрещенные слова и выражения - 李鹏 lǐ péng (Ли Пэн (премьер Госсовета КНР 1988—1998, председатель ПК ВСНП) на 屠夫 túfū (палач). Также могут использоваться начальные буквы системы пиньинь - 中国国民党 zhōngguó guómíndǎng (Гоминьдан) на GMD. Или же создаются слова, которые имеют скрытый смысл, позволяющим избегать внимания со стороны цензурирующих органов, например, 散步 sànbù (прогулка) в качестве некоего синонима слову *протест*.

3) Данный уровень имеет значимость в том смысле, что на нем используются все те же приемы и факторы преобразования языка, что и на втором, однако, речь здесь стремиться обозначить отношение к происходящим политическим событиям в обход внешних ограничений. В данном случае, политические метафоры, термины и интернет-лексикон не используются лишь в качестве обхода цензуры, они могут и не иметь «запрещенных» аналогов, а является созданными с нуля для того, чтобы менее заметно высказать свое мнение и позицию. Таким образом, принципиальное отличие заключается в том, что слова преобразуются не за счет того, что на них влияет цензура, а благодаря тому, что сами коммуникаторы являются инициаторами данных изменений. Если

рассматривать данные изменения с точки зрения критического дискурса-анализа, то они являются стремлением изменить существующую политическую реальность за счет возможностей языка. Также, исходя из образа данной концепции, которая представлена в виде треугольника, можно сделать вывод о количестве слов на данных уровнях. Примерами здесь являются следующие слова и выражения: 当今皇上 dāngjīn huángshang (царствующий император), 砖家 zhuānjiā («эксперт по кирпичам», фальшивый эксперт), 围观 wéiguān (пристальное внимание), 帝都 didū (Пекин) и так далее.

Заключение. Подводя итоги данного исследования, следует сказать о том, что язык является одним из основных аспектов, которые чаще всего подвергаются изменению из-за различных факторов политического дискурса. Однако, важно отметить, что на его преобразования влияют не только внешние факторы, проявляющиеся в деятельности партии и политических деятелей, но и также и сами люди, стремящиеся к диалогизму, то есть высказыванию своего мнения и позиции. За счет того, что социальные сети становятся основной площадкой для взаимодействия в рамках политического дискурса, особенности языка проявляются намного ярче, так как оказываются под непосредственным воздействием двух указанных сторон. В рамках данной работы были выделены основные моменты, связанные с теорией М.М. Бахтина, который указал на определенные особенности коммуникации и дискурса. Основываясь на предоставленной концепции, можно отметить сильную созависимость представленных в теории данного ученого аспектов преобразования языка. К тому же, удалось выделить основные особенности китайского языка, которые позволяют ему преобразовываться для того, чтобы коммуникаторы могли взаимодействовать в рамках политического дискурса в равных условиях. Основным результатом данного исследования считается представленная концепция, которая выделяет три основных уровня, которые отражают причины и сущность преобразования языка. На первом уровне – это стремление выразить отношение к реальности, на втором – желание обойти внешние ограничения, чтобы выразить мнение или позицию, на третьем – использования языка в качестве главного способа рефлексии и инструмента преодоления цензурных ограничений.

Следовательно, удалось определить то, какую роль социальные медиа играют в условиях политической действительности, а также то, как язык проявляет себя в данных условиях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Jiang Min. Chinese social media and big data: big data, big brother, big profit? / Min Jiang // Special issue: social media and big data in China. 2018. Т. 4, № 10. С. 372-392.
2. Нуриева Л. Ф. Цензура и способы её «Обхода» в современной прессе Китайской Народной Республики / Л. Ф. Нуриева, Д. Р. Ибрагимова // Modern oriental studies. 2019. Т. 2, № 1. С. 11–17.
3. Солопова О. А. Политическая метафорология: дискурсивный поворот / О. А. Солопова, А. П. Чудинов, Э. В. Будаев. Москва: ФЛИНТА, 2020. 234 с.
4. Чжэн, Циньфан. Анализ интернет-сленга в современном китайском языке с точки зрения его происхождения / Циньфан Чжэн. — Текст: электронный // Молодой ученый. 2020. № 24 (314). С. 467–469. URL: <https://moluch.ru/archive/314/71462/> (дата обращения: 18.04.2022).
5. Мингалева О. В. Воздействие посредством метафоры в политическом дискурсе / О. В. Мингалева // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 28, № 1. С. 82–87.
6. Zhang Jingxi. A review and reports on the status of quo and problems of we media in China / Jingxi Zhang // Selected topics in humanities and social sciences. 2021. Т. 10, № 3. С. 69-74.
7. Zhao Yupei. The political cultures of forwarding on chinese social media: lessons from Hong Kong chief executive election / Yupei Zhao, Zhongxuan Lin // SAGE Open: электронный журнал. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2158244019840114>. – Дата публикации: 4.04.2019. (дата обращения: 18.04.2022)
8. Sun Yanran. A study on the effectiveness of we-media as a platform for intercultural communication / Yanran Sun, Fei Jiang // New media and Chinese society. 2017. № 1. С. 271-284.
9. Xia Shouzhi. A study on the profit model of we media in China / Shouzhi Xia // Global media journal: электронный журнал. URL: <https://www.globalmediajournal.com/open-access/a-study-on-the-profit-model-of-we-media-in-china.php?aid=85891>. Дата публикации: 30.04.2017. (дата обращения: 18.04.2022)
10. Robinson A. In theory Bakhtin: Dialogism, polyphony and heteroglossia / A. Robinson // Ceasefire: электронный журнал. URL: <https://ceasefiremagazine.co.uk/in-theory-bakhtin-1/>. Дата публикации: 29.07.2018. (дата обращения: 18.04.2022)
11. Белина Н. Г. Философский анализ концепций диалогизма в XX В. / Н. Г. Белина // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2021. № 3. С. 32–36.
12. Карасик В. И. Рецензия на книгу: Чудинов А. П., Будаев Э. В., Солопова О. А. Политическая метафорология: дискурсивный поворот. М.: ФЛИНТА, 2020. 234 С. ISBN 978-5-9765-4326-3 / В. И. Карасик // Russian Journal of Linguistics. 2021. № 1. С. 284-290.
13. Tang Wenfang. Political communication in China convergence or divergence between the media and political system? / Wenfang Tang, S. Iyengar. – Нью-Йорк : Routledge, 2014. 144 с.

14. Tai Yun. Specificity, conflict, and focal point: A systematic investigation into social media censorship in China / Yun Tai, King-wa Fu // *Journal of communication*. 2020. Т. 6, № 70. С. 842-867.

15. Романов А. А. Человек медиинный как сетевой центр информационного круговорота от я-медиа к мы-медиа / А. А. Романов // *Языковой дискурс в социальной практике*. 2019. № 1. С. 24–36.

REFERENCES

1. Jiang Min. Chinese social media and big data: big data, big brother, big profit? / Min Jiang // *Special issue: social media and big data in China*. 2018. Т. 4, № 10. С. 372-392.

2. Nuriyeva L. F. Tsenzura i sposoby yeye «Obkhoda» v sovremennoy presse Kitayskoy Narodnoy Respubliki [Censorship and ways of its "Circumvention" in the modern press of the People's Republic of China] / L. F. Nuriyeva, D. R. Ibragimova // *Modern oriental studies*. 2019. Т. 2, № 1. С. 11–17.

3. Solopova O. A. Politicheskaya metaforologiya: diskursivnyy povorot [Political Metaphorology: a Discursive Turn] / O. A. Solopova, A. P. Chudinov, E. V. Budayev. Moskva: FLINTA, 2020. 234 s.

4. Chzhen, Tsinfan. Analiz internet-slenga v sovremennoy kitayskom yazyke s točki zreniya yego proiskhozhdeniya [Analysis of Internet slang in modern Chinese from the point of view of its origin] / Tsinfan Chzhen. — *Tekst: elektronnyy // Molodoy uchenyy*. 2020. № 24 (314). С. 467–469. URL: <https://moluch.ru/archive/314/71462/> (data obrashcheniya: 18.04.2022).

5. Mingaleva O. V. Vozdeystviye posredstvom metafory v politicheskom diskurse [Impact through metaphor in political discourse] / O. V. Mingaleva // *Teoriya yazyka i mezhkulturnaya kommunikatsiya*. 2018. Т. 28, № 1. С. 82–87.

6. Zhang Jingxi. A review and reports on the status of quo and problems of we media in China / Jingxi Zhang // *Selected topics in humanities and social sciences*. 2021. Т. 10, № 3. С. 69-74.

7. Zhao Yupei. The political cultures of forwarding on chinese social media: lessons from Hong Kong chief executive election / Yupei Zhao, Zhongxuan Lin // *SAGE Open: elektronnyy zhurnal*. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2158244019840114>. – Data publikatsii: 4.04.2019. (data obrashcheniya: 18.04.2022)

8. Sun Yanran. A study on the effectiveness of we-media as a platform for intercultural communication / Yanran Sun, Fei Jiang // *New media and Chinese society*. 2017. № 1. С. 271-284.

9. Xia Shouzhi. A study on the profit model of we media in China / Shouzhi Xia // *Global media journal: elektronnyy zhurnal*. – URL: <https://www.globalmediajournal.com/open-access/a-study-on-the-profit-model-of-we-media-in-china.php?aid=85891>. – Data publikatsii: 30.04.2017. (data obrashcheniya: 18.04.2022)

10. Robinson A. In theory Bakhtin: Dialogism, polyphony and heteroglossia / A. Robinson // *Ceasefire: elektronnyy zhurnal*. – URL: <https://ceasefiremagazine.co.uk/in-theory-bakhtin-1/>. – Data publikatsii: 29.07.2018. (data obrashcheniya: 18.04.2022)

11. Belina N. G. Filosofskiy analiz kontseptsiy dialogizma v KhKh V. [Philosophical analysis of the concepts of dialogism in the twentieth century] / N. G. Belina // *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta*. 2021. № 3. С. 32–36.

12. Karasik V. I. Retsenziya na knigu: Chudinov A. P., Budayev E. V., Solopova O. A. Politicheskaya metaforologiya: diskursivnyy povorot. M.: FLINTA, 2020. 234 S. ISBN 978-

5-9765-4326-3 / V. I. Karasik [Book review: Chudinov A. P., Budaev E. V., Solopova O. A. Political metaphorology: a Discursive turn] // Russian Journal of Linguistics. 2021. № 1. S. 284-290.

13. Tang Wenfang. Political communication in China convergence or divergence between the media and political system? / Wenfang Tang, S. Iyengar. Nyu-York : Routledge, 2014. 144 s.

14. Tai Yun. Specificity, conflict, and focal point: A systematic investigation into social media censorship in China / Yun Tai, King-wa Fu // Journal of communication. 2020. Т. 6, № 70. S. 842-867.

15. Romanov A. A. Chelovek mediinyy kak setevoy tsentr informatsionnogo krugovorota ot ya-media k my-media [The media man as a network center of the information cycle from I-media to we-media] / A. A. Romanov // Yazykovoy diskurs v sotsialnoy praktike. 2019. № 1. S. 24–36.

Сведения об авторах / Information about authors

Бергоев Даниил Джеральдович – бакалавр Высшей школы международных отношений Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

E-mail: bergoeff@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8405-8098

Bergoev Daniil D. – Higher school of international relations. Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University.

E-mail: bergoeff@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8405-8098

*Статья поступила в редакцию 21.04.2022. Одобрена после рецензирования 05.06.2022. Принята 05.06.2022.
Received 21.04.2022. Approved after reviewing 05.06.2022. Accepted 05.06.2022.*

Научная статья
УДК: 745/749
DOI: 10.48612/rg/RGW.23.9

Современные музейные практики охраны историко-культурного наследия в Финляндии

Ренёва Евгения Анатольевна ✉
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
✉ evgenia.reneva@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-8848-4366>

***Аннотация.** Обзор основополагающих мероприятий для выявления, сохранения и популяризации объектов историко-культурного наследия, расположенных на территории Финляндии и некоторые способы их реализации предложены в настоящей публикации. Финляндия ратифицировала Конвенцию ЮНЕСКО об охране культурного наследия в 1987 г. в целях более эффективной охраны и популяризации своего историко-культурного наследия. Реализация Соглашения находится в ведении Министерства образования и культуры Финляндии, но ответственность за выполнение возложена на Национальный комитет древностей Финляндии. Согласно Конвенции ЮНЕСКО, Финляндия должна замедлять процесс старения и эксплуатационных свойств строительных конструкций, восстановления художественно образа заложенного предками и сбережения ценности культурного наследия. Данные мероприятия должны полностью соответствовать законодательным требованиям. В статье приведены примеры охраны историко-культурного наследия в формате музейных практик Финляндии, например, выделение грантов на популяризацию музеев в виде создания онлайн-выставок от музея в городе Турку. Проблема о которой идет речь, пока изучена мало в российской научной литературе и требует дальнейших исследований, что говорит об актуальности. Статья может быть полезна студентам и преподавателям для подготовки к практическим и лекционным занятиям по предметам культурология, регионоведение по странам Северной Европы.*

Ключевые слова: Финляндия; сохранение и популяризация культурного наследия; ЮНЕСКО; культурология; Северная Европа

Для цитирования: Ренёва Е.А. Современные музейные практики охраны историко-культурного наследия в Финляндии // Россия в глобальном мире 2022. № 23(46). С. 123–130. DOI: 10.48612/rg/RGW.23.9

© Ренёва Е.А., 2022. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Original article
DOI: 10.48612/rg/RGW.23.9

Modern museum practices in the protection of historical and cultural heritage in Finland

Evgeniia A. Reneva ✉

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
✉ evgenia.reneva@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-8848-4366>

Abstract. *An overview of the fundamental activities for the identification, conservation and promotion of objects of historical and cultural heritage located in Finland and some ways to implement them are discussed in this publication. Finland ratified the UNESCO Convention for the Protection of Cultural Heritage in 1987 to protect and promote its cultural heritage. Although the implementation of the Agreement is the responsibility of the Finnish Ministry of Education and Culture, the responsibility for implementation rests with the Finnish National Antiquities Committee. According to the UNESCO Convention, Finland must slow down the process of aging and performance of building structures, restore the artistic image of the ancestors and preserve the value of cultural heritage. These activities must fully comply with legal requirements. The article provides examples of historical and cultural heritage protection in the format of museum practices in Finland, for example, the allocation of grants for the museums' promotion in the form of creating online exhibitions in the city of Turku. The problem in question has so far been little studied in the Russian scientific literature and requires further research, which indicates the relevance of the problem under study. The article may be useful for the students and teachers to get prepared for the practical and lecture classes targeted at cultural studies, and regional studies of Nordic countries.*

Keywords: Finland; cultural heritage protection; UNESCO; cultural studies; Northern Europe

For citation: Reneva, E.A. Modern Museum Practices in the Protection of Historical and Cultural Heritage in Finland. *Russia in the Global World*. 2022; 23(46): 123–130. (In Russ.). DOI: 10.48612/rg/RGW.23.9

© Reneva, E.A., 2022. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Введение. Актуальность исследования современных практик изучения и использования историко-культурного наследия определяется положительным опытом управления в области культуры в Финляндии в целом. Анализ особенности охраны историко-культурного наследия, принципы законодательства и права, реализация возможностей в области изучения и охраны историко-культурного наследия в стране в конце XX – нач. XXI века определяет цели исследования. В центре внимания предлагаемой публикации находятся современные музейные практики и государственная политика по продвижению и популяризации культурного наследия местного значения.

Материалы. Согласно всеобщей декларации прав человека ООН 1948 г., люди имеют право пользоваться благами культурного наследия и участвовать в его обогащении, но при этом у них есть обязанность уважать культурное наследие других народов.

Специализированное учреждение Организации Объединенных Наций (ООН) по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) ведет инвентаризацию историко-культурного наследия человечества. Ежегодно в ЮНЕСКО собирается Комитет всемирного наследия, который принимает решение о создании новых объектов всемирного наследия [1]. Общая конвенция ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия была принята в 1972 г. В Финляндии соглашение было ратифицировано в 1987 г. Данное соглашение находится в ведении Министерства образования и культуры, но в Финляндии ответственность за выполнение соглашения возложена на Национальный комитет древностей (*фин. museovirasto arkeologisesta kulttuuriperinnöstä*) [2].

В Конвенции ЮНЕСКО об охране всемирного культурного наследия зафиксировано, что Финляндия, как одна из стран-участников берет на себя обязательства обеспечивать выявление, охрану, сохранение, популяризацию и передачу будущим поколениям культурного и природного наследия, которое расположено на его территории [3], поэтому страна должна стремиться, к тому, чтобы обеспечить более эффективную охрану, сохранение и активную популяризацию культурного и природного наследия, расположенного на ее территории, в природно-климатических и социо-культурных условиях, свойственных стране [4]. Кроме того, согласно Конвенции ЮНЕСКО об охране культурного и природного наследия Финляндия, как государство-участник, обязано оказывать содействие признанию, охране, сохранению и популяризации культурного и природного наследия, если об этом просят другие государства, на территории которых оно находится [5].

Результаты и их обсуждение. Национальный совет по делам древностей Финляндии выделяет гранты музеям на инновационные проекты с 2001 г., в частности, государственные гранты поддерживают эксперименты и новые, инновационные способы ведения музейной

работы. Цель состоит в том, чтобы найти новые операционные модели и возможности развития для использования всего музейного поля [6].

9 марта 2022 г. финский Национальный совет по древностям распределил государственные гранты на инновационные проекты в музеях для содействия устойчивой работе с культурным наследием. Гранты на общую сумму 432 000 евро были присуждены для инновационных проектов в штатных и профессиональных музеях. В проектах, получивших гранты, музеи стремятся разработать политику для построения устойчивого будущего, расширения инклюзивных практик и открытия своего контента, опираясь на социальные и технологические вызовы времени [7]. Национальное управление древностей получило в общей сложности 32 заявки на общую сумму около 970 000 евро. 15 проектов получили гранты, самый крупный грант составил 70 000 евро, а самый маленький – 15 000 евро [8].

Участие сообщества и людей в работе с культурным наследием является темой многих проектов. Например, Музей технологий в Хельсинки развивает концепцию устойчивого волонтерства, подчеркивая опыт, навыки, потребности и знания волонтеров. Проекты также внедряют цифровые среды обучения и по-новому открывают музейный контент. Например, Музей автомобилей и дорог Mobilia в городе Кангасала реализует открытую для широкой публики цифровую среду обучения для выявления, признания и управления мобильным культурным наследием [9].

«Поддерживаемые инновационные проекты имеют возможность развивать операционные модели музеев, расширять сотрудничество и углублять связи с общественностью. Судя по заявкам, нас также радует то, что аспекты устойчивого развития, которые становятся все более и более важными, начинают действительно становиться частью работы, что еще больше способствует социальному влиянию музеев», – говорит Тийна Мерисало, генеральный директор национального совета древностей [10].

18 марта 2022 г. Национальным советом древностей были распределены гранты на проекты, связанные с общественной работой с культурным наследием и культурной средой. В общей сложности 75 080 евро в виде грантов были предоставлены 13 различным

неправительственным организациям и сообществам. Гранты были направлены в том числе на проект по возрождению «льняной традиции» (традиции обработки и использования льна) музея в г. Турку, на создание онлайн-выставки о карельских предметах в Турку, разработку сайта виртуального музея Турку на рубеже XIX и XX веков, на документальные и художественные исследования по Молочному заводу Тейо [11].

Гранты на работу с культурным наследием направлены на продвижение социальной, экологической, экономической и культурной работы с культурным наследием. Поддерживаемые проекты могут включать хранение, документирование и распространение информации, связанной с культурным наследием, а также меры по расширению участия сообществ и жизнеспособности культурного наследия. Гранты могут предоставляться неправительственным организациям и другим правоспособным субъектам [12].

Ассоциация Карелии Финляндии получила грант в размере 15 000 евро на организацию онлайн-выставки «Подари карельские предметы» в городе Турку. Проект является продолжением прошлогоднего обзора архивных материалов материального культурного наследия финской Карелии, в котором также участвовал Национальный совет древностей [13].

Культура и искусство, а также их роль в жизни жителей Турку в конце XIX века рассматриваются в проекте виртуального музея TURKU BEFORE / ÅBO FÖRR, который сочетает в себе академические исследования и современные технологии [14]. Также грант получил проект «Живая культура в Турку», которые занимается проведением семинаров, экскурсий и мини-выставок по истории хуторов Короистенними и Короистен в Турку [15].

Заключение. Финляндия уделяет много внимания охране и популяризации историко-культурного наследия коренных народов Финляндии. Финны, несмотря на пандемию коронавирусной инфекции, посещают музеи и знакомятся с культурным наследием и историей своей страны. Для популяризации историко-культурного наследия в условиях пандемии музеи Финляндии открывают онлайн-выставки. Все это свидетельствует об успешной работе Национального совета по древностям

Финляндии в области сохранения популяризации культурного наследия, что, в свою очередь, может являться примером в реализации политики охраны и популяризации местного культурного наследия небольших микротерриторий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Aineeton Kulttuuriperintö / Suojeleminen 2020 URL: <https://www.aineetonkulttuuriperinto.fi/fi/suojeleminen> (дата обращения 01.12.2021)
2. Kulttuuriperintö / Suomalaisuuden, suomalaisen kulttuurin ja perimätiedon asialla jo vuodesta 2020 URL: <https://kulttuuriperinto.fi/> (дата обращения 01.12.2021)
3. Kulttuuriperintö / Suomi on hyväksynyt Unescon yleissopimuksen aineettoman kulttuuriperinnön suojelemiseksi 2020 URL: <https://kulttuuriperinto.fi/suomi-on-hyvaksynyt-unescon-yleissopimuksen/> (дата обращения 01.12.2021)
4. Kulttuuriperintö / Suomi on hyväksynyt Unescon yleissopimuksen aineettoman kulttuuriperinnön suojelemiseksi 2020 URL: <https://kulttuuriperinto.fi/suomi-on-hyvaksynyt-unescon-yleissopimuksen/> (дата обращения 01.12.2021)
5. Museovirasto jakoi valtionavustuksia museoiden innovatiivisille hankkeille edistämään kestäväää kullttuuriperintötyötä / Museovirasrto URL: <http://www.museovirasto.fi/fi/ajankohtaista/avustuksia-museoiden-innovatiivisille-hankkeille-2022> (дата обращения 14.03.2022)
6. Opetushallitus / Mitä on kulttuuriperintö? (дата обращения 01.12.2021) URL: <https://www.oph.fi/fi/opettajat-ja-kasvattajat/mita-kulttuuriperinto>
7. Opetushallitus / Mitä on kulttuuriperintö? URL: <https://www.oph.fi/fi/opettajat-ja-kasvattajat/mita-kulttuuriperinto> (дата обращения 01.12.2021)
8. Valtionavustukset yhteisöjen kulttuuriperintötyöhön ja kulturiympäristöön liittyviin hankkeisiin jaettu / Museovirasrto URL: <https://www.museovirasto.fi/fi/ajankohtaista/valtionavustukset-yhteisöjen-kulttuuriperintotyohon-jaettu> (дата обращения 24.03.2022)
9. Государственное казенное учреждение Республики Карелия Республиканский Центр по государственной охране объектов культурного наследия / Виды объектов культурного и исторического наследия URL: <http://monuments.karelia.ru/ob-ekty-kulturnogo-nasledija/vidy-ob-ektov-kul-turnogo-i-istoricheskogo-nasledija/> (дата обращения 01.12.2021)
10. Европейская конвенция об охране археологического наследия / Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [сайт] URL: <https://docs.cntd.ru/document/901809045> (дата обращения 11.02.2022)
11. Европейская хартия по охране архитектурного наследия / С.2 [сайт] URL: https://kgiop.gov.spb.ru/media/uploads/userfiles/2015/08/27/%D0%A5%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B8%D1%8F_%D0%95%D0%A1_1975.pdf (дата обращения 14.12.2021)
12. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml (дата обращения 14.03.2022)
13. Конвенция об охране нематериального культурного наследия / Организация Объединенных наций / [сайт] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (дата обращения 14.12.2021)

14. Современный толковый словарь русского языка Ефремовой URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/138335/%D0%90%D0%BD%D0%B8%D0%BC%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%BC> (дата обращения 01.12.2021)
15. ЮНЕСКО / [сайт] URL: <https://ru.unesco.org/> (дата обращения 11.12.2021)

REFERENCES

1. Aineeton Kulttuuriperintö / Suojeleminen 2020 URL: <https://www.aineetonkulttuuriperinto.fi/fi/suojeleminen> (data obrashcheniya 01.12.2021)
2. Kulttuuriperintö / Suomalaisuuden, suomalaisen kulttuurin ja perimätiedon asialla jo vuodesta 2020 URL: <https://kulttuuriperinto.fi/> (data obrashcheniya 01.12.2021)
3. Kulttuuriperintö / Suomi on hyväksynyt Unescon yleissopimuksen aineettoman kulttuuriperinnön suojelemiseksi 2020 URL: <https://kulttuuriperinto.fi/suomi-on-hyvaksynyt-unescon-yleissopimuksen/> (data obrashcheniya 01.12.2021)
4. Kulttuuriperintö / Suomi on hyväksynyt Unescon yleissopimuksen aineettoman kulttuuriperinnön suojelemiseksi 2020 URL: <https://kulttuuriperinto.fi/suomi-on-hyvaksynyt-unescon-yleissopimuksen/> (data obrashcheniya 01.12.2021)
5. Museovirasto jakoi valtionavustuksia museoiden innovatiivisille hankkeille edistämään kestävä kulltuuriperintötyötä / Museovirasrto URL: <http://www.museovirasto.fi/fi/ajankohtaista/avustuksia-museoiden-innovatiivisille-hankkeille-2022> (data obrashcheniya 14.03.2022)
6. Opetushallitus / Mitä on kulttuuriperintö? (data obrashcheniya 01.12.2021) URL: <https://www.oph.fi/fi/opettajat-ja-kasvattajat/mita-kulttuuriperinto>
7. Opetushallitus / Mitä on kulttuuriperintö? URL: <https://www.oph.fi/fi/opettajat-ja-kasvattajat/mita-kulttuuriperinto> (data obrashcheniya 01.12.2021)
8. Valtionavustukset yhteisöjen kulttuuriperintötyöhön ja kulttuuriympäristöön liittyviin hankkeisiin jaettu / Museovirasrto URL: <https://www.museovirasto.fi/fi/ajankohtaista/valtionavustukset-yhteisöjen-kulttuuriperintotyohon-jaettu> (data obrashcheniya 24.03.2022)
9. Gosudarstvennoye kazennoye uchrezhdeniye Respubliki Kareliya Respublikanskiy Tsentr po gosudarstvennoy okhrane obyektov kulturnogo naslediya / Vidy obyektov kulturnogo i istoricheskogo naslediya URL: <http://monuments.karelia.ru/ob-ekty-kul-turnogo-nasledija/vidy-ob-ektov-kul-turnogo-i-istoricheskogo-nasledija/> (data obrashcheniya 01.12.2021)
10. European Convention for the Protection of the Archaeological Heritage / Electronic Fund of Legal and Regulatory Documents [sayt] URL: <https://docs.cntd.ru/document/901809045> (data obrashcheniya 11.02.2022)
11. European Charter for the Protection of the Architectural Heritage / P.2 [sayt] URL: https://kgiop.gov.spb.ru/media/uploads/userfiles/2015/08/27/%D0%A5%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B8%D1%8F_%D0%95%D0%A1_1975.pdf (data obrashcheniya 14.12.2021)
12. Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml (data obrashcheniya 14.03.2022)
13. Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage / United Nations / [sayt] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (data obrashcheniya 14.12.2021)

14. Modern explanatory dictionary of the Russian language Efremova URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/138335/%D0%90%D0%BD%D0%B8%D0%BC%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%BC> (data obrashcheniya 01.12.2021)

15. UNESCO / [sayt] URL: <https://ru.unesco.org/> (data obrashcheniya 11.12.2021)

Сведения об авторах / Information about authors

Ренёва Евгения Анатольевна – магистрант Высшей школы международных отношений Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

E-mail: evgenia.reneva@gmail.com; ORCID: 0000-0002-8848-4366

Reneva Evgeniia A. – Higher school of international relations. Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University.

E-mail: evgenia.reneva@gmail.com; ORCID: 0000-0002-8848-4366

*Статья поступила в редакцию 18.04.2022. Одобрена после рецензирования 17.05.2022. Принята 31.05.2022.
Received 18.04.2022. Approved after reviewing 17.05.2022. Accepted 31.05.2022.*

Научная статья

УДК: 72.03

DOI: 10.48612/rg/RGW.23.10

Русская архитектура в Харбине

Цуй Лун ✉

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,

Санкт-Петербург, Россия

✉ luntsui@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5342-8495>

***Аннотация.** История создания и деятельность Китайско-Восточной железной дороги имеет большой научный интерес. Важным элементом ее влияния явилось уникальность и грандиозность широкомасштабного воздействия магистрали на развитие городов и инфраструктуры вдоль железной дороги. Классическим примером такого влияния является Харбин. Развитие этого города как крупного городского поселения, включающего в себя своеобразную планировку с элементами традиционной русской архитектуры, является своеобразным и уникальным феноменом. Необходимо исследовать, как Харбин развивался в первые годы своего существования, в чем своеобразие и уникальность этого города, какое влияние оказала русская архитектура на его облик. Существует понятие «русский Харбин» – это понятие включает начальный исторический период в становлении города. В это время в Харбине преобладало преимущественно российское население, город возводили архитекторы и инженер из России. Традиции русской архитектуры проявились как в гражданских зданиях, так и в строительстве православных церквей. Построенные все эти здания русскими архитекторами имеют большую историко-культурную ценность. Они оказали влияние на развитие градостроительства в городе. Построенные здания в русском архитектурном стиле в Харбине продолжают жить, создавая своеобразие архитектурного ландшафта города. Статья ставит перед собой задачу проанализировать процесс развития градостроительства в Харбине, а также проанализировать специфику строительства города в традиционном русском стиле.*

Ключевые слова: Китай; Россия; Харбин; китайско-восточная железная дорога; влияние; русская архитектура; городской ландшафт

Для цитирования: Цуй Лун. Русская архитектура в Харбине // Россия в глобальном мире 2022. № 23(46). С. 131–141. DOI: 10.48612/rg/RGW.23.10

© Цуй Лун, 2022. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Original article

DOI: 10.48612/rg/RGW.23.10

Russian architecture in Harbin

Cui Long ✉

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia

✉ luntsui@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5342-8495>

Abstract. *The history of the creation and operation of the Sino-Eastern Railway is of great scientific interest. An important element of its influence was the uniqueness and grandiosity of the large-scale impact of the highway on the development of cities and infrastructure along the railway. Harbin is a classic example of such influence. The development of this city as a large urban settlement, which includes a peculiar layout with the elements of traditional Russian architecture, is a peculiar and unique phenomenon. It is necessary to investigate how Harbin developed in the first years of its existence, what the uniqueness of this city was, and to discuss the influence of Russian architecture on its emergence. There is a concept of "Russian Harbin" – this concept includes the initial historical period in the formation of the city. At that time, Harbin was dominated by a predominantly Russian population; the city was built by the architects and engineers from Russia. The traditions of Russian architecture have manifested themselves both in civil buildings and in the construction of Orthodox churches. All these buildings built by Russian architects have got great historical and cultural value. They influenced the development of urban planning in the city. The buildings constructed in the Russian architectural style in Harbin continue to exist, creating a kind of architectural landscape of the city. The article aims to analyze the process of urban development in Harbin, as well as to reveal the specifics of the city's construction in the traditional Russian style.*

Keywords: China; Russia; Harbin; china-eastern railway; influence; Russian architecture; urban landscape

For citation: Cui Long. Russian architecture in Harbin. *Russia in the Global World*. 2022; 23(46): 131–141. (In Russ.). DOI: 10.48612/rg/RGW.23.10

© Cui Long, 2022. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Введение. Влияние строительства Китайско-Восточной железной дороги на китайскую архитектуру имеет большой научный интерес, о чем говорят многочисленные публикации [1]. Грандиозность и уникальность этого проекта показала, что железная дорога, протяженность которой составило более 2,5 тысяч километров, была построена в кратчайшие сроки. Вдоль трассы были построены железнодорожные станции, городские поселения и города. Градообразующими стали – города Харбин, Порт-Артур и Дальний.

Начиная с 1990-х годов стал проявляться интерес к архитектуре Харбина, особое внимание уделялось формированию русского стиля в городе. Этому вопросу были посвящены работы как российских [2], так и китайских [3] ученых.

Начало строительство Харбина было очень динамичным, что привело к созданию крупного городского поселения. Особенностью этого поселения стала необычная планировка, которая отличалась от китайских городских планировок, ее основу составляли разнообразные

архитектурные сооружения, построенные в русском стиле [4]. Можно полностью согласиться с М.Ю. Кротовой, отмечавшей, что «изучение ... истории Харбина необходимо для анализа формирования уникального типа города, ставшего после революции одним из центров русского зарубежья» [5].

Китайские источники, датированные 1864 г., сообщают, что название «Харбин», означало как «узкий остров», расположенный на реке Сунгари [6]. Основание города было положено на месте поселения Алдинь, которое было основано чжурчжэнями – племенами, обитавшие в Маньчжурии. Село представляло собой мало населенную пустыню, с примитивными постройками, на подобие китайских фанз. Для строительства нового города был выбран район «Сян-Фан» [7], получивший название Сунгари. В 1902 г. поселение Сунгари было переименовано на Харбин.

Исследовательские материалы и их обсуждение. В 1898 году началось строительство, был разработан генеральный план города архитекторами г. Санкт-Петербурга [7, с. 32]. В разработке плана приняли участие русские архитекторы М.А. Бакич, В.К. Вельс, А.К. Левтеев, И.И. Обломневский, П.С. Свиридов, Б.М. Тустановский, П.Ф. Федоровский и другие. Разработанный план имел вид отдельных районов: Модягоу, Новый Харбин, Пристань, Старый Харбин.

Политика российского правительства ставило перед собой задачу создание не только крупного железнодорожного узла, но и важного центра политического и культурного влияния не только на российском Дальнем Востоке, но в Китае. Поэтому генеральный план предусматривал четкое планирование города. Основные магистрали города прокладывались параллельно руслу реки. Перпендикулярно им строились улицы, которые создавали кварталы, выстроенные по диагонали, в меридиональном и широтном направлении проходили переулки [7, с. 32]. Такая четкая планировка Харбина, частично напоминала Санкт-Петербург. Однако следует отметить, что такая планировка совпадает и с китайскими традиционными принципами планирования столичных городов. Эти два момента дают нам возможность сделать вывод, что они были не случайны. Российские архитекторы хотели показать китайцам величие России.

Харбин в отличие от других китайских городов, оказался под большим влиянием Российской Империи. Русская культура оказала большое

влияние на архитектуру Харбина и на названия улиц. Однако, главное внимание русские архитекторы уделяли строительству в городе православных храмов [8]. Посол России в Китае Д.Д. Покотилов (1865–1908) писал: «Храм будет твердым оплотом православия и соединит для общего блага все разноплеменное население Харбина на пути мирного труда, культуры и прогресса» [7, с. 33]. В Харбине было построено 23 храма. Однако в настоящее время сохранилось только пять.

Таким образом, строительство православных храмовых сооружений стало архитектурной особенностью Харбина. Они были представлены соборами, приходскими церквями, монастырскими комплексами, церковными школами, кладбищенскими храмами и часовнями, памятными храмами, домашними церквями. Все они были построены в традициях древнерусского градостроительного канона, призванного возвеличивать Россию в Китае. Предпочтение отдавалось русскому, неорусскому и византийскому стилю. В Харбине подавляющее большинство православных храмов было построено в русском стиле [9].

1 октября 1899 г., в самом центре Харбина, в самой высокой точке, был заложен деревянный собор в честь Святителя Николая Мирликийского. Собор строился по проекту известного русского архитектора Иосифа Владимировича Подлевского (1863–1943) [10]. Одним из его проектов была церковь Покрова Святой Богородицы на территории Санкт-Петербургского Политехнического Университета им. Петра Великого. Работы по возведению храма были поручены архитектору А.К. Левтееву, первому строителю Харбина и Китайско-Восточной железной дороги [11, с. 198]. По завершению строительства храм получил название Свято-Никольский и был в ведении российских пограничных войск, в 1903 г. был переведен в ведомство Китайско-Восточной железной дороги (рис. 1). 29 февраля 1908 г. по решению Святейшего Правительствующего Синода церковь получила статус собора.

Свято-Николаевский собор стал классическим образцом неорусского стиля церковного зодчества. Своим видом собор повторял древнерусские шатровые храмы. Пятиглавый собор находился на главной площади Нового Харбина – Соборной площади. В годы «культурной революции» собор был разрушен.

Рис. 1. Свято-Никольский собор, (Харбин)
(<https://sobory.ru/photo/247112>)

Русская писательница Е. Таскина писала: «Не раз мне довелось бывать под его сводами. Много лет прошло с тех пор, как сейчас, помню эту атмосферу торжественной тишины и чего-то щемяще родного. При входе была медная доска с датой основания и именами строителей. Внутри традиционно, но скромно расписанный иконостас. Большая икона Николая Чудотворца. Сквозь витражи сверху пробивались разноцветные лучи света. Теплящиеся у икон лампы, мерцающие в полумраке свечи. Ощущение высоты, легкости и простора. Все дышало Россией, ее древними традициями» [12, с. 95].

От себя хочется отметить, что Свято-Николаевский собор был образцом русских церковных идеалов. Он воплощал образ России, как страны стремящейся к прекрасному и наполненной православными духовными ценностями. Китайские историки архитектуры считают собор «архитектурной драгоценностью» [13, с. 42].

Другой храм в Харбине – Свято-Алексеевский, так же был построен в русском стиле. Стены храма были возведены из красного кирпича в сочетании с отделкой декора белого цвета, создавался неповторимый контраст. На этом контрасте особенно выразительны были детали собора:

карнизные пояса, полуколонки на барабане, кокошники, а также оконные обрамления (рис. 2).

Рис. 2. Алексеевская церковь (Харбин)
(<http://blaginform.ru/amurchane-posetili-harbin/>)

В Харбине на православном кладбище была возведена церковь Успения Божией Матери. Она была построена в русском стиле, ее главной особенностью было легкость пропорций, изысканное декоративное убранство. Особенностью храма был западный вход, оформленный в виде арки и богато оформленные декоративные элемент характерные для древнерусской архитектуры (рис. 3).

Во всех районах Харбина строились приходские церкви. В течение первых десяти лет в городе появилось девять церквей. Они были разные по площади и оформлению. Но их всех объединял русско-византийский архитектурный стиль, призванный обозначать принадлежность построек к России [14]. Изучение православных зданий в Харбине наглядно показывает приверженность русских архитекторов к традициям православной архитектуры, которая получила плодотворное развитие за пределами России.

Рис. 3. Успенская церковь (Харбин)
(<https://pastvu.com/p/1342928>)

Создание нового Харбина предусматривало строительство жилых зданий для сотрудников Китайско-Восточной железной дороги. Были разработаны типовые проекты, они предполагали строительство одно и двухэтажных зданий. Предполагалось построить в общей сложности около 23 тысяч кв. м. Особенностью этих зданий было то, что они строились из кирпича, с крышами из черепицы или железа, с удобной планировкой, в традиционном русском стиле. Однако некоторые здания украшались элементами традиционной китайской архитектуры: драконами, с резьбой в китайском стиле [15, с. 109].

Для руководства Китайско-Восточной железной дороги возводились отдельные здания со вспомогательными службами и садами. В Харбине помимо жилых домов и культовых православных сооружений, строились административные здания: вокзал, гостиницы, учебные здания, торговые ряды. Облик Харбина постепенно превращал город в многоликую и пеструю картину. Особенностью этой картины было сочетание как старорусских, традиционных, а также новых направлений в русской архитектуре.

Примером, такого утонченного изысканного стиля могут служить особняки в стиле модерн [15, с. 172]. Этот стиль просуществовал в Харбине до конца 1930-х годов, дольше, чем в самой России. Только

первый период строительства Харбина можно назвать эпохой модерна. Он проявился в двух направлениях: общеевропейском и в освоении национальной культуры Китая [16, с. 39]. Ярким примером этого стиля является построенный в 1903 году, дом председателя правления Китайско-Восточной железной дороги [17]. В стиле модерн было построено здание Торгового дома Мацура и К., которое и сейчас находится на углу Китайской и Пекарной улиц.

Русский певец Александр Николаевич Вертинский (1889–1957), находясь на гастролях в Харбине, писал: «О самом городе я также уважу неизгладимые впечатления. Православные храмы, русские учреждения и организации, тысячи родных лиц, радужные милые семьи, где я побывал, мельчайшие черточки прежнего русского быта пробуждали в моей душе трогательные воспоминания о былой России... Харбин – это родная свеча на чужих дальних дорогах, и, покидая город, я уношу в своем сердце нежное пламя и тепло этого дорогого для всех нас огонька» [18, с. 41].

Заключение. Сформировавшийся в Харбине архитектурно-художественный стиль был в традициях русской архитектуры. Он выражался в стилях: древнерусском, неоклассицизме, модернизированном классицизме, неоклассицизме, стилях неомпир, модерн, рационализм, конструктивизм. Особо следует отметить строительство православных храмов в городе. Большая часть храмов была построена в стиле древнерусской средневековой архитектуры и деревянного зодчества, а также в византийском стиле, апеллирующим к формам исторического образца.

В итоге, можно сделать следующие выводы. Первое: активная работа российских архитекторов в г. Харбине, познакомила китайцев с русской градостроительной культурой. Второе: российские инженеры и строители творчески использовали китайский опыт при строительстве спроектированных ими сооружений. Следовательно, наблюдался процесс взаимного влияния между двумя культурами, которое оказало огромное влияние на градостроительство Харбина.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Троицкая Т. Ю. Особенности архитектуры Китайско-Восточной железной дороги: (Конец XIX - первая треть XX вв.) : Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к.арх. : Спец. 18.00.01 / Троицкая Татьяна Юрьевна ; Сиб. гос. акад. путей сообщения. - Новосибирск, 1996; Глатоленкова Е.В., Козыренко Н.Е. Два Цицикара: развитие планировочной

структуры поселений в зоне влияния Китайско-Восточной железной дороги // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. 2017. № 9. С.

2. Говердовская Л.Ф. Влияние русской и советской эмиграции на развитие архитектурного облика Харбина // Межвуз. сб. науч. тр. № 6. - Воронеж: Изд-во Воронежская гос. техн. академия, 1999. С. 36-37; Лешошко С. С. О русской архитектуре Харбина и проблемах архитектурных исследований русского зарубежья на Дальнем Востоке // Факты и версии. Историко-культурологический альманах. Исследования и материалы. СПб.: ИМИСП, 2002. Кн. 3. Русское зарубежье: политика, экономика, культура. С. 133-141.

3. Кэвэн Ван, Лига М.Б. Русская культура Харбина в российских и китайских исследованиях // Вестник Забайкальского государственного университета. 2013. № 04 (95). С. 111-117; Гао Чуньюй Влияние русской эмиграции на городскую культуру Харбина // Культура и цивилизация. 2019. Том 9. № 5-1. С. 53-58; Дин Сян. Памятники русской архитектуры и культуры в Харбине // Культура и цивилизация. 2018. Том 8. № 5А. С. 37-常怀生. 哈尔滨建筑艺术 (Чан Хуайшэн Хаэрбин диан джу и шу хэйлунцзян кэ сюэ ти шу чубань шэ) Чан Ху

4. Крадин Н.П. Русское архитектурное наследие в Харбине // Россия и АТР. 2003. № 1 (39). С. 79-88.

5. Кротова М.В. Харбин — аванпост русской промышленности, торговли и культуры в Маньчжурии (1898—1917): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1996. С. 3.

6. Говердовская Л. Ф. Русская эмиграция и православная церковь в Китае (1917-1945 гг.) [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.vladivostok-eparhia.ru/> (дата обращения 20.03.2022 г.).

7. Шевцова Т.И. Русская архитектура за рубежом: Харбин далекий и близкий // Санкт-Петербургская панорама. 1993. № 9. С. 32-34.

8. Векшина Н. Православная архитектура как часть миссионерской политики России в Китае // Путь Востока: Универсализм и партикуляризм в культуре. Выпуск 34 / Материалы VIII Молодежной научной конференции по проблемам философии, религии, культуры Востока Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2005. С. 50-57.

9. Масленникова Д.С. Русский стиль в архитектуре православных храмов в Китае // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2007. № 3. С. 28-32.

10. Архитектор Иосиф Владимирович Падлевский (1863-1943). К 150-летию со дня рождения //URL: <https://elib.spbstu.ru/dl/2/3870.pdf/download/3870.pdf>

11. Крадин Н.П. Свято-Николаевский собор в Харбине как символ русской православной культуры // Рябининские чтения 2015. Материалы VII конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера // Отв. ред. – доктор филологических наук Т.Г. Иванова. Музей-заповедник «Кижы». Петрозаводск. 2015. 596 с.

12. Таскина Е. Неизвестный Харбин: [Рус. Харбин на рубеже XX в. и в 20-е гг.]/ Елена Таскина -М.: Прометей, 1994. 159 с.

13. Чан Хуайшэн. Архитектура Харбина. Харбин, 1990. 298 с.

14. РГИА. ф. 796. оп. 188. ед. хр. 7665, С. 93.

15. Мелехов Г. В. Маньчжурия далекая и близкая. М., Наука. 1991. 319 с.

16. Лешошко С.С. О русской архитектуре Харбина и проблемах архитектурных исследований Русского Зарубежья на Дальнем Востоке // Факты и версии: историко-

культурный альманах. Русское зарубежье: политика, экономика, культура. СПб.: ТОГУ, 2002. С. 34-42.

17. Нилус. Е.Х КВЖД. Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги. 1896-1923 гг. / По поручению Правления О-ва и под редакцией Специальной комиссии составил агент Правления О-ва Е. Х. Нилус. - Харбин : Типографии Кит. Вост. жел. дор. и Т-ва "Озо", 1923. С. 142.

18. Печерица В.Ф. Духовная культура русской эмиграции в Китае. Владивосток, Изд-во Дальневост. Ун-та. 1998. 274 с.

REFERENCES

1. Troitskaya T. Yu. Osobnosti arkhitektury Kitaysko-Vostochnoy zheleznoy dorogi: (Konets XIX - pervaya tret XX vv.) : Avtoref. dis. na soisk. uchen. step. k.arkh. : Spets. 18.00.01 / Troitskaya Tatyana Yuryevna ; Sib. gos. akad. putey soobshcheniya. - Novosibirsk, 1996; Glatolenkova Ye.V., Kozyrenko N.Ye. Dva Tsitsikara: razvitiye planirovochnoy struktury poseleniy v zone vliyaniya Kitaysko-Vostochnoy zheleznoy dorogi // Vestnik Belgorodskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta im. V.G. Shukhova. 2017. № 9. S.

2. Goverdovskaya L.F. Vliyaniye russkoy i sovetskoy emigratsii na razvitiye arkhitekturnogo oblika Kharbina // Mezhev. sb. nauch. tr. № 6. - Voronezh: Izd-vo Voronezhskaya gos. tekhn. akademiya, 1999. S. 36-37; Levoshko S. S. O russkoy arkhitekture Kharbina i problemakh arkhitekturnykh issledovaniy russkogo zarubezhya na Dalnem Vostoke // Fakty i versii. Istoriko-kulturologicheskiy almanakh. Issledovaniya i materialy. SPb.: IMISP, 2002. Kn. 3. Russkoye zarubezhye: politika, ekonomika, kultura. S. 133-141.

3. Keven Van, Liga M.B. Russkaya kultura Kharbina v rossiyskikh i kitayskikh issledovaniyakh // Vestnik Zabaykalskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 04 (95). S. 111-117; Gao Chunyuy Vliyaniye russkoy emigratsii na gorodskuyu kulturu Kharbina // Kultura i tsivilizatsiya. 2019. Tom 9. № 5-1. S. 53-58; Din Syan. Pamyatniki russkoy arkhitektury i kultury v Kharbine // Kultura i tsivilizatsiya. 2018. Tom 8. № 5A. S. 37-常怀生 . 哈尔滨建筑艺术 (Chan Khuayshen Khaerbin dian dzhu i shu kheylyuntszyan ke syue ti shu chuban she) Chan Khu

4. Kradin N.P. Russkoye arkhitekturnoye naslediye v Kharbine // Rossiya i ATR. 2003. № 1 (39). S. 79-88.

5. Krotova M.V. Kharbin — avanpost russkoy promyshlennosti, trgovli i kultury v Manchzhurii (1898—1917): Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. SPb., 1996. S.3.

6. Goverdovskaya L. F. Russkaya emigratsiya i pravoslavnaya tserkov v Kitaye (1917-1945 gg.) [Elektronnyy resurs] - Rezhim dostupa: <http://www.vladivostok-eparhia.ru/> (data obrashcheniya 20.03.2022 g.).

7. Shevtsova T.I. Russkaya arkhitektura za rubezhom: Kharbin dalekiy i blizkiy // Sankt-Peterburgskaya panorama. 1993. № 9. S. 32-34.

8. Vekshina N. Pravoslavnaya arkhitektura kak chast missionerskoy politiki Rossii v Kitaye // Put Vostoka: Universalizm i partikulyarizm v kulture. Vypusk 34 / Materialy VIII Molodezhnoy nauchnoy konferentsii po problemam filosofii, religii, kultury Vostoka Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskoye filosofskoye obshchestvo, 2005. S. 50-57.

9. Maslennikova D.S. Russkiy stil v arkhitekture pravoslavnykh khramov v Kitaye // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. 2007. № 3. S. 28-32.

10. Arkhitekto Iosif Vladimirovich Padlevskiy (1863-1943). K 150-letiyu so dnya rozhdeniya // Available at <https://elib.spbstu.ru/dl/2/3870.pdf/download/3870.pdf>
11. Kradin N.P. Svyato-Nikolayevskiy sobor v Kharbine kak simvol russkoy pravoslavnoy kultury // Ryabininskiye chteniya 2015. Materialy VII konferentsii po izucheniyu i aktualizatsii kulturnogo naslediya Russkogo Severa // Otv. red. – doktor filologicheskikh nauk T.G. Ivanova. Muzey-zapovednik «Kizhi». Petrozavodsk. 2015. 596 s.
12. Taskina Ye. Neizvestnyy Kharbin: [Rus. Kharbin na rubezhe XX v. i v 20-ye gg.]/ Yelena Taskina - M.: Prometey, 1994. - 159 s.
13. Chan Khuayshen. Arkhitektura Kharbina. Kharbin, 1990. 298 s.
14. RGIA. f. 796. op. 188. yed. khr. 7665, S. 93.
15. Melekhov G. V. Manchzhuriya dalekaya i blizkaya. M., Nauka. 1991. -319 s.
16. Levoshko S.S. O russkoy arkhitekture Kharbina i problemakh arkhitekturnykh issledovaniy Russkogo Zarubezhya na Dalnem Vostoke // Fakty i versii: istoriko-kulturnyy almanakh. Russkoye zarubezhye: politika, ekonomika, kultura. –SPb., 2002. S. 34-42.
17. Nilus. Ye.Kh KVZhD. Istoricheskiy obzor Kitayskoy Vostochnoy zheleznoy dorogi. 1896-1923 gg. / Po porucheniyu Pravleniya O-va i pod redaktsiyey Spetsialnoy komissii sostavil agent Pravleniya O-va Ye. Kh. Nilus. - Kharbin : Tipografii Kit. Vost. zhel. dor. i T-va "Ozo", 1923. S. 142
18. Tsit. po: Pecheritsa V.F. Dukhovnaya kultura russkoy emigratsii v Kitaye. - Vladivostok, Izd-vo Dalnevost. Un-ta. 1998. – 274 s.

Сведения об авторах / Information about authors

Цуй Лун – ассистент Высшей школы международных отношений, сотрудник международной службы Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

E-mail: luntsui@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-5342-8495

Cui Long – Higher school of international relations. Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University.

E-mail: luntsui@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-5342-8495

*Статья поступила в редакцию 19.05.2022. Одобрена после рецензирования 25.05.2022. Принята 07.06.2022.
Received 19.05.2022. Approved after reviewing 25.05.2022. Accepted 07.06.2022*

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ REVIEWS

Рецензия
УДК: 327
DOI: 10.48612/rg/RGW.23.11

Цифровая эпоха и новые подходы к глобальной безопасности

Кузнецов Дмитрий Иванович ✉
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
✉ dkuznec@list.ru

***Аннотация.** В статье рассматриваются новые подходы и осмысление гибридных войн, как в эпоху цифровой революции стремительно формируется совершенно новый смыслогенез и трансформируется глобальная безопасность. На примере новой монографии «Асфотроника: на пути к теории глобальной безопасности» профессора И.Ф. Кефели сделан анализ управления глобальными рисками, включая психическую, когнитивную и эмоциональную деятельность человека. Рассматривается проблема утраты смысла социального бытия в современном мире и эволюция человека в процессе формирования глобальной безопасности, а также как информационные войны и пропаганда отражается на образе жизни современного общества. Дан анализ асфотроники как нового научного направления в глобалистике, предметом которой является глобальная безопасность, охватывающая все сферы человеческой деятельности и прежде всего войну смыслов, где глобальная безопасность охватывает всё многообразие функций и структур обеспечения саморазвития, устойчивости, надежности, безопасности существования био-, социо-, когно- и техносферы.*

Ключевые слова: гибридная война; цифровая революция; глобальная безопасность; асфотроника; служебный человек; антропоцен; социальное бытие

Для цитирования: Кузнецов Д.И. Цифровая эпоха и новые подходы к глобальной безопасности // Россия в глобальном мире 2022. № 23(46). С. 142–152. DOI: 10.48612/rg/RGW.23.11

© Кузнецов Д.И., 2022. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Review
DOI: 10.48612/rg/RGW.23.11

The digital age and new approaches to global security

Dmitry I. Kuznetsov ✉

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
✉ dkuznec@list.ru

Abstract. *The article discusses the new approaches and understanding of hybrid wars, how in the era of the digital revolution a completely new meaning genesis is rapidly being formed and global security is being transformed. The analysis of global risk management, including mental, cognitive and emotional human activity was made using the example of the new monograph "Asphotronics: on the way to the theory of global security" written by Professor I.F. Kefeli. The problem of the loss of social life meaning in the modern world and the evolution of man in the process of forming global security are considered, as well as the problem of how information wars and propaganda affect the lifestyle of modern society. The analysis of asphotronics as a new scientific direction in globalistics is given, the subject of which is global security, covering all spheres of human activity and, above all, the war of meanings, where global security covers the whole variety of functions and structures for ensuring self-development, stability, reliability, security of the existence of bio-, socio-, cogno- and techno-spheres.*

Keywords: hybrid war; digital revolution; global security; asphotronics; service man; anthropocene; social being

For citation: Kuznetsov, D.I. The digital age and new approaches to global security. *Russia in the Global World*. 2022; 23(46): 142–152. (In Russ.). DOI: 10.48612/rg/RGW.23.11

© Kuznetsov, D.I., 2022. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

То, что случилось два года назад в Ливане, в Бейруте, наглядный пример пренебрежительного отношения к асфатронике – науке о глобальной безопасности. Взрыв селитры в Бейрутском порту со всей наглядностью продемонстрировал, что у ливанцев как на государственном, так и на бытовом уровне совершенно отсутствовал «ген безопасности». Последствия этой трагедии всем хорошо известны – более 150 погибших, 5 тысяч раненных и более 300 тысяч жителей города потеряли свои дома и квартиры. В ракурсе данных событий новая книга доктора философских наук, профессора Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации Игоря Федоровича Кефели приобретает особую актуальность. К этому явлению в полной мере можно отнести и возникновение пандемии под названием COVID-19, которая, несомненно,

стала уже элементом «гибридной войны» в независимости от её естественного или искусственного происхождения.

В своей монографии «Асфотроника: на пути к теории глобальной безопасности» И.Ф. Кефели пишет, что сегодня в эпоху цифровой революции стремительно формируется совершенно новый смыслогенез, который в своём последнем произведении «Апокалипсис нашего времени» предрекал ещё Василий Розанов, когда речь там заходила о кризисе временного измерения. В настоящее время к одному из таких символов смыслогенеза можно отнести и асфатронику (от греч. ασφάλεια – безопасность и ηλεκτρόνιο – электрон) – новое научное направление в глобалистике, предметом которой является глобальная безопасность, охватывающая все сферы человеческой деятельности. Кроме того, в контексте асфатроники императивы глобальной безопасности выходят за пределы международных отношений и претендуют уже на управление указанными глобальными рисками в условиях становления шестого технологического уклада, промышленной революции 4.0 и наступления новой геологической эпохи в истории Земли – антропоцена, обозначающего геологическую эпоху с уровнем человеческой активности, где *homo sapiens technicos* играет уже самую главную роль в изменении окружающей среды. То есть, по мнению автора, человек входит в новую геологическую эпоху, внося биогеофизические изменения планетарного масштаба. То есть мы считаем, что наступила «эпоха господства человека над всеми сферами (all aspects) нашей планеты, включая ее биогеохимический состав» [1, p. vii].

По мнению автора сегодня асфатроника претендует на позицию целостного научно-технологического знания о безопасности как атрибуте живых, социальных и технических систем, или другими словами можно сказать, что она претендует на статус теории глобальной безопасности. Данной области знания автор предлагает дать название асфатроника (от греч. ασφάλεια – безопасность и ηλεκτρόνιο – электрон). Таким образом асфатроника – это научное направление в изучении феномена безопасности, основой которого выступают энергоинформационные процессы в биологических (биосферных), социальных и больших технических системах. Сюда же можно отнести психическую,

когнитивную и эмоциональную деятельность человека, для которой проблема обеспечения безопасности не менее актуальна; в таком случае видовой детализацией родового определения асфатроники предстает асфацефатроника (от греч. ασφάλεια – безопасность, κεφάλι – голова, εγκεφάλος – головной мозг, ηλεκτρόνιο – электрон). Объектом асфатроники выступает безопасность, определяемая в предельном плане как отсутствие опасности, недопустимого риска, а предметом – энергоинформационные процессы обеспечения безопасности, охватывающие все уровни организации биологических, социальных и технических систем управления (от нано- до макроуровня). Область исследований асфатроники – экологическая, военная, геополитическая, техногенная, экономическая, социальная, информационно-психологическая, когнитивная и другие виды безопасности. Глобальную безопасность следует рассматривать, не ограничиваясь только экологической проблематикой и международными отношениями. Она охватывает все многообразие функций и структур обеспечения саморазвития, устойчивости, надежности, безопасности существования био-, социо-, когно- и техносферы.

Одной из актуальных сторон книги является то, что в ней как с методологической, так и с онтологической точки зрения анализируются глобальные риски современного мира – экологические, геополитические, экономические, социальные и технологические – и предлагается авторское толкование нового научного направления глобалистики – асфатроники. В какой-то степени книга предполагает новое прочтение знаменитого тезиса Протагора «Человек есть мера всех вещей, существующих, что они существуют, и несуществующих, что они не существуют» (Платон, «Теэтет», 152a): «несуществующие вещи» – это как раз те явные и еще не выявленные угрозы, риски, опасности, требующие гуманистического осмысления и «измерения». Трансляция этих представлений в русло сугубо научных рассуждений и обоснований предполагает формирование нового научного направления в исследовании проблем глобальной безопасности – безопасности существования, развития и функционирования биологических (биосферных), социальных и больших технических систем, которым присущи общие закономерности и соответствующие нанотехнологические решения. Но при этом автор

монографии учитывает, что сегодняшний ландшафт рисков в значительной степени определяется нестабильной геополитической средой, в которой формируются новые центры силы и влияния, в то время как старые альянсы и глобальные институты подвергаются очень существенным изменениям. Связано это в первую очередь с тем, что современные революции в биотехнологиях и искусственном интеллекте заставляют нас переосмысливать само понятие человека.

Хотя на сегодняшний день антропоцен формально еще не считается самостоятельной геологической единицей в пределах геологической шкалы времен, однако автор считает, что это понятие уже скоро войдет в нашу повседневную жизнь, приводя пример, что формальное признание антропоцена уже разрабатывается на основании рекомендаций IGC (2016 г.). При этом учёный предупреждает, что сегодня возникла реальная технологическая возможность в процессе эволюции человека: цель – создать принципиально новый подвид *Homo sapiens* – „служебного“ человека... А свойство популяции „служебных“ людей очень простое: ограниченное самосознание, и когнитивное его регулирование. Вторая вещь – управление размножением, и третья вещь – дешевый корм, это генномодифицированные продукты. Ко всем трём вещам человечество уже готово, поэтому сегодня фактически уже созрела реальная технологическая возможность выведения „служебного“ подвида людей. Здесь уместно вспомнить советского философа Александра Зиновьева: «Одно из важнейших последствий наступившей эпохи (если не самое важное) является утрата смысла социального бытия людей. ...Если в двух словах подвести итог эволюции человечества за прошедшую историю, он уложится в одну-единственную фразу: человечество как целое утратило смысл самого своего социального бытия. Оно убило сам фактор своего понимания... Наиболее вероятный конец человечества – воинствующая глупость. Человечество погибнет от своей глупости» [2].

С этой точкой зрения Александра Зиновьева можно дискутировать, но автор книги рассматривает её с точки зрения асфатроники, полагая, что после подобной «реновации» новая общность не имела бы право называться человечеством, поскольку неизбежно лишилась бы не только многих важнейших человеческих качеств (солидарность, гуманизм), но и

того, что со времен Канта принято называть категорическим императивом. А значит, такое общество не будет нуждаться в высоких образцах художественной литературы, музыки, живописи. Численность населения, по мнению автора, будет ограниченной и стабильной, а все прежние импульсы развития ослабнут или вовсе исчезнут, но при этом может еще долго сохраняться сложившаяся инерция дальнейшего сокращения. В конце концов, есть все основания предположить, что главным «фактором своего понимания» постчеловечного общества будет понимание того, что существование такого общества вообще не имеет никакого смысла, и оно в итоге исчезнет не вследствие космической катастрофы, а вполне естественным образом – именно из-за отсутствия «смысла социального бытия». При этом сам человек со стремительной скоростью создаёт технологии, направленные против самого себя, то есть, по сути, занимается цивилизационным саморазрушением. Еще одна «темная сторона» цифрового мира – мы не успеваем реагировать на него и даже понимать его суть. Несмотря на огромные преимущества, новые технологии способствуют совершению преступлений, разжиганию ненависти, фальсификации информации, угнетению и эксплуатации людей, не говоря уже о вторжении в частную жизнь. А сам же человек, особенно это наглядно высветила эпоха пандемии COVID-19, стал страдать от «цифрового ожирения».

Однако размышляя над распространением сетевых технологий на планете, мы постоянно увлекаемся поисками ответа на связанные с этим вопросы: кто будет обладать в будущем большей властью – гражданин или государство? Облегчит или усложнит жизнь террористов развитие технологий? Как связана тайна частой жизни с безопасностью, чем придётся пожертвовать ради того, чтобы стать частью новой цифровой эпохи? [3].

На эти и многие другие вопросы мы можем найти ответы в монографии И.Ф. Кефели. Особое внимание автор уделяет работе Давосского экономического форума, в центре которого в последнее десятилетие оказался мониторинг глобальных рисков (геополитических, экологических, экономических, социальных и технологических), результаты которого приводились в ежегодных докладах к очередному форуму. В разряд технологических рисков оппоненты включили, в частности, реальные и потенциальные риски, связанные с внедрением

искусственного интеллекта (ИИ) во все сферы человеческой деятельности. Но самый главный риск, которому сегодня подвергается Российская Федерация – это гибридная война и самая главная её часть – информационная война. По меткому замечанию И.Ф. Кефели: «Тот, кто контролирует источники информации на данной территории, контролирует и саму территорию». В своей монографии автор убедительно даёт объяснение, чем отличается пропаганда от информационной войны, которая в современном мире направлена на определенные объекты и осуществляется с помощью сетевых технологий и методов. Такое противостояние получило название «гибридная война» (hybrid warfare), основой которой является массированное воздействие на морально-психологическое состояние руководства и населения страны-противника. Более того, гибридная война по своей сути носит глобальный характер – цивилизационный и геополитический, представляя собой череду конфликтов, в которых противник способен применять одновременно все способы ведения войны, соединяя их «для удовлетворения собственных стратегических культурных и географических целей».

Сложившаяся ситуация в полной мере характеризует информационно-идеологические функции войны смыслов, т. е. ключевое звено гибридных войн. А.А. Бартош, анализируя процесс трансформации функций НАТО (со времени зарождения этого военно-политического альянса), обратил внимание на появление принципиально новой его функции: «служить информационно-идеологическим каналом для международной социализации государств, стремящихся вступить в альянс, для общения с государствами-партнерами, другими международными организациями» [4]. Тем самым НАТО преобразуется, по справедливому замечанию А.А. Бартоша, в глобальную гибридную военно-политическую структуру. Более того, «по сравнению с „холодной войной“, – отмечает этот же автор, – решающим фактором в трансформации современных конфликтов является переход от противостояния в идеологической сфере к конфронтации цивилизационной, т. е. к войне цивилизаций и смыслов их существования, что составляет суть современного противостояния. Победитель в войне смыслов не столько выигрывает пространство и даже право распоряжаться ресурсами побежденного государства, сколько завоевывает себе право определять его будущее» [5].

Кибервойна (точнее, операции в киберпространстве, проводимые в ходе войны, а в мирное время – это диверсии, теракты, идеологическая обработка гражданского населения) является одним из магистральных направлений революции в военном деле, приведшим к появлению гибридных войн (их еще называют многомерными нелинейными войнами). Поэтому для цивилизационного подхода информационно-психологическая война и информационно-психологическая безопасность представляют научный интерес в той мере, в какой акторы цивилизационного противоборства (ими выступают в современном мире сложившиеся гецивилизации: западная и славяно-православная, китайская и индская, арабо-мусульманская и тропически-африканская, латиноамериканская) смогут предложить символический капитал культуры, выражающий образ национальной или наднациональной (цивилизационной) идеи. Цивилизационный код, образцы материальной, духовной и социальной культуры каждого из этих акторов в первую очередь находятся под информационно-психологическим воздействием. При этом автор постоянно даёт нам понять, что человек в большей степени функционирует не как *Homo sapiens* (человек разумный), а как *Homo faber* (человек действующий), то есть, можно сказать, что современный человек является центром, в котором объединяется разумное начало с технической деятельностью. Это в свою очередь откладывает отпечаток и на современный терроризм, направленный сегодня не на отдельных государственных личностей, а на невинных людей. В дореволюционной России теракты проводились против отдельных высокопоставленных лиц, заочно обвиненных боевиками в народных страданиях. Что же касается современных террористов, то они исходят из идеи «коллективной вины». Для них каждый член той или иной социальной общности, включая детей, женщин, стариков, должен нести определенную долю ответственности за всё, что происходит в обществе и государстве [6].

Но есть ли надежда, что в процессе исторической эволюции человечество сумеет разрешать возникающие противоречия с помощью не оружия, а разума? Сегодняшние расовые волнения в США заставляют нас в этом усомниться, хотя в самой человеческой природе заложено стремление к единству. Вернадский предполагал, что «скрещивание рас» приводит к биологическому единству человечества. Конечно, автору всё-

таки кажется, что расовая нетерпимость – явление уходящего времени. Любой этнос стремится к сохранению своей идентичности, потому и необходим длительный исторический путь развития цивилизации, чтобы нивелировать этот генетически заложенный стереотип.

В своей монографии И.Ф. Кефели убедительно просматривает взаимосвязь автотрофных и ноосферных представлений. Если автотрофность предполагает создание «материальной» основы деятельности социума, способного в рамках научно-технического и социокультурного развития «снять» опасность остроты давления на биосферу, то ноосферная стратегия в большей степени исходит из «идеальных» ориентиров. Речь идет о новом типе развития цивилизации, ее космической экспансии, формировании иных стереотипов бытия и др. Автотрофно-ноосферная концепция создает предпосылки не только для экономического роста и удовлетворения потребностей социума, но и ориентируется на сохранение равновесия исторически сложившихся экосистем. Автор ещё раз отсылает нас к идеям Вернадского, где они базируются на стратегиях устойчивого развития, реализация которых предполагает разрешение тех же проблем. В их основе – удовлетворение рациональных потребностей социума и сохранение устойчивости биосферы.

Сегодня мы живём в мире, когда природа уже чуть ли не полностью слилась с Интернетом. То, о чём в своё время говорил В.И. Вернадский в работе «О биогеохимии» о гео-, био- и ноосфере уже по многим параметрам реализовалось в современном мироустройстве. При этом в XXI веке физиками выявлена ещё одна грань тайны природы. Как существует квантово-волновой дуализм света, так существует и аналого-цифровой дуализм, объединяющий физические, биологические и информационные процессы воедино. Нечто подобное происходило при зарождении квантовой физики в начале XX в. Можно предположить, что цифровое и аналоговое – это две стороны одних и тех же процессов, как волновые и корпускулярные процессы в физике. Соответственно выделению цифрового и аналогового мира можно выделить две базовые методологии науки:

- первая лежит в основе естественных наук или физики в широком смысле. В основе природных процессов находится энергия, «приводящая

все в порядок» (Лейбниц). Цель этой методологии – открытие законов природы;

- вторая – кибернетика – выделяет процессы управления среди других процессов, протекающих в природе. Цель – создание автоматов, осуществляющих оптимальное управление в той или иной предметной области и, возможно, замещающих человека в его предметной и интеллектуальной деятельности.

Асфатроника исходит из того, что любой аналого-цифровой объект характеризуется триединством вещества, энергии и информации. Основу безопасности объекта составляют гены безопасности – такие части объекта, нарушение целостности которых неизбежно ведет к разрушению самого объекта. Общее свойство генов безопасности – это зависимость от комплексных вещественно-энергоинформационных процессов, происходящих в самом гене безопасности и его внешнем окружении. Использование методов асфатроники для задач синтеза предполагает комплексный учет вещественно-энергоинформационных процессов: то же цифровое производство предполагает информатизацию не только процессов управления, но и автоматизированные процессы материального производства, распределения, обмена и потребления.

Важное преимущество данного научного труда И.Ф. Кефели «Асфотроника: на пути к теории глобальной безопасности» заключается в выявлении болевых точек современности и в глубоком анализе того, «что пришло время смены парадигмы глобальной безопасности, онтологические основания которой следует выявлять, с одной стороны, в структурах, процессах и механизмах нано уровня, с другой – в масштабе глобальной эволюции, очередным этапом которой начинает признаваться антропоцен. Такая смена парадигмы самым непосредственным образом касается и критических технологий, которые, несомненно, должны в своем развитии быть ориентированы на конструктивное воплощение представлений о генах безопасности и аналого-цифрового дуализма» [7].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Weizsaecker E.U., Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. A Report to the Club of Rome. Springer, 2018. – 232 p.
2. Зиновьев А. Фактор понимания. М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – 528 с.

3. Шмидт Э., Коэн Д. Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государств. Москва, 2013. – 368 с.
4. Бартош А.А. Гибридизация НАТО как угроза национальной безопасности России // Вестник Академии военных наук РФ. 2018. № 1(62). С. 24–31 [Электронный ресурс]. URL: [http://www.avnrf.ru/attachments/article/1034/AVN-1\(62\)_001184_maket_print_21-05.pdf](http://www.avnrf.ru/attachments/article/1034/AVN-1(62)_001184_maket_print_21-05.pdf) (дата обращения: 10.02.2019).
5. Бартош А.А. Стратегия и контрстратегия гибридной войны [Электронный ресурс]. URL: <http://vm.milportal.ru/strategiya-i-kontrstrategiya-gibridnoj-vojny/> (дата обращения: 17.02.2019).
6. Акаев В.Х., Келигов М.Ю., Нанаев Б.Б. Пути противодействия экстремизму и терроризму: теоретико-методологический подход. Грозный, ГГНТУ, 2019 – 64 с.
7. Кефели И.Ф. Асфотроника: на пути к теории глобальной безопасности: монография. СПб, ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2020. – 228 с.

REFERENCES

1. Weizsaecker E.U., Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. A Report to the Club of Rome. Springer, 2018. – 232 p.
2. Zinov'ev A. Faktor ponimaniya. M.: Algoritm, Jeksmo, 2006. – 528 s.
3. Shmidt Je., Kojen D. Novyj cifrovoy mir. Kak tehnologii menjajut zhizn' ljudej, modeli biznesa i ponjatie gosudarstv. Moskva, 2013. – 368 s.
4. Bartosh A.A. Gibridizacija NATO kak ugroza nacional'noj bezopasnosti Rossii // Vestnik Akademii voennyh nauk RF. 2018. № 1(62). S. 24–31 [Jelektronnyj resurs]. Available at [http://www.avnrf.ru/attachments/article/1034/AVN-1\(62\)_001184_maket_print_21-05.pdf](http://www.avnrf.ru/attachments/article/1034/AVN-1(62)_001184_maket_print_21-05.pdf) (accessed: 10.02.2019).
5. Bartosh A.A. Strategija i kontrstrategija gibridnoj vojny [Jelektronnyj resurs]. Available at <http://vm.milportal.ru/strategiya-i-kontrstrategiya-gibridnoj-vojny/> (accessed: 17.02.2019).
6. Akaev V.H., Keligov M.Ju., Nanaev B.B. Puti protivodejstvija jekstremizmu i terrorizmu: teoretiko-metodologicheskij podhod. Groznyj, GGNTU, 2019 – 64 s.
7. Kefeli I.F. Asfotronika: na puti k teorii global'noj bezopasnosti: monografija. SPb, IPC SZIU RANHiGS, 2020. – 228 s.

Сведения об авторах / Information about authors

Кузнецов Дмитрий Иванович – доктор философских наук, профессор кафедры общественных наук Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

E-mail: dkuznec@list.ru

Kuznetsov Dmitry I. – Doctor of Philosophy. Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University.

E-mail: dkuznec@list.ru

Статья поступила в редакцию 27.04.2022. Одобрена после рецензирования 28.05.2022. Принята 07.06.2022
Received 27.04.2022. Approved after reviewing 28.05.2022. Accepted date 07.06.2022.

**«Россия в глобальном мире»
«Russia in the Global World»**

№ 23 (46)

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Санкт-Петербургский государственный политехнический университет»

Редакция журнала:

Лбова Л.В. – главный редактор
Погодин С.Н. – ответственный редактор
Сидорчук И.В. – ученый секретарь журнала
Рябова А.Л. – перевод на английский язык
Лютинская О.В. – компьютерная верстка

Подписано в печать

Усл. печ.

Печать цифровая

Тираж

Формат 60x84/16

Заказ

*Отпечатано с готового оригинал-макета
В Издательско-типографическом центре Политехнического университета
Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29*

«Россия в глобальном мире»
«Russia in the Global World»

№ 23 (46)

Founder – Federal State Educational Institution of Higher Education
“St. Petersburg State Polytechnic University”

Editorial Board:

Lbova L.V. – Editor in Chief

Pogodin S.N. – Executive Editor

Sidorchuk I.V. – Manuscript Editor Scientific Secretary of the Journal

Riabova A.L. – the English Translation of

Liutinskaia O.V. – WEB Editor DTP

Signed for printing
Conventional Printed Sheet

Format 60x84/16
Circulation

Order

*Printed with the final camera-ready, provided by the editorial board,
published in the Publishing House of the Polytechnic University.
29, Polytechnicheskaya, Saint-Petersburg, Russia, 195251*

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ

в журнале «Россия в глобальном мире» = «Russia in the Global World»

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Журнал «Россия в глобальном мире» является периодическим печатным научным рецензируемым изданием.

С 2012 г. журнал выпускался два раза в год как самостоятельное периодическое печатное издание под двойным названием: **«Россия в глобальном мире» = «Russia in the Global World»** с правом опубликования статей на русском и английском языках. С 2021 г. издание выходит 4 раза в год.

В системе "Международной стандартной нумерации сериальных изданий" (International standard serial numbering) ему присвоен номер ISSN 2304-9472.

Информация обо всех публикациях журнала отображается в библиографической базе Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Выпуски журнала рассылаются в ведущие библиотеки России, стран ближнего и дальнего зарубежья.

При отборе статей редколлегия руководствуется научно-редакционной политикой издания и соблюдением принципов публикационной этики <https://russiaglobal.spbstu.ru/>. Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При цитировании статей и перепечатке материалов журнала ссылка обязательна.

Журнал освещает проблемы изучения взаимоотношений России с другими странами в контексте процессов глобализации. Публикует научные обзоры, статьи проблемного и научно-практического характера, в которых рассматриваются региональные: экономические, политические, социокультурные и правовые аспекты международных отношений. Издание имеет междисциплинарный характер и адресовано специалистам в области регионоведения, истории, философии, культурологии, политологии, социологии и экономики.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ

Статья должна содержать законченный и логически цельный материал, посвященный актуальной научной проблеме. Во введении необходимо обосновать проблему исследования и актуальность работы, сформулировать задачи исследования, представить краткий обзор по тематике, при необходимости включая описание исследовательских методов и фактических материалов изучения. Рекомендуется завершить обсуждением научных результатов и выводами или рекомендациями по практическому использованию материалов исследования в практике. Название статьи должно быть кратким и отражать основную идею ее содержания. В названии не рекомендуется использовать аббревиатуры и сокращения. Принимаются оригинальные, ранее не опубликованные статьи, содержащие самостоятельно полученные авторами научные результаты и публикуются в соответствии с тематическими разделами.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

1. Объем статей 8–10 страниц формата А-4, с учетом графических вложений. Количество рисунков не должно превышать трех, таблиц – двух; литературных источников – **не менее десяти**.

2. Авторы должны придерживаться следующей обобщенной структуры статьи: вводная часть (0,5–1 стр., актуальность, существующие проблемы); основная часть

(постановка и описание задачи, изложение материалов и суть основных научных результатов, дискуссия); заключительная часть (0,5–1 стр., предложения, выводы).

3. Число авторов статьи не должно превышать трех человек.

4. Набор текста осуществляется в редакторе MS Word, формулы – в редакторе MS Equation. Таблицы набираются в том же формате, что и основной текст.

5. Шрифт – Times New Roman, размер шрифта основного текста – 14, интервал – множитель 1,2; таблицы большого размера могут быть набраны 12 кеглем. Параметры страницы: поля слева – 2,7 см, сверху, снизу – 2,5 см, справа – 2,7 см. Текст размещается без переносов. Абзацный отступ – 1,3 см.

ПОРЯДОК ОФОРМЛЕНИЯ

Статья оформляется в соответствии с приведенной структурой:

- **УДК** в соответствии с классификатором (в заголовке статьи);
- **сведения об авторах блоком / authors** (на русском / английском языке) на каждого автора заполняется отдельно: фамилия, имя, отчество полностью, место работы, должность, ученое звание, ученая степень, контактные телефоны, e-mail;
- **название статьи** (до 12 слов, включая предлоги) на русском и английском языках;
- **аннотация / abstract** (на русском / английском языке): не менее 200 слов: с указанием новизны исследования и методов, использованных при его проведении; аннотация на русском языке и ключевые слова указываются через пробел ниже названия статьи;
- **ключевые слова / keywords** (на русском / английском языке) не должны повторять название статьи;
- **текст статьи** на русском языке или на английском языке, в соответствии с техническими требованиями;
- **список источников** на русском языке должен быть оформлен в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. "Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления". Цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи **в порядке упоминания**. Порядковый номер в тексте заключается в квадратные скобки.

Примеры оформления источников и транслитерации

1. Борисов О.Б., Колосков Б.Т. Советско-китайские отношения. 1945–1980. 3-е изд., доп. М.: Мысль, 1980. – 638 с.

1. Borisov O.B., Koloskov B.T. Sovetsko-kitajskie otnosheniya. 1945–1980. [Soviet-chinese relations. 1945–1980] 3-e izd., dop. M.: Mysl', 1980. – 638 s. (In Russ.).

2. Алескерова Н.Э. Некоторые сведения об истории и мировоззрении средневекового суфийского братства Халватийа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. Востоковедение и африканистика. 2011. Вып. 4. С. 13–23.

2. Aleskerova N.E. Nekotorye svedeniya ob istorii i mirovozzrenii srednevekovogo sufij'skogo bratstva Halvatija. [Some information about the history and worldview of the medieval Sufi brotherhood Khalwatiyu]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Serija 13. Vostokovedenie i afrikanistika. 2011. Vyp. 4. S. 13–23. (In Russ.).

3. Президент России. Официальный сайт президента Российской Федерации: [сайт]. URL: <http://kremlin.ru> (дата обращения: 24.07.2021).

3. Prezident Rossii. [President of Russia]. *Oficial'nyj sajt prezidenta Rossijskoj Federacii*. Available at <http://kremlin.ru> (accessed: 24.07.2021). (In Russ.).

4. Сысоева С.В. Использование цвета в рекламе // Сибирский торгово-экономический журнал. 2011. № 12. [эл. доступ]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-tsveta-v-reklame> (дата обращения: 25.07.2021).

4. Sysoeva S.V. Ispol'zovanie cveta v reklame [The use of color in advertising]. *Sibirskij trgovoj ekonomicheskiy zhurnal*. 2011. № 12. Available at <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-tsveta-v-reklame> (accessed: 25.07.2021). (In Russ.).

Текст статьи должен содержать ссылки *на все источники* из списка.

Статьи без пристатейных библиографических списков к рассмотрению не принимаются.

РАССМОТРЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ

Предоставление всех материалов осуществляется через электронный адрес редакции <https://russiaglobal.spbstu.ru/>, через систему электронной редакции. Все поступившие статьи публикуются по итогам слепого рецензирования, в случае соответствия критериям актуальности, новизны, практической значимости и проблематике разделов журнала.

Редакция осуществляет научное и литературное редактирование поступивших материалов, при необходимости корректирует их по согласованию с автором. Присланные материалы и корректуры авторам не возвращаются.

Редакционная коллегия сообщает автору решение об опубликовании статьи в течение 45 дней.

В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

Публикация всех научных статей осуществляется бесплатно.

Адрес редакции: Гражданский пр., д. 28, Санкт-Петербург, 195220, Россия
Телефон: 8 (812) 606-62-42; e-mail: russiaglobal@spbstu.ru